АЗБУКА ВЕРЫ

Петр Ефимович Люкимсон

Царь Ирод

Художественная литература · azbyka.ru

Царь Ирод – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/czar-irod

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Царь Ирод

Петр Ефимович Люкимсон

Вместо предисловия. Можно ли молиться за царя Ирода?

Ответ на поставленный в заголовке вопрос вроде бы давно известен.

Две фразы из гениального пушкинского «Бориса Годунова» — «Народ безмолвствует» и «Нельзя молиться за царя Ирода» — знакомы почти каждому еще по школьным урокам литературы.

Для любого еврея имя Ирода неразрывно связано с трагической судьбой последних представителей царской династии Хасмонеев. Для любого христианина — с евангельской историей об избиении младенцев с целью не допустить прихода в мир Иисуса Христа.

И все же для человека, живущего в космосе русской культуры, царь Ирод — это скорее не конкретная историческая личность, а некий символ, имя не собственное, а нарицательное. «ИРОД, — а, м. (прост, презр.). Изверг, мучитель [по имени жестокого древнеиудейского царя]»[1], — сообщает классический Толковый словарь Ожегова.

«ИРОД, ирода, муж. (прост., бран.). Мучитель, изверг (чаще в обращении). И как я за тебя, ирода, замуж пошла? (От имени царя Иудеи Ирода, изображаемого в евангелии жестоким)»[2], — читаем в Толковом словаре Д. Н. Ушакова.

А Словарь синонимов русского языка тут же услужливо выдает синонимический ряд к этому понятию: «…злодей, кровопивец, кровопийца, живорез, инквизитор, живодер, истязатель, аспид, лиходей, мучитель, изувер, зверь, палач, изверг»[3].

Но вот для историка царь Ирод I Великий — это прежде всего вполне реальный герой древней истории; государственный и политический деятель конца первого столетия до н. э., совершивший вполне конкретные исторические деяния, упоминаемый в различных трудах еврейских, римских и греческих авторов.

Интерес к личности и эпохе Ирода в кругах специалистов существовал всегда, но последние десятилетия он резко возрос в связи с множеством открытий, сделанных археологами как в Иерусалиме, так и в других районах современных Израиля, Иордании, Ливана, Сирии.

Сегодня жизненному пути и деятельности Ирода посвящены десятки, если не сотни солидных монографий на разных языках, авторы которых то и дело вступают в острую полемику друг с другом.

И это понятно.

Личность царя Ирода неоднозначна и противоречива, и если одни его деяния вызывают ужас и отвращение, то другие невольно заставляют восхищаться им как выдающимся государственным деятелем своего времени.

Но значит ли это, что его можно считать вполне достойным персонажем для книги серии «Жизнь замечательных людей»? Задавшись этим вопросом, автор поделился мучающими его сомнениями с одним известным израильским историком.

«Во-первых, — ответил тот по некотором размышлении, — царь Ирод Великий, вне сомнения, был одним из самых замечательных строителей в истории человечества. Во-вторых, само понятие “замечательный человек” далеко не однозначно. Мы можем трактовать его и как “заметный”, “выдающийся”, “оставивший значительный след в истории”. Ирод подходит под все эти определения, а следовательно, при всем при том, что в личной жизни он был подчас настоящим чудовищем, его биография вполне заслуживает того, чтобы быть изданной под фирменной обложкой ЖЗЛ».

Вместе с тем историки античной эпохи прекрасно понимают, что своей посмертной славой Ирод обязан прежде всего евангельской легенде, пусть ее достоверность и вызывает большие сомнения. В конце концов, он был всего лишь одним из многих мелких вассальных монархов Римской империи, презираемым и ненавидимым собственным народом. Что касается возведенных им грандиозных построек, то большинство из них давно превратилось в руины, которые — за исключением разве что остатков дворца Иродион — мало кто связывает с его именем.

Ни сам Ирод, ни его царедворцы, и уж тем более никто из его современников, кстати, никогда не употребляли по отношению к нему эпитет «великий». Более того, попытайся кто-либо присвоить ему это звание, Ирод, при всей его любви к лести, скорее всего, поспешил бы наказать подхалима: великим в Римской империи мог быть только Цезарь, и никто другой. Использование подобного эпитета вассальным царьком могло быть истолковано как проявление нелояльности к Риму, чего Ирод всегда избегал и опасался.

«Великим» Ирода назвали жившие много позже его римские историки, да и то, похоже, использовали это слово поначалу в значении «старший», «большой» — чтобы отличить Ирода I от его потомков, названных в честь своего царственного деда или прадеда.

Так что, не упомяни Матфей имени Ирода уже в самом начале своего Евангелия (Мф. 2:1—13), о нем в лучшем случае помнили бы знатоки Талмуда да группа узких специалистов по истории Древнего Рима и Ближнего Востока. Таким образом, бессмертие Ирода невольно подтверждает хорошо известную специалистам в области пиара[4] истину о том, что «отрицательная реклама — это тоже реклама».

Но притягательность личности Ирода для любого исследователя заключается еще и в том, что он являл собой архетип диктатора и тирана. Многие политические деятели всех времен, заглянув в историческое зеркало, увидели бы в нем Ирода, а в самом Ироде легко просматриваются черты Чингисхана, Тимура, Ивана Грозного, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, Пол Пота, Саддама Хусейна и многих других «отцов народов». Все они так или иначе применяли те же политические методы и инструменты, которыми пользовался и Ирод; все они так или иначе повторяли многие из его поступков и по большому счету его жизненный путь.

Поэтому если проникнуть во внутренний мир Ирода, почувствовать его мысли и психологию поведения, можно понять, что именно подвигло его к тем или иным деяниям, а значит, суметь приблизиться к постижению тайн психологии власти в целом. А заодно и выявить те черты личности, которые помогают потенциальному диктатору подняться на ее вершину и — что куда тяжелее! — удержаться там.

Именно эту задачу и пытался хотя бы в какой-то степени решить автор книги, которую вы сейчас держите в руках.

Одновременно автор пытался найти и ответ на заданный выше вопрос: «Можно ли молиться за царя Ирода?» В том смысле, может ли деятельность диктатора и убийцы заслуживать

позитивной исторической оценки, если, с точки зрения «маленького человека», «человека толпы», он был тем самым лидером, правление которого принесло обществу порядок и стабильность?

Но так как мы можем только догадываться о том, что на самом деле думает и чувствует человек в те или иные минуты жизни, решение такой задачи неминуемо связано с неким если и не вымыслом, то домысливанием.

Сложность ее реализации в случае Ирода Великого заключалась в том, что на самом деле у нас не так уж и много исторических источников, рассказывающих о его жизни и деятельности. Известно, что официальным биографом царя был его личный друг, секретарь и советник Николай Дамасский, большинство сочинений которого до нас не дошли. От того же Николая Дамасского нам известно, что Ирод пытался сам написать мемуары, что существовало несколько его биографий, но ни одно из этих произведений опять-таки не сохранилось, сгинув в исторических катаклизмах, пронесшихся над миром.

Таким образом, все наши сведения о царе Ироде основаны на «девяносто с лишним процентов» на нескольких источниках: Талмуде, Евангелиях и книгах Иосифа Флавия «Иудейская война» и «Иудейские древности». Но так как и евреи эпохи Талмуда, и ранние христиане относились к личности Ирода крайне отрицательно, идеологическая предвзятость первых двух источников становится очевидной.

Следовательно, нам просто не остается ничего другого, как опираться на Флавия. Последний, разумеется, тоже отнюдь не симпатизировал этому своему герою[5], но все же пытался сохранить какое-то подобие объективности. Вдобавок в сочинениях Флавия много явных и скрытых цитат из произведений Николая Дамасского, а тот как раз пытался всячески обелить своего друга и патрона, стараясь при этом не очень далеко уходить от исторической правды.

Поэтому автор решил использовать методику, уже апробированную до него другими исследователями: анализировать параллельные места из «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» и на основе этого анализа и экстраполяции текста делать выводы о его достоверности или недостоверности, а также о том, что с большой степенью вероятности скрыто за текстом.

При этом, само собой, автор старался активно задействовать и все оказавшиеся в поле его зрения статьи и монографии, посвященные царю Ироду и его эпохе. В первую очередь речь идет о фундаментальных исследованиях израильских историков А. Кашера и Э. Вицтума «Ирод: Царь, преследовавший и преследуемый»[6] и А. Шалита «Ирод: Личность и деятельность»[7]. Можно, разумеется, соглашаться или не соглашаться с их гипотезами и версиями, но нельзя не отдать должное тому огромному фактическому материалу, который содержится в этих работах.

Кроме того, книга основана и на личных впечатлениях автора от осмотра развалин летнего дворца Ирода Иродион, археологического парка Кейсарии и грандиозной экспозиции археологических находок, датируемых последними годами периода правления Ирода, выставленной в 2013 году в Музее Израиля в Иерусалиме.

Пытаясь дать объяснение параноидальным чертам личности Ирода, автор опирался на различные монографии и учебники по психиатрии, в первую очередь на книги Джеймса Л. Джекобсона и Алана М. Джекобсона[8], С. Г. Обухова[9] и Э. Крепелина[10].

Автор также благодарит за огромную помощь в работе над этой книгой и чрезвычайно ценные советы своего сына Антона-Йонатана, являющегося блестящим знатоком древней истории

Земли Израиля и еврейских, греческих и римских письменных источников, созданных на рубеже новой эры.

* * *

В заключение остается заметить, что автор пользовался «Иудейской войной» Иосифа Флавия в переводе с греческого Я. Л. Чертка (Репринтное издание: СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1900. СПб.: Орел, 1991). В тексте книги все ссылки на «Иудейскую войну» приводятся по этому изданию, обозначаемому далее как «ИВ». «Иудейские древности» в переводе с греческого Г. Г. Генкеля, в свою очередь, обозначаются как «ИД» и цитируются по изданию 1996 года (М.: Крон-пресс).

Автор не может умолчать и о том, что у него возникли немалые трудности в вопросе, в какой транскрипции давать собственные имена и географические названия. К примеру, в оригинальном ивритском произношении жену Ирода звали Мирьям, сестру — Шломит и т. д. Это обычные и по сей день распространенные у евреев имена, однако в русской традиции Мирьям превратилась в Марию или Мариамну, Шломит — в Саломею, и такие же метаморфозы произошли при переводе и многих других имен и понятий. Тем не менее в итоге автор решил остановиться на устоявшемся в русском языке произношении с указанием при первом упоминании и оригинального еврейского звучания этого имени или названия.

Итак, занавес над полной ужасных и трагических событий драмы жизни царя Ирода поднимается. И только тебе, читатель, решать, заслуживает ли эта драма внимания.

Часть первая. Терминатор

Глава первая. Сын своего отца

Еврейский закон категорически запрещает насильственно обращать кого-либо в иудаизм. И уж тем более делать это в массовом порядке, по отношению к целому народу.

Лишь один раз в истории этот запрет был нарушен, и это обернулось для евреев весьма печальными последствиями — воцарением Ирода, совершившего множество злодеяний и принесшего своим подданным немало горя[11].

Историки относят массовое обращение идумеев (эдомитян) к концу II века до н. э., вероятнее всего, к 112 или 113 году, когда иудейский князь Иоханан (Йоханан) Гиркан I (135–109 до н. э.) сумел наконец добиться полной независимости от Сирии. Не остановившись на достигнутом, Иоханан Гиркан задался целью восстановить еврейское государство в тех границах, в которых оно существовало в эпоху легендарных царей Давида и Соломона.

Завоевав несколько городов к востоку от Иордана и покорив самаритян[12], князь бросил свою армию на юг — в расположенную на просторах пустыни Негев и простиравшуюся до Красного моря Идумею (страну Эдомскую).

Населявшие эту страну идумеи были одним из самых близкородственных евреям народов. Они вели свое происхождение от библейского Едома, он же Исав (Эсав), — брата-близнеца праотца еврейского народа Иакова (Яакова). Правда, на протяжении столетий идумеи сильно смешивались с исмаилитами — протоарабскими, также родственными евреям племенами, но еврейский и идумейский языки оставались настолько похожими, что оба народа прекрасно понимали друг друга без переводчика.

Увы, как это часто бывало в истории, отношения между двумя братскими народами оставляли желать много лучшего. Согласно Библии, Исав и Иаков начали бороться друг с другом еще в утробе матери, и эта борьба продолжалась на протяжении почти полутора тысячелетий. Библия рассказывает, что после исхода из Египта идумеи отказали евреям в просьбе пройти через их страну к границам Земли обетованной, но Моисей, помня, что речь идет о братьях по крови, решил не отвечать на этот отказ войной, а просто обогнул Идумею.

Спустя несколько веков царь Давид покорил Идумею, но эта страна отнюдь не пожелала смириться с потерей независимости. Идумеи то и дело поднимали восстания, возвращали себе суверенитет, снова подпадали под власть евреев и уж точно во всех ведшихся на Ближнем Востоке войнах выступали на стороне врагов Иудеи.

После завоевательных походов Александра Македонского и смерти последнего и Иудея, и Идумея сначала вошли в состав Египетского царства Птолемеев, а затем стали подданными правивших Сирией и Вавилонией Селевкидов. Так оба народа стали частью огромного эллинистического мира, в котором господствовали греческий язык и великая греческая культура.

Но если греческая философия, литература, искусство и сам утонченный быт греков пришлись по вкусу верхушке идумейского общества, то монотеистов-иудеев правление Селевкидов раскололо на два непримиримых лагеря.

Сторонники первого из них, называвшие себя «эллинистами», считали, что евреи должны стать органичной частью созданной Александром Македонским «новой» Ойкумены, воспринять ценности греческой цивилизации, а своей религии и традициям следовать постольку, поскольку возможно. Вторые, наоборот, были до глубины души возмущены попытками греков навязать евреям язычество и предпочитали смерть измене вере и обычаям предков.

В ответ на начатые царем Антиохом IV Эпифаном преследования поборников монотеизма в 167 году до н. э. в Иудее вспыхнуло антигреческое восстание, возглавляемое священником Маттафием Хасмонеем, а затем его сыновьями, получившими прозвище Маккавеев — по имени их старшего брата Иуды Маккавея (Молота). Это восстание в итоге и привело к ослаблению и последующему падению династии Селевкидов, после чего представитель третьего поколения Хасмонеев Гиркан I и начал свои завоевательные походы.

Хотя Иоханан Гиркан I и был решительным противником эллинистов, греческий язык и культура к тому времени так глубоко проникли в еврейское общество, что от них уже было невозможно отказаться. Его второе имя — Гиркан — было греческим, да и себя Иоханан Гиркан I называл на греческий манер «этнархом», то есть «правителем народа, этноса», князем, но никак не царем.

Будучи искусным полководцем, Гиркан I без труда взял несколько идумейских городов, а остальные, поняв бессмысленность сопротивления, стали сдаваться без боя.

Заботясь об этническом единстве и территориальной целостности государства, Гиркан I предложил идумеям выбор: либо они будут изгнаны из страны, либо всем народом перейдут в иудаизм.

Разумеется, князь не мог не понимать, что идет на грубое нарушение еврейского закона. Но, думается, в тот момент он искренне считал, что ему пришло в голову гениальное политическое решение, направленное исключительно на благо нации. Фраза, что благими намерениями

вымощена дорога в ад, как известно, появилась много позже, и этнарх Иудеи не мог быть с ней знаком по определению.

Как и ожидалось, идумеи предпочли второй вариант. Следуя указаниям еврейских священников-коэнов, идумейские женщины окунулись в ритуальные бассейны — миквы или просто в ближайший ручей или речку, а все мужчины — от мала до велика — обрезали крайнюю плоть. Вопреки их опасениям, операция оказалась не такой уж болезненной, и ни мужская сила, ни острота ощущений от нее не пострадали.

В целом образ жизни в идумейских городах почти не изменился. Казалось, что просто в один из дней их жители легли спать идумеями, а проснулись евреями. Правда, иудейские солдаты разбили стоявшие в идумейских храмах великолепные статуи, а также разрушили некоторые из этих храмов, но на рынках продолжалась бойкая торговля, через Идумею по-прежнему шли купеческие караваны, на улицах звучала греческая речь, а в гимнасиях, как и раньше, читали Гомера, учили историю, риторику и философию.

Но как мудрый правитель Иоханан Гиркан I понимал всю хрупкость сложившейся ситуации. Он знал, что понадобятся десятилетия, а то и столетия, прежде чем идумеи окончательно сольются с еврейским народом. Назначать в этой ситуации стратегом, то есть правителем, Идумеи урожденного иудея было бы по меньшей мере неумно. Нет, ему был нужен на эту роль местный житель, с одной стороны, приветствовавший «аннексию» Идумеи, а с другой — пользующийся достаточным авторитетом в народе, поддержкой его верхушки и одновременно способный наладить дружеские связи с правителями соседних государств.

После мучительных раздумий Иоханан Гиркан I остановил выбор на Антипе — знатном и богатом гражданине идумейского города Мареши (в римской версии — Марисы). Немалую роль в этом выборе сыграло и то обстоятельство, что Антипа, вдобавок ко всему, имел немало друзей среди правителей расположенных неподалеку городов-государств Аскалона (Ашкелона) и Газы, а также при дворе владыки соседнего Набатейского царства.

По версии Иосифа Флавия, Антипа был назначен стратегом не Иохананом Гирканом I, а его сыном Александром Ян-наем (103—76 годы до н. э.), но суть от этого не меняется.

С назначения Антипы стратегом Идумеи и начинается отсчет истории династии царя Ирода.

Талмуд утверждает, что Антипа был не кем иным, как рабом Иоханана Гиркана I, которого тот решил возвысить и поставил правителем Идумеи. Случаи, когда рабы или вольноотпущенники достигали необычайно высокого положения, хорошо известны и в греческой, и римской истории, однако большинство исследователей убеждены, что в данном случае мудрецы Талмуда намеренно исказили реальное положение дел. То есть, возможно, Антипа и в самом деле называл себя «рабом» Иоханана Гиркана I, но это была, что называется, исключительно фигура речи. А вот для чего еврейским мудрецам понадобилось выдвинуть версию о «рабском» прошлом Антипы, читатель поймет чуть позже.

Пока же заметим, что пост стратега Идумеи открыл перед Антипой двери в высшие круги иудейского общества, и он по долгу службы стал часто появляться в царском дворце в Иерусалиме.

* * *

Антипа, судя по его греческому имени, был страстным приверженцем эллинистической культуры и в таком же духе воспитывал своих сыновей, носивших греческие имена Антипатр и Филон.

Вместе с тем Антипа, видимо, был убежден, что присоединение его маленького народа к более многочисленным и могущественным евреям — стратегически правильный шаг, и твердо связал свое будущее с Хасмонейской династией, став ее верным слугой.

Тем временем в семье Хасмонеев начали происходить драматические события, неминуемо приближающие ее упадок. После смерти Иоханана Гиркана I на престол взошел его старший сын Иуда Аристобул, решивший, что титула этнарха ему мало, и провозгласивший себя царем. Опасаясь за свой трон, он отправил в тюрьму трех братьев, оставив при себе лишь любимого брата Антигона и назначив его командующим армией. Именно Антигон еще больше расширил границы Иудеи, отвоевав у сирийцев другую ее историческую область — Галилею.

Однако затем, поверив клевете, что Антигон намеревается свергнуть его с престола, Аристобул казнил брата. Вскоре после этого, терзаемый муками совести и тяжелой болезнью, Аристобул скончался, и на престол взошел его брат Александр Яннай.

Будучи сторонником эллинизации Иудеи, Александр Яннай сблизился с придерживающейся тех же взглядов партией саддукеев и одновременно начал беспощадные репрессии против ревнителей и толкователей Писания — фарисеев.

В этой своей политике он нашел верных союзников в лице идумея Антипы и его сына Антипатра, оказавшегося не менее умным и деятельным, чем отец. А потому вряд ли стоит удивляться, что, умирая и вручая трон Иудеи в руки своей жене Саломеи Александры, Александр Яннай посоветовал ей полагаться на Антипу и его семью.

И хотя Саломея Александра исповедовала иные взгляды, чем муж (она быстро сблизилась с фарисеями и взяла курс на укрепление национального и религиозного самосознания народа), Антипа и Антипатр, с их огромным опытом управленческой деятельности, продолжали входить в ближайшее окружение царицы и были в центре всех дворцовых интриг.

Особенно близко Антипатр сдружился с юным сыном Александры Гирканом. Может быть, потому, что они совершенно разнились характерами: флегматичному, нерешительному царевичу нужен был такой энергичный друг, как Антипатр.

Однако во дворце на Антипатра посматривали косо — все же он был «бывшим идумеем», а значит, оставался чужаком. Хотя формально, с точки зрения еврейского закона, после обращения идумеи были полноправными иудеями и с ними можно было родниться, евреи старались не вступать с ними в браки и вообще держались от них подальше.

Идумеи, надо заметить, платили евреям той же монетой. В идумейских городах находились те, кто тайно продолжал отправлять языческие культы, мечтал о восстановлении независимости и также старался не особенно сближаться с евреями.

Возможно, именно этим объясняется то, что, несмотря на близость к семье царя, Антипатр не смог жениться на еврейке и в довольно зрелом возрасте сочетался браком с Кипрос — девушкой из знатной набатейской семьи, возможно даже с одной из дочерей или родственницей царя соседней Набатеи. Само собой, Кипрос перед замужеством прошла гиюр[13], но этот брак нисколько не приблизил Антипатра к евреям и, разумеется, не сделал его большим приверженцем еврейской культуры.

За долгую совместную жизнь Кипрос подарила Антипатру четырех сыновей и одну дочь. Второму из этих сыновей и предстояло стать тем самым Иродом Великим, одно имя которого будет внушать трепет и спустя два тысячелетия. Само это имя является производным от

греческого HpcoiSrig (Heroides) и означает в переводе «песнь героя».

Но ведь герой, как известно, может быть не только положительным.

* * *

Согласно распространенной версии, после смерти отца Антипатр унаследовал звание стратега Идумеи и продолжил управлять ее землями из родного города Мареши.

Здесь же, в Мареше, в 73 или 72 году до н. э. родился Ирод. Здесь же в основном прошли его детство и отрочество. Отталкиваясь от этой версии, Арье Кашер и Элиэзер Вицтум попробовали воссоздать подробную картину первых лет жизни Ирода в Мареше — типичном эллинизированном городе своей эпохи, где бок о бок жили греки, идумеи и евреи, поселившиеся здесь после возвращения из Вавилонского плена[14].

Так как Антипатр вслед за Антипой был поклонником греческой культуры, у Кашера и Вицтума нет сомнений, что Ирод и его братья получили классическое греческое образование, для чего отец приглашал к ним лучших учителей из Аскалона или Газы. Еврейское же образование дети Антипатра либо вообще не получали, либо получили самое поверхностное и потому имели смутное представление и о Библии, и о повседневных законах иудаизма, не говоря уже о еврейской философии и праве.

Однако, по мнению Исраэля Шацмана, утверждения о том, что детство и юность Ирода прошли в провинциальной Мареше, — это не более чем версия, причем весьма сомнительная[15]. В первую очередь она, безусловно, основана на свидетельствах Иосифа Флавия. Характеризуя Антипатра в «Иудейской войне», Флавий пишет: «Родом идумеянин, он, по знатному своему происхождению и могуществу, сделался первым человеком в своем народе» (ИВ. Кн. 1. Гл. 6:2. С. 32).

В «Иудейских древностях» Флавий сообщает об Антипатре и его отце следующее:

«У Гиркана был друг Антипатр, идумеянин родом, который при значительном богатстве обладал весьма энергичным и беспокойным характером…

Итак, этот Антипатр первоначально, как и отец его, носил имя Антипа. Отца его царь Александр и жена его назначили начальником над всей Идумеей, а он, как говорят, заключил дружбу с симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причем склонил их на свою сторону богатыми дарами» (ИД. Кн. 14. Гл. 1:3. С. 52).

Таким образом, Флавий нигде не пишет, что Антипатр был стратегом, или, если угодно, губернатором Идумеи, как и его отец. То, что он считался «первым человеком в своем народе», еще не означает, что он занимал пост стратега.

Далее Шацман обращает внимание на результаты раскопок Мареши, показывающие, что как раз в период правления Хасмонеев город находился в относительном упадке, а значит, никак не тянул на звание «губернского центра».

В то же время из сочинений Иосифа Флавия нам известно, что Антипатр был ближайшим другом и советником царевича Гиркана и находился при нем почти неразлучно.

А значит, приходит к выводу Шацман, Антипатр и его семья почти все время жили в Иерусалиме, и именно в столице, а не в провинциальной Мареше прошли детские годы Ирода. В Марешу, которой, вероятно, какое-то время правил дядя Антипатра Филон, Ирод

наведывался лишь время от времени — подобно тому как жители современных больших городов выезжают летом на дачу или в те места, откуда прибыли в эти города их деды или даже прадеды. Это была, что называется, «малая родина» Ирода, его родовое гнездо — не менее, но и не более того.

Еще одно подтверждение этой своей гипотезы Шацман находит у того же Иосифа Флавия — в рассказе, как Антипатр утихомиривал гнев Ирода на Гиркана II. При этом Антипатр напомнил сыну, как Гиркан любил и баловал Ирода, когда тот был ребенком. Согласитесь, что это означает только одно: с самого раннего возраста Ирод бывал в царском дворце.

Маленький идумей почти наверняка был ослеплен блеском дворцовых покоев и роскошной жизнью царской семьи, а также легендами о великих еврейских царях, прежде всего о великом воине Давиде и строителе Первого храма Соломоне. Поэтому не исключено, что мечта рано или поздно взойти на иудейский трон возникла у Ирода еще в раннем детстве и с тех пор уже не оставляла его.

В сущности, если задуматься, в этой мечте не было ничего необычного. Какой мужчина, в конце концов, не мечтал в детстве поскорее вырасти и стать похожим на великих героев своего народа? Какой мальчишка (особенно из семей, близких к правящим кругам) не бредил тем, как однажды сам окажется на вершине власти и могущества, женится на принцессе и начнет управлять царством?!

Но для маленького Ирода это была не просто дерзкая, но и совершенно нереальная мечта — как, к примеру, для человека, не родившегося в США, неисполнимо желание стать президентом этой страны. У Ирода не только не было необходимой родословной, но и вообще самого маленького, даже теоретического шанса взойти на престол.

«…Поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою иноземца, который не брат тебе» (Втор. 17:15), — однозначно говорится в Пятикнижии.

Ирод же был евреем только в третьем поколении, а по матери — вообще во втором, и, как видно хотя бы из тех же слов Флавия, ему никогда не давали забыть об этом. Несмотря на все политическое могущество его семьи, он оставался «инородцем», «не братом» и для товарищей по детским играм, и для придворных Хасмонеев. Если проводить какие-то аналогии, то положение Ирода напоминало ситуацию, в которой в советские времена оказывался сын какого-либо партийного деятеля советского времени, переведенного на повышение в Москву. Учась в элитной московской школе, такой юноша мог говорить по-русски без акцента, знать русский язык и русскую литературу лучше всех одноклассников, то есть быть человеком русской культуры, но все равно для товарищей он оставался «нацменом», чужаком, и рано или поздно в той или иной форме ему об этом напоминали.

Нет никакого сомнения, что больше всего на свете Ирод порой желал стать «настоящим» евреем, принадлежать к титульной нации, а не числиться среди окружающих «грязнокровкой», если пользоваться термином, придуманным творцом саги о Гарри Поттере.

Видимо, именно это желание Ирода в какой-то момент и подвигло Николая Дамасского составить для своего патрона фальшивое родословие, по поводу которого Флавий язвительно замечает: «Николай из Дамаска сообщает, что он (Антипатр. — *П. Л.*) происходил от первых из вернувшихся из Вавилона в Иудею евреев; но это он говорит лишь в угоду сыну его Ироду, который по некой случайности стал царем иудейским».

Но если о том, по случайности ли Ирод стал царем или трон достался ему по праву, можно поспорить, то возникновение у него еще в раннем детстве стремления царствовать, повторим, почти не вызывает сомнения. Иначе ему вряд ли так сильно запало бы в память предсказание ессея Манаима (Менахема), сделанное, когда он был еще ребенком:

«Был некий эссеянин по имени Манаим, который вообще, особенно же вследствие своего праведного образа жизни, пользовался общим уважением, тем более что Господь открыл ему знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и предсказал ему, что он будет царем иудейским. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он ведь принадлежит к простому классу. Манаим, однако, улыбнулся, ударил его рукой по спине и сказал: «И тем не менее, ты будешь царствовать, и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Манаима, и пусть они будут тебе символом переменчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если бы ты всегда любил справедливость и благочестие, равно как всегда был бы мягок со своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковым. Правда, ты будешь счастлив как никто другой и уготовишь себе вечную славу, но вместе с тем ты забудешь также о благочестии и справедливости. Все это известно Предвечному, и в конце своей жизни ты вспомнишь о Его гневе на тебя» (ИД. Кн. 15. Гл. 10:5. С. 131).

Даже если эта история и была придумана Иродом для Николая Дамасского, она отражает ту грань его личности, которая неотъемлемо составляет духовный мир почти всех вождей, восходивших на вершину власти, не имея на то особого права. А именно: фанатичную веру в собственную избранность для особой миссии и в полную вседозволенность ради реализации этой миссии. Не случайно Дмитрий Волкогонов в монографии о Ленине так заостряет внимание на том, что «Ленин верил в свою избранную роль вождя того великого дела, которое… приведет к перерождению человечества»[16]. А вот замечание Ласло Белади и Тамаша Крауса о характерных чертах личности Сталина: «Как и многие настоящие революционеры, он был человеком одержимым, но не только идеей революции. Он был одержим мыслью о своем предназначении, о своем призвании»[17].

То, что Ирод также был одержим такой верой, не оставляет сомнений. Кстати, обратим внимание: Ирод встретил ессея Манаима по дороге в школу. Это значит, что он где-то учился, хотя и непонятно, в еврейской или греческой школе. Однако в любом случае учился он, скорее всего, плохо, и его друг и биограф Николай Дамасский потом вспоминал, что ему пришлось почти с нуля знакомить Ирода с греческой поэзией, риторикой и философией.

Так что, судя по всему, маленький Ирод отнюдь не был идеальным ребенком и большую часть времени предпочитал проводить в играх или, как это предписывало греческое мировоззрение, в спортивных упражнениях и совершенствовании собственного тела.

При этом самым сложным и болезненным был для него вопрос: «Кто ты, Ирод?!»

Безусловно, ему хотелось считать себя евреем, но в глазах других евреев он был прежде всего обращенным идумеем. Однако и идумеи — те из них, кто пытался сохранить остатки национального самосознания, — уже не считали Ирода и его семью идумейской из-за слишком тесной близости с евреями.

Ему также нравились греки и греческая культура, по образу мышления и личной системе ценностей он был греком, но в то же время он не мог быть им по определению.

Возможно, все эти трудности с самоидентификацией в итоге и заложили основу паранойи, которой он страдал большую часть своей жизни. Впрочем, немало этому способствовала и сама

жизнь при дворе Хасмонеев с ее вечными интригами и заговорами ближайших родственников друг против друга.

Ироду было пять лет, когда умерла царица Саломея Александра и встал вопрос о том, кто из ее сыновей должен наследовать трон — старший, Гиркан, или младший, Аристобул.

Для отца Ирода Антипатра это был вопрос жизни и смерти.

Глава вторая. Гражданин Рима

Вот как разворачивались события в том знаменательном 67 году до н. э. в изложении Семена Марковича Дубнова:

«После смерти Саломеи царем должен был сделаться старший сын ее, Гиркан II. Но не успел еще Гиркан вступить во власть, как брат его Аристовул [Аристобул] двинулся с войском к Иерусалиму, чтобы силой отнять у него престол. У Иерихона встретились войска обоих братьев и произошла битва, в которой армия Гиркана потерпела поражение, так как значительная часть ее, увлеченная храбростью Аристовула, перешла к последнему. Испуганный Гиркан заперся в крепости при Иерусалимском храме. Он признал себя побежденным, когда Аристовул вступил в столицу. Братья заключили между собой мирный договор, по которому Гиркан отказался от царского звания, сохранив за собой (по-видимому) только сан первосвященника; Аристовул же был объявлен царем Иудеи под именем Аристовула II. Оба брата, в присутствии народа, подали друг другу руки и обнялись. Отречение от престола не было, впрочем, особенно тяжело для Гиркана, ибо он по природе любил тихую жизнь и был мало способен к управлению государством»[18].

Но если слабовольного Гиркана II такой поворот событий вполне устраивал, то он никак не мог устроить Антипатра. Во-первых, по той причине, что Аристобул II был противником партии эллинистов-ассимиляторов, к которой принадлежал Антипатр, и над эллинистами явственно нависла угроза гонений. Во-вторых, Антипатр не для того столько лет был ближайшим другом царевича, чтобы затем вдруг оказаться не у дел. Это отнюдь не означает, что он с самого начала искал дружбы с Гирканом из корыстных побуждений. Нет, тот, безусловно, был ему чисто по-человечески близок и дорог, но все же изначально это была дружба с дальним прицелом, и Антипатр просто не мог смириться с тем, что его планы в одночасье лопнули как мыльный пузырь.

Выход оставался только один: убедить Гиркана восстать против брата и вернуть себе престол. Антипатр попытался сыграть на честолюбии друга и пробудить в нем жажду власти, но, как выяснилось, у Гиркана, похоже, эти качества попросту отсутствовали, а стало быть, и будить было нечего. И тогда Антипатр решил пойти другим путем.

— Понимаешь ли ты, — сказал Антипатр Гиркану на очередной пирушке, — что, отказавшись от престола, ты подписал смертный приговор не только мне и многим своим друзьям, но и самому себе и своей семье? Ведь законное право на власть все равно принадлежит тебе. А значит, пока ты жив, Аристобул, одержимый болезненным властолюбием, будет видеть в тебе и твоих детях опасных претендентов на трон. Так что ему стоит в один из дней отдать приказ убить тебя со всеми домочадцами?

— Что за глупости! — возразил Гиркан. — Я мог бы опасаться покушения, если бы продолжал занимать трон. Но сейчас, когда я больше не царь и не претендую на корону, убивать меня не имеет смысла. Думаю, ты попросту не знаешь Аристобула — он отнюдь не кровожаден, и ему совсем не чужды братские чувства. Да и давай будем откровенны: он куда больше подходит для

управления царством, чем я.

Разговор этот разочаровал Антипатра, но он был отнюдь не из тех, кто с легкостью отказывается от поставленной цели. Вскоре после беседы с Гирканом Антипатр собрал на тайное совещание наиболее видных представителей партии эллинистов, так же как и он, оказавшихся в опале, и призвал приложить все усилия для свержения Аристобула и восстановления на троне безынициативного, а потому готового плясать под любую дудку Гиркана II.

Для этого, согласно плану Антипатра, как можно больше людей должны были постоянно, изо дня в день убеждать Гиркана, что ему и его детям грозит смертельная опасность со стороны Аристобула.

Вслед за этим Антипатр отправился за Иордан, в Набатею, где благодаря родственникам жены получил аудиенцию у царя этого государства Ареты. Пусть и не без труда, но ему все же удалось уговорить царя дать Гиркану убежище на случай его желания бежать в Набатею, а затем предоставить гостю военную помощь, чтобы тот смог отвоевать престол. Взамен, помимо щедрых подарков как от себя, так и от Гиркана, Антипатр обещал в случае успеха вернуть Арете 12 городов из числа тех, что были отвоеваны у набатеев Александром Ян-наем.

Этот план в итоге сработал. Вода, как известно, камень точит, а согласно древнегреческой поговорке, если три человека говорят, что ты пьян, то иди и ложись спать. Все окружение Гиркана так долго и упорно убеждало его в том, что Аристобул намерен либо подослать к нему убийц, либо отравить, что Гиркан в конце концов поверил в это. А поверив, однажды ночью вместе с семьей бежал в столицу Набатеи Петру. Спустя еще пару месяцев, в 64 году до н. э., Арета во главе своей пятидесятитысячной армии вторгся в Иудею.

Такой мощной военной силы у Аристобула не было. Проиграв первое же сражение, он поспешил отступить к Иерусалиму и заперся в городе. Началась многомесячная осада Иерусалима, в ходе которой и Арета, и стоявший за ним Антипатр не раз успели доказать, как мало для них значат понятия о чести и верности данному слову. Так, Иосиф Флавий рассказывает, что в дни праздника Песах[19] осажденные обратились к Антипатру и Гиркану с просьбой передать им через стену быков, баранов и овец для совершения предписанных Пятикнижием праздничных жертвоприношений. За каждое переданное животное Аристобул и служившие в Храме священники высказали готовность заплатить тысячу драхм — сумму, намного превышающую их реальную цену. Антипатр (а он, как уже понял читатель, принимал за Гиркана все решения) согласился на эти условия, получил обещанные деньги, но и не подумал передать жертвенных животных.

«Увидев себя таким образом обманутыми, — пишет далее Флавий, — священнослужители стали молить Бога воздать единоверцам по заслугам. Предвечный же не откладывал возмездия, но наслал на страну сильный ураган, который уничтожил все плоды страны, так что модий зерна стоил тогда 11 драхм» (ИД. Кн. 14. Гл. 2:2. С. 53).

Если до этого от голода страдали только жители осажденного Иерусалима, то после гибели на корню всего урожая он начался и в стане их противников. Не зная, откуда взять провиант, Арета стал подумывать о том, чтобы снять осаду и вернуться с армией домой. Но в это же самое время римские войска вошли в раздираемую междоусобными войнами Сирию, и таким образом Великий Рим окончательно предъявил претензии на господство над всем Восточным Средиземноморьем.

* * *

Эти драматические события и подвигли Антипатра сделать стратегический выбор, определивший в итоге всю судьбу династии Ирода. Думая о том, как удержать Арету от отступления, Антипатр понял, что во входящем в решительную стадию противостоянии двух великих держав — Рима и Парфии — ни небольшой Иудее, ни ее соседям, кто бы ни стоял у власти, не удастся сохранить независимость. Рано или поздно им придется выбирать, на чьей они стороне, и чем раньше будет сделан такой выбор, тем лучше.

И Антипатр решил сделать ставку на Рим и смиренно просить у римского полководца Марка Эмилия Скавра покровительства и помощи в возвращении на трон Гиркана.

Но, как выяснилось, точно к такому же выводу пришел и царь Аристобул, так что посланцы Аристобула и Гиркана явились к прибывшему в Иудею Скавру почти одновременно. Оба — с щедрыми подношениями и не менее щедрыми посулами в случае, если римлянин примет сторону одного из них.

В итоге Скавр сделал чисто прагматический выбор, позволявший ему и сберечь своих солдат, и неплохо поживиться. Вместо того чтобы оказать Гиркану и Арете помощь в штурме хорошо укрепленного города, он принял от Аристобула в дар 300 талантов и велел Арете снять осаду с Иерусалима. Набатейский царь попытался было воспротивиться, но Скавр пригрозил объявить его «врагом Рима». Это означало только одно: через пару дней у Петры появятся римские легионы, и Арета поспешно пошел на попятную.

Отступление врага, в свою очередь, придало сил Аристобулу. Собрав сторонников, он бросился в погоню за отступающей арабской армией и дал ей решительное сражение у Папирона в долине Иордана. В этой битве армия Гиркана и Ареты потеряла шесть тысяч убитыми, в числе которых был и родной брат Антипатра Филон.

Теперь, казалось, для Антипатра и в самом деле было все кончено. Но Антипатр был из тех людей, которые никогда не смиряются с поражением и продолжают отчаянно добиваться своего, даже если кажется, что у них не осталось никаких шансов. Узнав, что в Дамаск прибыл сам Гней Помпей[20], Антипатр поспешил туда, ненамного опередив прибывшего с богатыми дарами посланца Аристобула Никодима.

Однако, желая подчеркнуть, что де-факто он уже считает Иудею подчиненной Риму, Помпей потребовал, чтобы оба брата лично явились к нему на суд. Аристобул и Гиркан тут же направились в Дамаск, но туда же почти одновременно с ними направилась и «народная делегация», большую часть которой составляли представители иудейской знати и лидеры фарисеев.

Если Гиркан настаивал на своем праве на престол по праву старшинства, а Аристобул пытался убедить Помпея, что брат в отличие от него не способен управлять страной, то «посланцы народа» заявили, что Хасмонеи на самом деле вообще не имеют права на престол. Они так долго и подробно объясняли, что Хасмонеи — священники-коэны, ведущие свой род от брата Моисея Аарона, а царская династия должна происходить от рода царя Давида, который, в свою очередь, ведет род от сына Иуды и внука Иакова Переца, что у Помпея разболелась голова. Тем не менее он понял, что «посланцы» хотят превратить Иудею из монархии в республику, и обещал обдумать это предложение…

Словом, если отбросить в сторону многочисленные подробности, которые присутствуют в освещении этих событий еврейскими историками, то становится понятно, что на самом деле Помпею было глубоко… все равно, кто именно прав в этом споре. Хотя бы потому, что его в тот момент одолевали куда более глобальные проблемы, касающиеся не крохотного еврейского

государства, а судьбы всей Римской империи.

Но Аристобула в итоге погубила гордость — он вел себя с Помпеем как равный. Он соглашался быть союзником, но ни в коем случае не вассалом Рима, в то время как Антипатр и Гиркан не скрывали, что готовы принять условия Помпея, какими бы они ни были. И даже если отбросить возникшую у Помпея личную антипатию к Аристобулу, бесхарактерный Гиркан с хитроумным советником Антипатром устраивали его в качестве правителей вассальной страны куда больше, чем своевольный и решительный Аристобул.

Дело кончилось тем, что Аристобул бросил вызов Великому Риму, а Помпей в ответ осадил Иерусалим. Последним оплотом защитников города стал Храм. Здесь, в Храме, развернулось кровавое сражение, и пока оно шло, еврейские священнослужители-коэны продолжали приносить храмовые жертвы и отправлять службы, словно не замечая, как вокруг них один за другим гибнут последние защитники святыни — пока, наконец, не дошла очередь и до них.

В итоге в битве за Храм были убиты 12 тысяч евреев, в то время как потери римлян были совсем невелики.

Но самое чудовищное преступление, с точки зрения евреев, Помпей совершил, когда вошел в Святая Святых Храма — сакральное место, куда был разрешен вход только первосвященнику, да и то раз в году — в Судный день, день всеобщего поста и трепета. Оказавшись внутри Святая Святых, Помпей внимательно осмотрел (а значит, и осквернил прикосновением) стоявшую там храмовую утварь. Большего святотатства поистине придумать было невозможно.

По мнению выдающегося еврейского историка Семена Дубнова, вероятнее всего, падение Храма произошло в Судный день 63 года до н. э. Это было одно из самых драматических событий в еврейской истории, и оно наверняка осталось бы в народной памяти, если бы его не заслонили другие, куда более трагические события.

По сути дела, речь идет о первой иудейской войне, закончившейся потерей независимости и национальным унижением Иудеи.

Аристобул и его семья были уведены в Рим, но один из сыновей пленного царя, Александр, сбежал по дороге, чтобы вернуться домой и зажечь пламя народного восстания против Рима. Это было несложно, так как римляне воспринимались евреями такими же оккупантами, как в свое время греки, а после безобразной выходки Помпея и того хуже.

Политические последствия войны также оказались катастрофическими. Значительную часть городов страны Помпей попросту объявил независимыми и включил их в состав Римской империи. Территория Иудеи скукожилась, как шагреневая кожа.

Зато Антипатр торжествовал победу: Помпей даровал Гиркану звание этнарха и первосвященника, а его, Антипатра, назначил к Гиркану апотропусом, то есть опекуном, а на деле — правителем Иудеи.

Так Антипатр доказал, что несбыточной мечты не бывает — просто за свою мечту надо уметь бороться.

И это был прекрасный урок для его сына Ирода.

* * *

Писать об Антипатре можно долго и много, так как он и в самом деле был человеком

неординарным. Ирод, безусловно, не только унаследовал многие его качества, но и многому научился у отца.

И все же герой этой книги не Антипатр, а потому мы попытаемся ограничиться самым кратким пересказом связанных с ним событий.

Сделав стратегическую ставку на Рим, Антипатр оставался верен этому выбору до конца жизни, чутко следя за малейшими переменами римской политики и вовремя меняя конкретного покровителя.

В качестве верного сателлита он помогал римлянам улаживать конфликты с арабскими царствами и княжествами, поставлял римской армии провиант и тягловую силу во всех военных кампаниях в регионе; самым активным образом участвовал в египетской войне — и как главнокомандующий находившейся под его началом иудейской армии, и как искусный дипломат, убедивший евреев Египта, обладавших там огромной военной силой и политическим влиянием, принять сторону Рима.

Римляне, в свою очередь, не оставались в долгу, помогая Гиркану и Антипатру утопить в крови восстание царевича Александра, которому однозначно симпатизировала большая часть народа.

В начавшемся противостоянии Цезаря и Помпея Антипатр почти до конца поддерживал Помпея, так что вряд ли стоит удивляться тому, что Цезарь, придя к власти, в 49 году до н. э. освободил из темницы Аристобула и послал его во главе двух легионов подчинить себе Иудею. Но до Иудеи Аристобул не доехал: Антипатр позаботился, чтобы свергнутого царя отравили проникшие в окружение последнего люди Помпея. Вслед за этим Помпей — судя по всему, опять-таки не без вмешательства Антипатра — отдал приказ казнить находившегося в плену в Антиохии царевича Александра. Таким образом, с двумя талантливыми и деятельными представителями Хасмонеев было покончено.

Сразу после гибели Помпея в 48 году до н. э. Антипатр поспешил засвидетельствовать свою преданность Гаю Юлию Цезарю. Узнав, что тот оказался в сложном положении в Египте, Антипатр собрал коалицию, в которую, помимо иудейской армии, вошли также отряды правителей Сирии и Ливана. Эта армия прорвала кольцо блокады, в которой оказался Цезарь со своими легионерами.

Разумеется, Цезарь не мог не оценить этого поступка и, оказавшись в Дамаске, вызвал к себе Антипатра. Одновременно туда же прибыл Антигон — брат казненного Александра и младший сын отравленного Аристобула. Их встреча была неизбежной, и она произошла — прямо в резиденции Цезаря, перед его троном.

Иосиф Флавий считает, что ошибка Антигона заключалась в изначально неверно выбранной тактике беседы. Вместо того чтобы попытаться вызвать к себе сострадание рассказом о страшной судьбе отца и брата, молодой царевич стал обвинять Антипатра и Гиркана в узурпации власти. Одновременно он напомнил, как верен был Антипатр Помпею, и добавил, что если «презренный идумей» и в самом деле чем-то помог Цезарю, то лишь из страха, что тот накажет его за преданность Помпею.

Антипатр слушал все эти обвинения (заметим, вполне обоснованные) молча, скривив губы в усмешке. Затем он сделал шаг к трону Цезаря и… сорвал с себя тунику. Перед всеми, кто в тот момент находился в зале, предстало загорелое, тренированное тело старого солдата с множеством шрамов и еще не окончательно зажившими после Египетской кампании ранами.

— Мне не нужно доказывать своей верности Цезарю словами, — произнес Антипатр. — Даже

если я буду молчать, мое тело само свидетельствует об этом! Но что меня больше всего поражает, так это наглость Антигона. Он, сын врага Рима, осмеливается предъявлять римлянам претензии и заявлять о своем праве на власть! Но если ему и в самом деле нужна власть, то только для того, чтобы поднять новый мятеж против Рима, который он ненавидит так же, как его брат и отец!

Красота жеста и речи мгновенно была оценена по достоинству: симпатии Цезаря оказались полностью на стороне Антипатра, и он предложил герою выбрать себе тот пост, какой только пожелает.

— Пусть награждающий сам выберет награду! — ответил Антипатр с подлинно латинским или, если угодно, спартанским лаконизмом.

И награда оказалась поистине высока: сохранив за Гирканом сан первосвященника, Цезарь официально назначил Антипатра прокуратором, то есть фактическим правителем Иудеи, разрешил отстроить стены Иерусалима, а также даровал ему и его сыновьям римское гражданство и пожизненно освободил их от уплаты налогов.

«Акт о дарованных им милостях Цезарь велел вырезать на доске и поставить ее в Капитолии в память о его правосудии и заслуге Антипатра», — сообщает Иосиф Флавий (ИВ. Кн. 1. Гл. 10:3. С. 48).

Дождавшись, когда Цезарь покинет Сирию, Антипатр вернулся в Иудею и поспешил немедленно приступить к обязанностям прокуратора.

«Первым его делом, — продолжает Флавий, — было обновление Иерусалимской стены, разрушенной Помпеем. Затем он объехал всю страну с целью утишить волнения. Угрожая, но сохраняя вместе с тем тон доброго советника, он объявил повсюду, что “люди, преданные Гиркану, будут жить счастливо и спокойно, наслаждаясь плодами мира и своим благоприобретенным имуществом; но тот, кто даст себя обольстить несбыточными мечтами преследующих свою личную выгоду мятежников, тот найдет в нем деспота вместо заботливого друга; в Гиркане вместо отца страны — тирана, а в римлянах и Цезаре вместо руководителей страны и друзей — врагов, так как римляне не потерпят унижения того, кого они сами возвысили”…» (ИВ. Кн. 1. Гл. 10:4. С. 48).

Одним из первых указов, изданных Антипатром, был указ о назначении его старшего сына Фазаила (Пецаэля) правителем Иерусалима, а второго сына, Ирода, — правителем (стратегом) Галилеи.

Так в 47 году до н. э. началось восхождение Ирода к вершине власти.

Глава третья. Приговоренный к смерти

К моменту назначения стратегом Галилеи Ироду исполнилось 25 лет, то есть, по понятиям того времени, он находился в самом расцвете сил.

Долгие годы упорных тренировок и участие в различных спортивных состязаниях сделали его одним из лучших наездников и метателей копья в Иудее. Не вызывает сомнений и то, что Ирод искусно владел мечом, но подлинной его страстью была охота — за этим занятием он проводил большую часть свободного времени. Он без промаха стрелял из лука любую дичь и мог за день охоты забить до сорока различных животных[21].

Упоминание Флавием этой страсти Ирода невольно заставляет вспомнить Библию, ее рассказ о

том, что предок идумеев Исав был «человеком искусным в звероловстве, человеком полей» (Быт. 25:27), а также то благословение, которое праотец обоих народов Исаак (Ицхак) дал Исаву после «украденного» Иаковом благословения первенца: «И ты будешь жить мечом твоим, и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей» (Быт. 27:40).

В лице Ирода мы словно видим исполнение этого пророчества. Потомок Исава, он в итоге воцарился над евреями — потомками Иакова. Так что, если бы автор этой книги был мистиком, он позволил бы себе предположить, что в Ироде не просто текла кровь прирожденного охотника Исава — он был прямым перевоплощением его мятежной души, в которой удивительным образом совмещались самые противоположные, казалось, несовместимые друг с другом качества.

Вдобавок ко всему Ирод, как и Исав, был очень красив, и если ему что-то и мешало в собственной внешности, то только рост. Некоторые исследователи исходя из намеков Флавия и Николая Дамасского утверждают, что Ирод вообще был низкорослым, чуть выше 50 футов (то есть порядка 1,55—1,6 метра). Однако, вероятнее всего, это было не так. Рост Ирода, по всей видимости, достигал 1,65—1,7 метра, то есть среди евреев того времени считался средним или даже чуть выше среднего, однако заметно уступал среднему росту бойцов отборных когорт римских легионов — 1,75 метра. В глазах такого «человека тела», каким был Ирод, малый рост был существенным недостатком. Арье Кашер убежден, что Ирод в душе всегда завидовал всем, кто был выше его ростом, и зависть эта порой переходила в патологическую ненависть.

Незадолго до назначения стратегом Галилеи Ирод женился на некоей жительнице Иерусалима, «простолюдинке», как называет ее Флавий, по имени Дорис. Это вряд ли был брак по любви, так как невесте к дню свадьбы едва исполнилось 13 лет — минимальный возраст, с которого еврейская традиция разрешает выдавать девочек замуж.

Скоропалительность брака наводит на мысль, что соглашение о нем было заключено отцами молодоженов еще много лет назад, во время рождения Дорис, и они лишь ждали, когда та войдет в брачный возраст.

По поводу происхождения Дорис между историками также идут споры, основанные исключительно на домыслах и спекуляциях. Ее греческое имя не оставляет сомнений, что она была из эллинизированной семьи, а вот тот факт, что Дорис вдобавок была уроженкой Иерусалима, наводит на мысль, что по крови она все же была еврейкой. Хотя бы по той причине, что потомков идумеев в столице Иудеи в тот период почти не было. В пользу этой версии говорит и ее простое происхождение — как уже упоминалось, для знатного еврея в те годы было просто немыслимо выдать дочь замуж за потомка прозелитов из идумеев.

Брак с «настоящей» еврейкой был для Ирода чрезвычайно важен, так как наконец делал его и его будущих детей в глазах окружающих евреями не только де-юре, но и де-факто и, таким образом, безусловно, был огромным шагом вперед в его укоренении в еврейском обществе.

Вместе с тем было бы нелепо предполагать, что Дорис была уж совсем «безродной», девушкой «от сохи». Скорее всего, она была дочерью какого-то мелкого царедворца, с которым приятельствовал Антипатр.

Назначив старшего сына стратегом Иерусалима, а младшего — Галилеи, Антипатр вроде бы четко обозначил, что главным своим наследником считает Фазаила, а не Ирода.

Это решение отца явно бередило душу Ирода — он не желал смириться с тем преимуществом,

которое отец отдавал брату, подобно тому как сильный и ловкий Исав не мог смириться с тем, что главное отцовское благословение досталось тихоне Иакову. Ирод с детства всюду и во всем хотел быть первым, и никакая другая роль его не устраивала.

Однако если задуматься, то назначение в Галилею было куда более ответственным, чем в Иерусалим. Если в Иерусалиме было относительно спокойно, то Галилея бурлила и положение в ней никак не могло устроить наместника Сирии Секста Цезаря — близкого родственника самого Гая Юлия Цезаря.

Основную головную боль для Рима в Галилее представляли те, кого Иосиф Флавий называет «разбойниками». Их «шайки» сновали по всей области, нападали на идущие в Сирию и возвращавшиеся оттуда торговые караваны, грабили деревни и города, а время от времени совершали и отчаянные вылазки против римских гарнизонов в самой Сирии. В результате за Галилеей прочно закрепилась репутация «бандитского округа», сохранявшаяся еще в течение многих десятилетий. Отголоски такого отношения к Галилее можно найти и в Талмуде, и в Новом Завете: «Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1:46).

Навести порядок в Галилее, обезопасить ее дороги, города и веси, заставить жителей платить причитающиеся налоги было совсем непростой задачей. Решить ее — значило завоевать расположение римлян, и молодой стратег с энтузиазмом принялся за дело.

Получив в свое распоряжение несколько тысяч воинов, Ирод устроил настоящую охоту на «разбойников», выслеживая их в лесах и пещерах Галилеи, загоняя в хитроумно расставленные западни. Наконец он добрался до Езекии (Хизкиягу) Галилеянина — главаря самой большой «шайки», насчитывающей свыше тысячи человек. Саму «шайку» разгромить не удалось, но в бою Езекия был схвачен в плен и тут же, вместе с еще несколькими соратниками, казнен.

«Видя, что Гиркан медлителен и апатичен, Антипатр назначил старшего из сыновей своих, Фасаила, начальника над Иерусалимом и его окрестностями, а следующему за ним сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь 25 лет), поручил управление Галилеей. Впрочем, последнему нисколько не мешала его юность; будучи человеком рассудительным, юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно: ему удалось захватить Езекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набеги на пограничные с Сирией области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке. Это дело вызвало в сирийцах большую симпатию к Ироду, потому что он очистил страну от разбоев, о чем они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это в деревнях и городах, так как он вернул им мир и спокойное, безмятежное пользование благами жизни», — повествует об этих событиях Иосиф Флавий (ИД. Кн. 14. Гл. 9:2. С. 65).

Нет никакого сомнения, что, диктуя писцу эти строки, Флавий кривил душой в угоду римскому читателю. Кому-кому, а ему было прекрасно известно, что евреи Галилеи никогда не считали Езекию Галилеянина и его бойцов «разбойниками».

Еврейское население Галилеи так и не смирилось с римской оккупацией, а потому именно в живописных лесах и пещерах этой области нашли себе убежище остатки отрядов разгромленной армии Аристобула и Александра. Те, кто с точки зрения римлян были «разбойниками», для евреев были героями, ведущими партизанскую войну теми же методами, какими ее за сто лет до этого вели братья Маккавеи. То, что на этот раз война велась не против греков, а против римлян, принципиального значения не имело.

Партизаны пользовались однозначной поддержкой населения; в их ряды постоянно вливалась местная еврейская молодежь, а объектами их атак были по преимуществу римские торговцы,

римские гарнизоны и римские же колонисты.

Ирод же был в глазах местного населения ставленником Рима, и его идумейское происхождение окончательно делало его чужаком, врагом, которого откровенно ненавидели.

Известие о пленении и казни Езекии и его сподвижников повергло евреев Галилеи в траур и шок одновременно. Гнусность этого деяния Ирода усугублялась еще и тем, что он приговорил партизан к смерти без всякого суда. Между тем еврейский закон однозначно требует, что над любым преступником, сколь бы тяжкое преступление он ни совершил, должен быть произведен суд — и только суд вправе вынести ему приговор. Без такого суда казнь, учиненная Иродом, превращалась в обычное убийство, за которое тот, в свою очередь, сам заслуживал смерти.

И ослепленные горем матери казненных бросились в Иерусалим, чтобы по вековой традиции явиться во двор Храма и возопить к царю и синедриону, требуя защиты и справедливости.

Надо заметить, что ставленник Помпея Авл Габиний мгновенно оценил значимость судебной ветви власти у евреев и сделал все, чтобы максимально ослабить его. Вместо иерусалимского синедриона, игравшего роль верховного суда, он создал пять окружных синедрионов в крупных городах и ввел в них своих ставленников. Но в глазах народа синедрион в Иерусалиме сохранял роль главного судебного органа страны, и потому появление в столице несчастных матерей никого особенно не удивило.

Изо дня в день эти женщины стали являться на Храмовый двор и, дождавшись, когда царь и первосвященник Гиркан II явится для отправления службы, припадали к его ногам.

— О, царь, не мести просим, но справедливости! Сверши суд, царь! Будь справедлив, как царь Соломон! — кричали матери казненных, и эти вопли разносились по всему Храму.

Гиркан пытался сделать вид, что не слышит обращенной к нему мольбы, и молча следовал к жертвеннику, но дело заключалось в том, что неспокойно было не только во дворе Храма, но и в стоявшем неподалеку от него царском дворце. Многие придворные, преодолев страх перед Антипатром, стали открыто говорить царю, что требования матерей справедливы, а идумейская семейка взяла себе слишком большую власть, все дальше и дальше оттесняя от нее Гиркана. «Выслуживаясь перед римлянами, Антипатр даже те дары, которые посылает им Гиркан, выдает за свои собственные. Еще немного — и он окончательно узурпирует власть, и тогда в стране станут править бал беззаконие и репрессии, подобные тем, какие устроил Ирод в Галилее!» — убеждали они царя.

Сегодня уже трудно сказать, насколько Гиркан сознавал, что члены синедриона и его царедворцы правы, говоря об угрозе власти закона и его династии, или же просто в силу слабости своей натуры решил уступить их требованиям. Но факт остается фактом: в один из дней царь направил стратегу Галилеи Ироду, сыну Антипатра, официальный указ с требованием явиться в Иерусалим на суд.

* * *

Ирод немедленно известил об этом письме Секста Цезаря, который, как уже было сказано, необычайно высоко оценил деятельность молодого стратега в Галилее и с которым у него сложились дружеские отношения.

Секст был в ярости. Во-первых, с точки зрения римского права, казнив разбойников, Ирод не совершил никакого преступления, так как разбойники и пираты, захваченные в бою, по

римскому закону подлежали смерти без суда и следствия. Во-вторых, Ирод по указу Цезаря был гражданином Рима, а значит, судить его мог только римский суд и никакой другой.

Все эти доводы Секст изложил во врученном Ироду специальном послании царю Гиркану II, присовокупив требование освободить стратега Галилеи от всякого наказания и угрожая, что в противном случае Гиркан «познает всю тяжесть руки Великого Рима».

Тем временем Антипатр также направил тайное письмо сыну, в котором советовал явиться на суд, но прихватить с собой солидный воинский эскорт — чтобы Ирод смог легко отбить храмовую стражу и покинуть столицу, если синедриону и в самом деле вздумается его арестовать.

Ирод так и сделал.

В пурпурной мантии, в полном вооружении и в сопровождении большого отряда тяжеловооруженных воинов Ирод в назначенный ему день вошел в зал синедриона. Как только стих стук подбитых гвоздями сандалий легионеров, в зале установилась гробовая тишина — никто прежде не позволял себе такой наглости и святотатства, и потому все собравшиеся, включая царя Гиркана II, словно пораженные громом, замерли в своих креслах.

Эту тишину, если верить преданию, нарушил сопредседатель иерусалимского синедриона, мудрец и законоучитель Семея (Шемая). Как и Ирод, Семея был потомком прозелитов, но в отличие от семьи Ирода его предки приняли иудаизм добровольно, и сам Семея был одним из яростных противников эллинистов. До нас дошли обрывки его речи на том памятном заседании суда, и они, безусловно, заслуживают того, чтобы быть процитированными.

«Точно так, как вы, судьи, и ты, мой царь, я в первый раз вижу человека, который в качестве подсудимого осмелился бы в таком виде предстать пред вами, — сказал Семея. — До сих пор обвиняемые обыкновенно являлись в траурной одежде, с гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальным видом возбудить в верховном совете милость и снисхождение. Но наш друг Ирод, обвиняющийся в убийстве и призванный к суду вследствие такого тяжелого преступления, стоит здесь в порфире, с завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты, чтобы в случае, если мы произнесем законный приговор, убить нас и насмеяться над законом. При всем этом я нисколько не упрекаю Ирода, если он своей личной безопасностью дорожит больше, чем святостью законов, — виноваты вы все вместе с царем, которые так много позволяли ему до сих пор. Но не забудьте, что наш Бог велик! Придет день, когда тот, которого вы в угоду Гиркану хотите оправдать, вас же накажет и не пощадит также и царя» (ИД. Кн. 14. Гл. 9:4. С. 66).

Забегая вперед скажем, что это предсказание мудреца сбылось полностью. Но тогда, сразу после этой драматической речи, Гиркан объявил, что всем присутствующим следует успокоиться, и потому он предлагает отложить заседание на завтра.

Но никакого заседания на следующий день, разумеется, не состоялось. Прочитав письмо от Секста Цезаря, Гиркан вызвал Ирода и посоветовал ему как можно быстрее вместе со своим отрядом покинуть Иерусалим.

Не исключено, что именно с этим событием связан первый случившийся с Иродом приступ паранойи — синдрома, который год от года будет в нем все больше усугубляться.

Зигмунд Фрейд не случайно считал первопричиной паранойи обиду. Ирода и в самом деле душила обида, прежде всего на Гиркана, который позволил его так унизить, но также и на отца, и на старшего брата, не оказавших ему, как он считал, должной поддержки. Ирод ни на

минуту не допускал мысли, что хоть в чем-то виновен: от него хотели, чтобы он навел порядок в Галилее, и он с блеском выполнил возложенную на него миссию, а возмутители беспорядков получили по заслугам. Сам вызов в суд он расценил как результат заговора тех, кто позавидовал блестящему началу его карьеры и тем похвалам, которые он снискал от римлян.

Вместе с тем он осознавал, что согласно еврейским законам заслуживает смерти; что Семея недвусмысленно дал это понять, и от этого осознания испытывал и смертельный страх, и жгучий гнев одновременно.

Теперь, после того как он отверг правомочность еврейского суда, ему уже никогда не дано было стать среди евреев совершенно своим, и отныне он куда больше, чем прежде, зависел от римлян. Вся его судьба была теперь окончательно связана с Римом, который мог проявить к нему милость, а мог и казнить — и если римляне решат последнее, обращаться за помощью будет не к кому.

О том, в каком душевном состоянии находился Ирод, свидетельствует то, что сразу по возвращении он направился в Дамаск и стал готовить свою армию к походу на Иерусалим. Таким образом, он решил бросить вызов не только Гиркану, но и отцу с братом.

Узнав об этом, Антипатр и Фазаил поспешили встретиться с Иродом и успокоить его. Тогда-то Антипатр и напомнил сыну, как баловал его Гиркан в детстве, и попытался убедить, что царь в общем-то повел себя по отношению к нему вполне достойно, и вообще «никогда не относился к нему враждебно, а если теперь выказал по отношению к нему тень несправедливости, то только вследствие внушений злых советников. Ирод дал себя уговорить и удовлетворился тем, что, показав народу свою силу, он ближе подошел к конечной цели своих стремлений» (ИВ. Кн. 1. Гл. 10:9. С. 52).

Не исключено, что Майкл Грант прав в своем предположении, что от похода на Иерусалим Ирода на самом деле отговорил Секст Цезарь, которому вовсе не нужны были волнения в провинции[22]. А в случае отстранения Иродом от власти Гиркана беспорядки и волнения стали бы неминуемы.

Возможно также, что в порыве откровения Ирод поделился с Секстом Цезарем мечтой о троне. Тот в ответ пообещал всячески этой мечте посодействовать, но добавил, что всему свое время, а пока… услал не в меру пылкого стратега подальше, на Голанские высоты, с их дивными горными пейзажами, цветущими садами, полными дичи лесами и одновременно достаточно большой удаленностью от крупных городов. Лучшего места для того, чтобы подлечить нервы и успокоиться, и в самом деле трудно было придумать.

Однако то, что Ирод успокоился, вовсе не означает, что он простил нанесенную ему обиду. Не исключено, что именно тогда он решил уничтожить и Гиркана со всей его династией, и всех членов синедриона.

Придет время — и он приведет оба эти решения в исполнение.

Глава четвертая. Тетрарх

Прошло совсем немного времени, и крошечная Иудея вместе с Сирийской провинцией оказались вовлечены в большой водоворот римской истории.

Все началось с того, что в конце 45 года до н. э. оставшиеся не у дел после прихода к власти Гая Юлия Цезаря сторонники Помпея убили Секста Цезаря и подняли в Сирии мятеж.

Антипатр, который в свое время тоже числился среди больших друзей Помпея, на этот раз однозначно взял сторону цезарианцев, олицетворявших для него верховную власть Рима, и направил им на помощь большой отряд конницы и пехоты во главе с Иродом и Фазаилом. Восстание было подавлено, и Цезарь стал готовиться к большому походу на Восток против Парфянского царства, но тут подоспели печально известные мартовские иды в 44 году до н. э.

15 марта 44 года до н. э. Гай Юлий Цезарь стал жертвой заговора, во главе которого стояли Гай Кассий Лонгин и Марк Юний Брут. Так началась гражданская война, в начале которой «в Риме, Италии и в западных провинциях власть оказалась в руках цезарианцев, а в Центральном и Восточном Средиземноморье одержали верх сторонники республики»[23].

Вскоре в Сирии появился Кассий, назначенный сенатом наместником. Кассий тут же стал набирать армию и оружие, обложив все области провинции данью, чтобы обеспечить себя необходимыми для войны с цезарианцами средствами. От Иудеи он запросил астрономическую сумму — 700 талантов серебра.

Известие о новых поборах неминуемо вызвало в народе новую волну ненависти к римлянам и их прислужникам.

Антипатр со своим семейством вновь оказался перед тяжелым выбором. Кажется, совсем недавно он поддерживал Гая Юлия Цезаря и, следуя логике, должен был встать на сторону цезарианцев и оказать сопротивление заговорщикам. Более того, сделай он такой шаг — и, возможно, впервые за все время пребывания у власти сумел бы завоевать симпатии народа. Но цезарианцы были далеко, а Кассий с верными ему легионами стоял в двух днях перехода от Иерусалима и при желании с легкостью мог залить всю Иудею кровью, а Антипатра с его семейством лишить и власти, и жизни.

Исходя из таких соображений Антипатр решил выказать верность Кассию и выполнить все его требования, какими бы тяжелыми они ни были.

Рассчитывать на милосердие этого убийцы Гая Юлия Цезаря не приходилось — правителей ряда независимых городов, осмелившихся обратиться к нему с просьбой о снижении дани, Кассий бросил в тюрьму, а часть жителей обратил в рабство и продал на невольничьих рынках, добыв таким образом требуемую с них сумму.

Сцепив зубы, Антипатр начал сбор денег, велев выбивать их из народа и одновременно выгребая все, что было в царской казне. Иерусалим бурлил, и начальник городского гарнизона Малих, которому было поручено взимать деньги с жителей столицы, стал открыто выражать недовольство непомерными требованиями Кассия.

Бывший в душе непримиримым противником и Рима, и его ставленников-идумеев, Малих последние годы утешал себя мыслью, что служит не Антипатру, а законному царю Гиркану II. Теперь же он был в бешенстве и от молчания царя, и от того произвола по отношению ко всем слоям населения, который творил, с его точки зрения, ненавистный Антипатр.

Но приближавшийся к своему тридцатилетию Ирод решил, что пробил его звездный час и пора сделать окончательную ставку на Кассия. Доставив в Дамаск скопленные еще в дни управления Галилеей за счет взяток и ограбления населения 100 талантов, Ирод мгновенно сделался близким другом Кассия. И снова, как совсем недавно с Секстом Цезарем, Ирод открыл римлянину душу и поделился своей мечтой стать царем Иудеи. В ответ Кассий твердо пообещал Ироду, что как только закончится война, Ирод получит иудейский трон, а пока… в благодарность за помощь Ирод сразу после его отъезда станет… правителем всей

Келесирии[24], получив в свое распоряжение необходимую для поддержания порядка в провинции армию.

Так в одночасье Ирод вознесся и над отцом, и над старшим братом.

Многие историки задаются вопросом: каким образом Флавий узнал о тайном обещании Кассия сделать Ирода царем Иудеи и не является ли это обещание его личным домыслом? Однако все последующие события невольно наводят на мысль, что такое обещание и в самом деле имело место. Куда интереснее другое: каким образом Ирод, который если кому-то в течение жизни и проявлял верность и преданность, то только единокровным родственникам, собирался взойти на трон, оттеснив не только Гиркана, но и отца с братом? Впрочем, не исключено, что в данном случае он считал (и обоснованно), что Фазаил не слишком способен к управлению страной. Что касается отца, то Антипатру было уже за 70, возраст для той эпохи более чем почтенный, и Ирод собирался дождаться его смерти.

Ждать, как выяснилось, оказалось совсем недолго.

Первым об обещании Ироду царской власти узнал Малих и поспешил с этой вестью к царю.

— Еще немного, и эти идумейские псы окончательно отнимут у тебя власть и воцарятся над нами! Если ты не хочешь потерять короны и головы, то надо действовать. Голова Антипатра должна слететь с плеч раньше, чем твоя! — сказал Малих.

— Ты предлагаешь его убить? — спросил Гиркан, которого в глубине души уже давно стала тяготить та власть, которую приобрел над ним бывший друг детства.

— Да! Сначала его, затем Фазаила, а потом мы соберем достаточно народа, чтобы выступить и против Ирода с его армией. Римлянам сейчас не до нас, и они вряд ли придут к нему на помощь. Надо лишь дождаться, когда Кассий и его свора покинут Сирию! — твердо ответил Малих.

Заручившись тайной поддержкой царя, Малих начал готовить своих солдат к столкновению с личной гвардией Фазаила и Антипатра и захвату власти в Иерусалиме. Однако Антипатр шестым чувством почуял неладное и стал собираться за Иордан, в Набатею, чтобы нанять там новых воинов и ввести их в город.

Понимая, что это означает крушение всех его планов, Малих бросился к Антипатру и стал всячески уверять его в своей верности. Больше того, он встретился сначала с Фазаилом, а затем и с Иродом, чтобы убедить братьев в неоправданности страхов их отца. Однако отказываться от своих замыслов Малих отнюдь не собирался. Он просто решил пойти другим путем — подкупил одного из царских виночерпиев, и тот во время пира подмешал яд в поданный Антипатру кубок с вином.

На пышных похоронах, устроенных Антипатру сыновьями, все только и перешептывались о том, что старый «апотропус» умер не своей смертью, а был отравлен Малихом. Однако никаких доказательств не было, а сам Малих, чтобы отвести от себя подозрения, рыдал по покойнику, как по родному брату. Одновременно он продолжил усиливать иерусалимский гарнизон, готовя его к будущей схватке с Фазаилом, а главное — с Иродом.

Предчувствия его не обманули: вскоре Ирод вместе со своей армией появился у стен Иерусалима с явным намерением отомстить за убийство отца. Однако Фазаил выехал навстречу брату, уговаривая его не предпринимать никаких открытых действий против Малиха, который благодаря своим антиримским, националистическим высказываниям

пользуется большой популярностью в народе.

Вслед за этим Ирод встретился с самим Малихом, и тот снова бросился к нему на грудь, оплакивая Антипатра, клянясь в любви к покойнику и проклиная клеветников, утверждающих, что он, Малих, причастен к его скоропостижной смерти.

Прекрасно понимая, чего стоят эти слезы, Ирод решил подыграть Малиху и стал уверять, что ни в чем его не подозревает и с самого начала знал, что на Малиха, дескать, просто клевещут. Понятно, что Малих был достаточно умен, чтобы понять, что Ирод лицемерит в той же степени, что и он, и за притворными выражениями дружбы между ними пылает пламя ненависти.

На том они тогда и расстались — Ирод торопился в Самарию, где в ответ на непомерные налоги вспыхнул новый мятеж.

Но сразу после его подавления, в канун великого праздника Суккот[25] Ирод снова появился у стен столицы с армией. Стоило ему только захотеть — и с такой силой он с легкостью мог бы оккупировать Иерусалим, сместить Гиркана и казнить Малиха.

Понимая это, последний уговорил Гиркана направить Ироду царский указ, категорически запрещающий вводить войско, состоящее из римлян и арабов, в готовящийся к празднику город. Такое количество чужеземных солдат, добавил в письме Гиркан, напугает как жителей, так и пришедших в город многочисленных паломников и нарушит атмосферу святости праздника.

В ответ Ирод решил показать, чего для него на деле стоят приказы царя, никогда не обладавшего реальной властью. Ночью его солдаты вошли в Иерусалим, тяжело протопав по мостовым, и, проснувшись утром, жители увидели стоявших повсюду римских легионеров.

Разумеется, у читателя уже давно вертится на языке вопрос: почему, обладая такой силой, Ирод попросту не казнил Малиха, не отстранил от власти Гиркана и не уселся на троне?

Чтобы понять это, следует вспомнить, что какие бы войны и политические потрясения ни сотрясали Рим, римляне всегда подчеркивали правовой характер своего государства и очень им дорожили. Ирод мог казнить «разбойника» Езекию без суда и следствия только потому, что ему это позволяли принятые Габинием законы против пиратов. Гиркан же и Малих занимали свои должности по закону, и уже по римскому, а не еврейскому праву, какими бы тяжкими ни были подозрения в их адрес, расправиться с ними без суда значило бы бросить вызов Риму. И уж тем более у Ирода не было права на трон.

Поэтому Ирод снова встретился с Малихом, снова выслушал его уверения в дружбе и непричастности к смерти Антипатра. Однако в тот же вечер он написал письмо Кассию, в котором сообщал, что у него нет ни малейших сомнений, что Малих и есть отравитель отца, но как заставить его понести за это наказание, не нарушив закона, он не знает.

Ответ не заставил себя долго ждать: Кассий написал, что прекрасно понимает чувства Ирода, благословляет его на месть и даже берется помочь в свершении «правосудия» сразу после того, как снова появится в Сирии.

И Кассий сдержал слово. Убийство Малиха совершил не Ирод или кто-то из его окружения, а телохранители Кассия, поджидавшие в засаде возвращавшихся с пира Малиха и Гиркана.

Следуя полученному приказу, они окружили иудейского царя и его военачальника и закололи

последнего мечами. Малих, бывший умелым фехтовальщиком, пробовал защищаться, но силы были неравны. Гиркан при виде сцены этого убийства то ли от страха за себя, то ли от сильного потрясения упал в обморок. После этого он, «с трудом придя… в себя, спрашивал Ирода, кто убил Малиха. Когда же один из трибунов ответил: “Приказ Кассия”, — он произнес: “В таком случае Кассий спас меня и мое отечество, ибо он устранил человека, бывшего опасным для нас обоих”». «Нельзя было решить, искренне ли высказался Гиркан, или же он говорил из страха, соображаясь с свершившимся фактом», — добавляет Флавий (ИВ. Кн. 1. Гл. 11:8. С. 56).

Но если учесть, что Гиркан с самого начала был посвящен в организуемый Малихом заговор, то ответ на поставленный Флавием вопрос напрашивается сам собой. Скажем больше, некоторые историки предполагают, что именно Гиркан II и был душой этого заговора, а Малих лишь выполнял его волю, сменив в последние годы Антипатра в качестве близкого друга и советника царя.

Как бы то ни было, весть об убийстве Малиха «римлянами и Иродом» мгновенно разнеслась по Иерусалиму и стала сигналом для нового народного восстания.

* * *

На первом этапе восстание в Иудее возглавили брат Малиха и некий Феликс, сменивший Малиха на посту командира иерусалимского гарнизона, а точнее — верных царю нескольких сотен бойцов. О том, кем на самом деле был Феликс, история умалчивает. По одной версии, он был одним из римских полководцев, по собственной воле обратившийся в иудаизм. По другой — урожденным евреем, служившим в римской армии. Но, согласитесь, все это не так уж и важно. Важно то, что Феликс бросил свой отряд против превосходящей его по численности гвардии Фазаила, и в городе закипели кровопролитные уличные бои.

Тем временем оставшийся безымянным брат Малиха стал овладевать одной крепостью страны за другой, часть из которых вообще переходила на его сторону без боя. Так, в конце концов, он завоевал и стоявшую на западном берегу Мертвого моря и считавшуюся неприступной крепость Масаду, которой много десятилетий спустя предстояло стать вечным символом еврейского героизма и самопожертвования[26].

Ирод, находившийся в Дамаске, безусловно, знал о происходящем в Иерусалиме и в Иудее в целом. Он хотел поспешить на помощь брату, но внезапная тяжелая болезнь свалила его с ног. «Между тем Фазаэль [Фазаил] сам справился с Феликсом и упрекнул тогда в неблагодарности Гиркана, который поддерживал Феликса и предоставил брату Малиха завладеть крепостями», — пишет Флавий (ИВ. Кн. 1. Гл. 12:1. С. 57).

Из этих слов ясно следует, на чьей стороне был царь Гиркан в те дни, и это в целом подтверждает версию, что не столько Малих, сколько Гиркан горел желанием избавиться от Антипатра и его сыновей. Правда, вскоре все коренным образом переменилось, и ситуация заставила Гиркана желать уже не победы, а поражения мятежников.

В первую очередь это было связано с тем, что в Иудее появился Матитьягу Антигон — сын казненного сирийцами Александра и внук вероломно убитого Аристобула II, брата Гиркана II. Антигон, вне сомнения, метил на царский трон, и это, понятное дело, никак не устраивало Гиркана.

Возглавив восстание, Антигон попытался сколотить антиримскую коалицию из царей прибрежных городов-государств, чтобы достойно противостоять армии Ирода. При этом, как и Малих, он рассчитывал, что занятым гражданской войной римлянам будет не до

происходящего в Иудее. Чтобы окончательно гарантировать это, он подкупил сидящего в Дамаске римского наместника Фабия, уговорив того «не обращать внимания» на Иудею.

Придя в себя после болезни, Ирод и в самом деле убедился, что на помощь Рима рассчитывать не приходится и он должен либо погибнуть, либо подавить мятеж собственными силами.

Если в Галилее Ирод проявил себя как мастер ведения войны с партизанами, то на этот раз он продемонстрировал свои недюжинные полководческие способности в столкновении с регулярной армией. Находившимся под его командованием римлянам и арабам удалось разбить армию Антигона, и царевич вынужден был бежать из страны.

Настал день — и Ирод со своей армией вновь появился у стен Иерусалима. Фазаил отдал приказ своим солдатам согнать народ, чтобы приветствовать «победителя Антигона».

На коне, в пурпурной мантии с белым подбоем, скрывавшей его скромный рост, Ирод ехал по улицам Иерусалима под приветственные крики толпы. Как и было им велено, иерусалимцы всячески выражали свою радость по поводу возвращения Ирода, но — что там таить! — сердца их сжимались от страха перед возможными гонениями против недавних участников и сторонников восстания. Но больше всех в тот день дрожал от страха сам царь Гиркан, предвкушавший тяжелое объяснение с братьями-победителями.

* * *

Разговор и в самом деле получился не из приятных.

Еще более прямолинейно, чем Фазаил, Ирод обвинил Гиркана в пособничестве мятежникам, пригрозил, что доложит в Рим о его измене, и тогда, кто бы там ни стоял у власти, Гиркана в лучшем случае доставят на берег Тибра в качестве пленника, а в худшем он может считать себя покойником.

Гиркан, как и в свое время Малих, начал оправдываться и уверять братьев в своей любви и дружбе, но этот поток слов отнюдь не смягчил Ирода. Сообщив царю, что отныне тот лишается права на личную гвардию и должен согласовывать с ним все свои указы, Ирод неожиданно заявил, что и этого считает недостаточным и хотел бы получить однозначные доказательства прочности нового союза с Гирканом.

— Но как еще я могу доказать верность нашей дружбе?! — удивленно спросил Гиркан.

— Проще простого, — усмехнулся Ирод. — Отдай за меня замуж свою внучку Мариамну (Мирьям).

Если Гиркан и колебался, то недолго — слишком велик был его страх перед Иродом.

— Согласен! — ответил он.

И тогда, может быть, в первый раз за все время беседы Ирод улыбнулся.

Брак с царевной мог сделать его вполне законным претендентом на царский трон даже в глазах народа. Первая из поставленных им целей была достигнута. Вдобавок он должен был стать мужем женщины, к которой, возможно, впервые в своей жизни испытывал подлинную страсть.

* * *

Здесь вновь следует остановиться и хотя бы попытаться понять, что происходило в 43–42 годах до н. э. в душе Ирода.

Смерть отца, вне сомнения, стала для него страшным ударом. И дело не только в том, что Ирод вырос, несмотря на всю тягу его отца к греческой культуре, в патриархальной среде и семья для него значила очень многое. Ирод, безусловно, любил родителей. Более того, вероятно, мать и отец были единственными людьми за всю его жизнь, в отношении которых к Ироду с полным правом можно было применить слово «любил». И в этом смысле он тоже удивительно походил на своего предка Исава, единственным положительным качеством которого, согласно Библии, были любовь и почитание родителей.

Но главное все же заключалось в том, что Антипатр и в самом деле был для Ирода всем — примером для подражания, учителем в жизни и в политике, мудрым советником, командиром, приказам которого следует, не раздумывая, подчиняться.

Пока он был жив, Ироду при всех его тайных мечтах о царской власти почти не приходилось принимать судьбоносных решений — все такие решения принимал за него отец, а ему надо было лишь им следовать. После смерти отца в его жизни образовалась пустота, которую никто не мог заполнить, и простить эту смерть Ирод не мог никому. Тем более что параноидальные натуры, к которым он, безусловно, относился, вообще ничего никогда не забывают и никому ничего не прощают. Они увязывают каждое новое событие с прошлыми, выстраивая при этом в сознании запутанный, подчас не имеющий ничего общего с логикой и реальностью клубок связей и видя почти в каждом потенциального врага, плетущего против них заговор.

В этом смысле Ирода можно считать архетипом всех будущих властителей судеб стран и народов, страдавших аналогичными психическими расстройствами, — Александра Борджиа, Ивана Грозного, Иосифа Сталина, Мао Цзэдуна, Саддама Хусейна…

Примирение с Гирканом с этой точки зрения было исключительно притворным. Ирод не забыл и не простил царю ни унижения, пережитого им в синедрионе, ни слухов о причастности Гиркана к отравлению Антипатра, ни поддержки мятежников. Он просто сознавал, что Гиркан ему все еще нужен, и потому откладывал сладкий час мести, в душе уже приговорив последнего царя из династии Хасмонеев к смерти.

Но пока для Ирода было крайне важно получить в жены внучку Гиркана и, как уже было сказано, в данном случае к политическому расчету примешивалась подлинная страсть. Ирод был очарован волнующей красотой юной царевны, жажда обладания ею сводила его с ума, а потому просьба Мариамны подождать со свадьбой и пока ограничиться только обручением стала для него болезненным ударом.

Хотя Мариамна прямо ничего не сказала, он понял, что на ответное чувство ему рассчитывать не приходится. Прекрасная царевна дала согласие на брак, лишь подчиняясь настоятельной просьбе деда. Это, с одной стороны, еще больше распалило влечение Ирода, а с другой — вызвало новую вспышку гнева, вновь обращенную на Гиркана.

Все биографы Ирода отмечают, что формальных препятствий для этого брака не было, так как иудаизм хотя и не приветствует, но допускает многоженство. Вместе с тем Пятикнижие предусматривает и возможность развода супругов, и не исключено, что в качестве условия брака Мариамна потребовала от жениха развестись с простолюдинкой Дорис, успевшей к тому времени подарить Ироду его первенца Антипатра.

Как именно Дорис отнеслась к решению мужа жениться на царевне, источники умалчивают,

однако из косвенных намеков Флавия можно предположить, что она люто ненавидела соперницу, от всей души желала ей смерти и даже была готова лично приложить руку к исполнению этого желания.

Арье Кашер отмечает еще одну важную политическую и психологическую подоплеку сватовства Ирода к Мариамне. По его версии, Ирод с детства видел в старшем брате соперника — сначала в борьбе за любовь отца, а затем в борьбе за власть. С ранних лет вплоть до смерти Антипатра он пытался доказать и ему, и всем окружающим, что он превосходит Фазаила и в воинской доблести, и в таланте политика. События, последовавшие после убийства Малиха, оттеснили Фазаила на второй план, а обручение с Мариамной и открывавшиеся с ним перспективы окончательно закрепили главенствующую роль Ирода в отношениях с братом и в семье в целом. И здесь вновь трудно удержаться от проведения параллели с Библией, с рассказом о соперничестве близнецов Исава и Иакова.

Впрочем, дальнейшие события развернулись так, что невольно заставили Ирода забыть о своих матримониальных планах.

В октябре 42 года до н. э. при Филиппах произошло решающее сражение между цезарианцами во главе с Марком Антонием и Цезарем Октавианом Августом и войсками Республики под предводительством Кассия и Брута.

В первой из этих битв, состоявшейся 3 октября, по так и оставшимся неясными причинам покончил с собой Кассий.

Во второй битве, произошедшей спустя 20 дней, осознав неотвратимость поражения, Брут повторил его судьбу. Республиканцы были разгромлены, и вскоре Марк Антоний появился на Ближнем Востоке, чтобы сполна взыскать с местных правителей за их поддержку Кассия.

Вряд ли нужно говорить, что Ирод, считавшийся любимчиком Кассия и получивший от него пост правителя Сирии, по логике вещей, должен был значиться в этом списке одним из первых.

Так, во всяком случае, считали знатные иерусалимцы, входившие в партию противников братьев-идумеев. Полные надежд, они явились к Марку Антонию с жалобой на то, что Ирод и Фазаил, по сути, узурпировали власть над Иудеей, оставив ее законного царя Гиркана не у дел, — что было чистой правдой.

Однако они не учли или попросту забыли об одном обстоятельстве: в свое время Антоний в составе легионов Габиния сражался с армией мятежного Аристобула и в этом качестве был с необычайным почетом принят в доме Антипатра, где познакомился с двумя его сыновьями и проникся к ним симпатией.

К тому же Ирод, понимая, что судьба его висит на волоске, сам поспешил с богатыми дарами и заверениями верности к Антонию, в одночасье превратившись из республиканца снова в цезарианца.

И здесь мы вновь сталкиваемся с необычайной, почти иррациональной силой личного обаяния Ирода, говоря определением Д. А. Волкогонова, «силой духовной радиации», той харизмы, которой он с успехом пользовался всю жизнь и которая неотъемлемо присуща великим политическим деятелям всех эпох и народов.

Феномен харизмы, как известно, до сих пор не получил внятного объяснения в науке, но многие психологи сходятся во мнении, что речь идет о врожденном качестве, которое с

помощью психотренинга можно разве что развить, но никак не приобрести. «Люди, подпадавшие под сильное влияние его личности, относились к нему с обожанием»[27], — пишут о Сталине Белади и Краус, и то же самое можно сказать об Ироде.

В течение одной встречи Ирод так «обаял» Марка Антония, что тот даже не пожелал выслушать делегацию из Иудеи.

Но евреи не зря считаются «жестоковыйным» народом. Когда первая делегация вернулась от Антония ни с чем, к нему тут же была отправлена новая, на этот раз состоящая из ста человек с теми же самыми жалобами на братьев. И Ироду вновь пришлось направиться в ставку Антония в Таре, причем на этот раз он прихватил с собой и Гиркана — в качестве «будущего тестя».

Кроме того, Ирод вспомнил уроки отца: прежде чем направиться к Антонию, явился со щедрым подношением к находившемуся в Тарсе сенатору Мессале и с помощью этой взятки легко склонил его на свою сторону.

Таким образом, когда члены иерусалимской делегации вместе с Иродом явились на аудиенцию к Антонию, Мессала уже успел переговорить с новым властелином Востока. Однако Антоний, уже принявший решение, захотел поиграть в объективность. Он выслушал обе стороны и затем с притворным интересом спросил у Гиркана: кто, по его мнению, более способен к управлению государством — братья Ирод и Фаза-ил или же он, Гиркан? И Гиркан, чувствовавший себя заложником Ирода, вынужден был признать, что в государственных делах братья-идумеи разбираются куда лучше, чем он.

Этого признания было более чем достаточно. Антоний огласил свой вердикт: он дарует Гиркану титул этнарха, то есть правителя нации, а тетрархами — четверовластниками — при нем назначает Ирода и Фазаила.

В сущности, это означало окончательное узаконение положения, при котором Гиркан становился марионеткой в руках братьев-идумеев. Члены иерусалимского посольства попытались было возразить, что окончательно привело Антония в ярость, и он приказал арестовать из них 15 человек как главарей заговорщиков, а остальных выгнать из дворца.

Самое странное, что даже после этого евреи не успокоились, и из Иерусалима к Антонию направилась новая, поистине огромная делегация в составе тысячи человек. Уже само по себе такое упорство свидетельствует о том, насколько сильно в Иудее ненавидели и опасались Ирода. Отслеживая перемещения одного из новых правителей Рима, делегация прибыла в Тир, где в тот момент находился Антоний, направлявшийся вместе с Гирканом и Иродом в Иерусалим. Когда стража преградила им путь во дворец, евреи подняли шум и стали требовать пропустить их внутрь, выкрикивая оскорбления как в адрес Ирода и Фазаила, так и в адрес римлян — так, во всяком случае, доложили Антонию.

Но, во-первых, Антоний совсем недавно получил от Ирода новую сумму денег. А во-вторых, к тому времени он уже был настолько очарован Клеопатрой, что до остального ему не было дела, и уж тем более не до глупых претензий вечно всем недовольных евреев. А потому, недолго думая, он приказал дворцовой страже… перебить бушующую на улице толпу.

Услышав этот приказ, Ирод и Гиркан содрогнулись: как бы далеки они ни были от народа, это все же были их соплеменники, с которыми даже Ирод вольно или невольно ощущал кровную связь. К тому же они прекрасно понимали, как будет встречено в Иерусалиме известие о таком побоище. Поэтому, выйдя на площадь перед дворцом, они стали уговаривать собравшихся

проявить благоразумие и разойтись. Но появление ненавистного Ирода лишь еще больше раззадорило посланцев Иудеи; они пришли в неистовство.

В этот момент ворота дворца распахнулись и вышедшие из него легионеры начали хладнокровно рубить мечами безоружных людей. Объятая ужасом толпа бросилась врассыпную, но многим убежать так и не удалось. Когда все стихло, на площади перед дворцом лежали сотни трупов и бьющихся в предсмертной агонии раненых.

Известие об этом мгновенно докатилось до Иерусалима, и там начались антиримские волнения. В ответ Антоний отдал приказ казнить сидевших в его тюрьме 15 членов первой еврейской делегации.

Спустя еще несколько дней в Иерусалиме был устроен роскошный пир в честь назначения новых тетрархов.

В это самое время на границе Сирии вновь объявился старый и грозный враг Рима — Парфия.

Глава пятая. Бег

«К середине I века все значительные государства эллинистического Востока потеряли свою самостоятельность. Лишь Парфянское царство, выросшее и окрепшее в результате борьбы с эллинизмом, сохраняло свою независимость… Со времени похода Красса парфянский вопрос играет главную роль во внешней политике Рима на Востоке»[28], — сообщает старый добрый учебник Н. А. Машкина.

В 40 году до н. э. парфяне во главе с сыном своего царя Пакором и полководцем Варцафарном вторглись в Сирию, которую всегда считали несправедливо отнятой у них территорией. Большинство прибрежных городов попросту открыли им ворота, и путь в Иудею оказался свободен. Находившийся в Александрии и проводящий все время в пирах и в объятиях Клеопатры Антоний и не подумал хоть что-нибудь предпринять, чтобы остановить вторжение.

Если Пакор поначалу и сомневался, следует ли двигаться дальше или лучше поосновательнее закрепиться в Сирии, то все сомнения развеял появившийся в его стане Матитьягу Антигон. Он без труда убедил Пакора поддержать его в борьбе за власть над Иудеей, а взамен пообещал сразу после восхождения на иерусалимский престол выплатить Парфии тысячу талантов серебра и передать Пакору и его военачальникам в качестве рабынь 500 жен своих врагов, включая свою тетку, дочь Гиркана Александру, и прекрасную кузину Мариамну.

При этом Антигон заверил Пакора, что кампания будет легкой. В Иудее, пояснил царевич, к его небольшой армии присоединятся тысячи сторонников, и вместе с парфянской конницей численное преимущество над Гирканом и его тетрархами Иродом и Фазаилом будет столь огромным, что им не останется ничего другого, как либо погибнуть в бою, либо сдаться на милость победителей.

Так, в общем-то, вначале все и было. Едва Матитьягу Антигон появился в Галилее, как в его армию стали вливаться остатки рассеянных по горам и пещерам партизанских отрядов, горящих желанием свести счеты с римлянами.

Ирод поспешил выступить навстречу парфянам и мятежному царевичу, и в результате обе армии встретились возле городка Дрим, расположенного в живописной местности, славящейся дубовыми рощами.

В этой битве Ирод потерпел поражение, весьма больно ударившее по его самолюбию. Он стал

непрерывно отступать, пока не оказался вместе с братом и Гирканом в царском дворце в Иерусалиме, осажденном со всех сторон скорее не армией, а народным ополчением Матитьягу Антигона.

Кольцо вокруг стен дворца сжималось, а численность ополченцев непрестанно увеличивалась, так как приближался праздник Шавуот[29], день дарования Торы, и в Иерусалим со всех концов страны устремились десятки тысяч паломников. Большинство из них пылали «праведным гневом» против римлян и их наймитов, а парфяне им виделись едва ли не освободителями.

Чтобы не дать этой толпе пойти на штурм дворца, Ирод предоставил охрану крепостной стены отрядам Фазаила, а сам во главе сохранивших ему верность отрядов идумеев и самаритян стал регулярно совершать боевые вылазки за пределы этих стен.

Действовал он просто: одни из многочисленных ворот крепостной стены внезапно распахивались, и оттуда вылетал отряд конницы во главе с Иродом. Разумеется, стоявшие под стенами необученные, а подчас и вооруженные только кольями ополченцы не могли противостоять профессиональным бойцам Ирода, виртуозно владевшим копьями и мечами. То, что происходило дальше, даже нельзя назвать битвой — это была самая обыкновенная резня. Неудивительно, что за несколько таких вылазок счет убитым сторонникам Матитьягу Антигона пошел на тысячи, что не могло не сказаться на их боевом духе.

Видя, что осада дворца затягивается, Матитьягу Антигон предложил Пакору выманить Ирода, Фазаила и Гиркана из дворца хитростью.

Следуя этому плану, Пакор направил во дворец парламентария с предложением начать переговоры… Нет, не о капитуляции, а об улаживании конфликта между Гирканом и Антигоном в их взаимных претензиях на власть. И Фазаил после некоторых колебаний согласился выслушать Пакора. Тот не замедлил явиться в царский дворец-крепость во главе отряда из пятисот всадников и был принят Фазаилом в качестве гостя.

Ирод, узнав об этом, был вне себя от возмущения. По его мнению, такие азиатские варвары, как парфяне, не заслуживали никакого доверия, и лучшее, что можно было сделать, — это пренебречь всеми законами гостеприимства и дипломатии и убить Пакора вместе со всеми его воинами, обезглавив таким образом армию основного врага.

Однако Фазаил решил не нарушать правил игры и встретил Пакора как почетного гостя.

Сейчас уже невозможно понять, каким образом Пакору удалось убедить Гиркана и Фазаила отправиться вместе с ним на переговоры в парфянский стан, но с историческими фактами не поспоришь — Гиркан и Фазаил приняли именно такое решение. Возможно, дело было в том, что они оба считали сложившуюся ситуацию безнадежной, так как запасы пищи и воды во дворце были на исходе. Ирод, безусловно, тоже понимал отчаянность их положения и все же верил, что существует другой, более оптимальный выход, чем довериться парфянам и обречь себя на верную смерть.

Вот так и получилось, что Фазаил с Гирканом выехали из дворца вместе с парфянами, а Ирод остался сидеть в осаде, усилившейся за счет двухсот оставленных Пакором всадников из числа его отборных воинов.

Парфяне поселили «гостей» в расположенном на берегу моря красивом и уютном замке Ахзив, а военачальник Варцафарн осыпал их подарками, всячески демонстрируя добрые намерения.

Однако очень скоро Гиркан и Фазаил поняли, что Ирод был прав. По сути, они стали пленниками, так как по всему периметру замка стояла стража, не дававшая им покинуть его пределы. Им окончательно стало все ясно, когда старый знакомый Фазаила некий Офелий рассказал тетрарху о своем разговоре с местным богачом Сарамаллой, который, в свою очередь, поведал Офелию о тысяче талантов и пятистах женщинах, обещанных Антигоном парфянам, а также о том, что судьба Гиркана и Фазаила предрешена.

— То, что на вас пока нет кандалов, объясняется лишь тем, что парфяне решили повременить, пока они не выманят из дворца Ирода, — пояснил Офелий.

Иосиф Флавий утверждает, что после этого Офелий предложил Фазаилу помощь в организации побега, но тот отказался, заявив, что не может бросить в логове врага уже далеко не молодого Гиркана.

Гиркан тем временем поспешил найти среди охраны и прислуги замка нескольких евреев, которые согласились найти посланцев, готовых передать в царский дворец в Иерусалиме весточку, что они оказались в ловушке и что ни на какие посулы парфян покупаться не стоит.

Несколько таких посланцев были перехвачены в пути, но одному удалось выполнить задание и переправить письмо царя в руки его дочери. Александра тут же поручила Мариамне показать это послание Ироду.

Тут, пожалуй, стоит остановиться и заметить, что за время осады отношение Мариамны к своему самозваному жениху, видимо, несколько изменилось. Она не могла не оценить той смелости, с которой Ирод совершал вылазки в город, того хладнокровия, с которым он принимал решения, в то время как ее дед явно был в панике. Наконец, Мариамна обратила внимание и на мужскую красоту прирожденного воина, сочетавшуюся с острым, неординарным умом.

Была ли это любовь? Трудно сказать. Скорее та самая дождинка, которая еще не дождь, и снежинка, которая еще не снег…

Прочитав письмо Гиркана, Ирод горько усмехнулся: все вышло именно так, как он и предполагал. А между тем он уже нашел тот самый выход, который, как он помнил по урокам отца, существует из любого безвыходного положения.

В одну из ночей Ирод вместе с армией, челядью и домочадцами тайно сбежал из царского дворца, чтобы затем собрать всех бежавших у западных ворот Иерусалима и оттуда продолжить путь дальше.

Если верить Флавию, в ту ночь, оставшись никем не замеченными, дворец покинули около девяти тысяч человек. Но даже если считать эту цифру завышенной, столь массовый побег все равно не может не вызвать восхищения продуманностью плана и четкостью исполнения.

Безусловно, покидая дворец в наброшенной на доспехи женской одежде, воины Ирода пользовались темнотой, а также тем, что город был полон паломников и затеряться в толпе было несложно. Но ведь надо было еще собрать эту массу людей в условленном месте, снабдить ее лошадьми, фуражом, водой, продовольствием. И в том, что все это удалось, несомненно, еще раз проявился организаторский гений Ирода.

Среди прочих, кто бежал из царского дворца, были мать Ирода Кипрос, его сестра Саломея (Шломит), самый младший из братьев, а также невеста Мариамна и будущая теща Александра. Таким образом, Ирод лишил Матитьягу Антигона возможности выполнить свое обещание о

передаче парфянам в рабыни дочери и внучки Гиркана.

Законной жены Ирода Дорис в этом списке женщин, как видим, не значится, из чего историки делают вывод, что Ирод расстался с ней еще до вторжения парфян.

Покинув Иерусалим, Ирод с домочадцами и воинами стал двигаться в сторону малой родины — Идумеи, жители которой, вне сомнения, видели в нем соплеменника и готовы были оказать всяческую поддержку. К тому же семейство Ирода все эти годы, по существу, продолжало править этой областью и обладало в ней немалыми богатствами. Иосиф Флавий сообщает, что по пути к Ироду присоединялись сотни и тысячи людей. Однако Я. Л. Черток в своих замечательных примечаниях к «Иудейской войне» спешит подчеркнуть, что эти сторонники Ирода были в массе своей идумеями или самаритянами — большинство еврейского населения поддерживало Матитьягу Антигона.

Обнаружив утром, что дворец пуст, Матитьягу Антигон поспешил занять царские апартаменты. Провозгласив себя царем Антигоном II, он открыл ворота города парфянской армии и направил погоню по следам Ирода. Одновременно он велел официально арестовать Гиркана и Фазаила и доставить их в кандалах в Иерусалим.

Ирод, вне сомнения, понимал, что Антигон отправится за ним по пятам, а потому с наиболее опытными воинами находился в арьегарде, прикрывая ехавших впереди женщин. Эта мера предосторожности вскоре пригодилась: примерно в 12 километрах от Иерусалима посланный Антигоном отряд нагнал Ирода. Между беглецами и их преследователями начался бой, в ходе которого Ирод сумел обратить противника в бегство и даже некоторое время его преследовал.

Читая исторические хроники, невольно можно подумать, что речь шла о грандиозной битве, в которой Ирод проявил себя великим полководцем. Однако на самом деле это была лишь небольшая стычка, в которой с обеих сторон участвовало не более трехсот всадников. Тем не менее во время этого боя Ирод, видимо, явно почувствовал смертельную опасность и считал, что только чудом остался в живых.

Иначе просто не объяснить, почему впоследствии в память об этом сражении он возвел на его месте Иродион — один из самых прекрасных своих загородных дворцов, а потом и сделал его местом своего последнего упокоения.

Вслед за этим в пути произошла еще одна неприятность: повозка, в которой ехала Кипрос, перевернулась, в результате чего мать Ирода получила серьезную травму, и Ироду сообщили, что она при смерти.

Услышав об этом, Ирод якобы выхватил меч и попытался заколоть себя, но тут подоспели несколько воинов и удержали его руку от рокового удара. Вскоре выяснилось, что жизни Кипрос ничего не угрожает, и Ирод упокоился.

Правдивость этой истории вызывает сомнение, и многие считают, что Ирод просто мастерски разыграл перед своим ближайшим окружением роль любящего сына. Другие не исключают, что Ирод и в самом деле был привязан к матери. Родители, как уже говорилось выше, были единственными людьми, которых он по-настоящему любил и жизнь которых хоть что-то для него значила. Эта любовь к родителям и близким родственникам, как некий последний островок человечности в их душе, кстати, тоже характерная черта диктаторов.

«Валентинов пишет, что Ленин, говоря о матери, своих близких, становился сентиментален. По его свидетельству, вечерами он любил подолгу рассматривать альбом с фотографиями своих

родных»[30], — читаем мы у Волкогонова.

Но дело, видимо, заключалось не только в любви к матери. Ирод в те летние дни 40 года до н. э. был и в самом деле на грани нервного срыва, а возможно, и в глубокой депрессии. Он, до того считавший себя баловнем судьбы, стоявший в шаге от заветного царского трона, вдруг в одночасье оказался в роли гонимого и преследуемого беглеца, которого травят так же, как он сам не раз травил дичь на охоте или еврейских мятежников в горах Галилеи. Жизнь нанесла ему в последние месяцы слишком серьезные удары, и известие о трагическом происшествии с Кипрос было воспринято как еще один знак того, что Бог окончательно отвернулся от него.

Однако, успокоившись, Ирод продолжил путь и уже спустя несколько часов встретился с большим конным отрядом во главе с вышедшим из Идумеи навстречу ему младшим братом Иосифом. Братья обнялись, но не стали терять времени на сантименты, а сразу приступили к обсуждению плана дальнейших действий. Суммарно у них на тот момент было около десяти тысяч бойцов, и Иосиф был полон решимости дать бой парфянам и Антигону II на территории Идумеи. Но Ирод справедливо рассудил, что силы слишком неравны. Он с удовольствием укрыл бы все это войско в считающейся неприступной, стоящей на нависающих над Мертвым морем обрывистых скалах Масаде, но эта небольшая крепость вряд ли могла вместить больше тысячи человек. Поэтому Ирод велел большинству бойцов своей армии разбрестись в стороны и добираться небольшими группами домой, в Идумею, а отряду из восьмисот человек во главе с Иосифом засесть в Масаде вместе с женщинами и держать оборону, пока он вновь не подоспеет к ним на помощь.

Сам же Ирод с небольшим отрядом решил двинуться в Петру к набатейскому царю Малху, который в свое время одолжил у своего старого друга Антипатра немалые суммы и почему-то «забыл» их вернуть. Теперь Ирод решил напомнить царю, что долг платежом красен, получить эти деньги, накопившиеся на них проценты, а заодно попросить дополнительную ссуду и продать принадлежащую семье Ирода недвижимость в Набатее.

Часть этих денег он рассчитывал использовать, во-первых, на выкуп Гиркана и Фазаила, а остальное — на то, чтобы собрать армию, с которой можно было бы бросить вызов парфянам.

Но увы, доехать до Петры Ироду не удалось. Узнав о его приближении, Малх направил к нему гонцов с требованием немедленно покинуть пределы его страны — ссылаясь при этом на поставленный ему парфянами ультиматум, категорически запрещающий оказывать гостеприимство Ироду и его людям.

Возможно, так оно и было, хотя Флавий убежден, что Малху просто не хотелось возвращать долг.

В этот момент Ирод принял окончательное решение направиться в Рим и просить защиты и помощи в сенате — в благодарность за ту верность, которую он и его семья хранили Риму, независимо от того, кто там стоял у власти. Но путь в Рим лежал через Египет, которым правила коварная и сладострастная Клеопатра.

* * *

Тем временем в Иерусалиме ворвавшиеся в город парфяне предались грабежам и насилиям. Поначалу приветствовавшее их местное население очень скоро поняло, что они никакие не освободители, а жестокие оккупанты, которые не только ничем не лучше, но в чем-то куда хуже римлян. Разочарование населения Иудеи в парфянах было, впрочем, вполне предсказуемым.

Но самые печальные события развернулись в царском дворце, куда были доставлены Фазаил и Гиркан.

Когда они предстали перед новым царем Антигоном II, то, согласно «Иудейской войне», последний лично откусил рухнувшему перед ним на колени Гиркану уши. Версия «Иудейских древностей» менее кровожадна: в этой книге утверждается, что Гиркану «всего лишь» отрезали уши по приказу Антигона. Цель нанесения царю такого увечья понятна: Антигону важно было лишить Гиркана права когда-либо вновь стать первосвященником, так как Пятикнижие однозначно говорит, что коэн, имеющий какой-либо телесный изъян, лишен права служить в Храме, не говоря уже о том, чтобы быть первосвященником.

Что касается Фазаила, то Флавий приводит две версии его гибели.

Согласно первой, брат Ирода был попросту отравлен по приказу Антигона — во время очередной перевязки старой раны лекарь добавил в нее яд. По второй версии, поняв, что его собираются казнить, Фазаил решил не допустить такого унижения и покончил жизнь самоубийством. Но будучи связанным по рукам и ногам, он бросился на каменную стену и разбил голову. Его агония, видимо, длилась долго, так как какая-то женщина подошла к Фазаилу и успела сообщить, что Ирод сбежал и люди Антигона не смогли его настигнуть. «Теперь я умираю спокойно, ведь жив тот, кто отомстит за меня!» — такими якобы были последние слова Фазаила.

Известие о гибели брата настигло Ирода в Пелузии, в дельте Нила, откуда он собирался направиться в Александрию. Безусловно, это сообщение опечалило, но с другой стороны, Ирод почувствовал облегчение от того, что больше не было необходимости придумывать, как выкупить брата и он мог полностью сосредоточиться на собственной судьбе.

В Пелузии его нагнало послание от царя Малха, в котором тот выражал сожаление по поводу своего предыдущего письма и выказывал готовность принять Ирода и ссудить его необходимой суммой.

Но Ирод и не подумал отвечать Малху и тем более принять его приглашение. Во-первых, потому, что это могла быть ловушка с целью заманить его в Набатею и затем выдать Антигону. Во-вторых, Малх, а вместе с ним и весь его народ, в полном соответствии с симптомами паранойи, стали отныне для Ирода заклятыми врагами, с которыми не о чем разговаривать и которым можно только мстить. Все, что он думал о вероломстве и неблагодарности Малха, Ирод уже высказал в письме, отправленном вместе с гонцами в Петру, и возвращаться к этой теме не собирался.

В Пелузии Ирода ждала еще одна неприятность: местные моряки наотрез отказались доставлять его и его людей в Александрию даже за самую щедрую плату — ссылаясь на то, что теперь он считается персоной нон грата и за оказание ему помощи можно жестоко поплатиться. Лишь после того как Ирод обратился в местный суд и тот приказал капитанам доставить его в Александрию, ему удалось зафрахтовать один из кораблей.

Так Ирод появился при дворе Клеопатры.

Глава шестая. Все пути ведут в Рим

Обычно стоит лишь назвать имя Клеопатры, как в памяти тут же возникает образ, созданный в кино Вивьен Ли, Элизабет Тейлор, Софи Лорен, Еленой Кореневой и другими замечательными актрисами. Речь в этих фильмах и в самом деле идет о той самой Клеопатре, к которой

направился Ирод, но не стоит забывать, что официально в истории она значится Клеопатрой VII.

Клеопатра — это родовое имя цариц из династии Птолемеев, многие из которых поражали современников умом и политической прозорливостью. Клеопатра VII была, безусловно, под стать своим прабабкам. Ей было прекрасно известно, что произошло в Иудее, что Ирод, по сути, потерял власть, но интуиция подсказала ей, что еще рано считать его сбитой фигурой.

К тому же Клеопатра была наслышана о талантах Ирода от Антония; евреи, среди которых было немало сторонников Ирода, играли заметную роль и при ее дворе, и в Египте в целом; а сама она давно втайне мечтала осуществить то, что несколько веков назад не удалось ее предку Птолемею, — включить Иудею в свои границы.

Весь этот клубок соображений и обусловил то, что Ирод был принят Клеопатрой в качестве дорогого гостя. Более того, царица предложила Ироду стать главнокомандующим ее армии и, как он сам потом уверял, даже пыталась соблазнить его.

Но Ирод просил у царицы только одного: помочь ему добраться до Рима, чтобы спасти семью. При этом он ни словом, ни намеком не обмолвился о своих претензиях на иудейский престол. Ирод понимал, что как только он об этом заявит, за его жизнь нельзя будет дать и одной лепты[31], так как Клеопатра увидит в этом помеху своим грандиозным планам.

В итоге Клеопатра дала Ироду корабль, и хотя в разгаре уже была средиземноморская осень с ее проливными дождями и морскими бурями, он отправился в плавание. Последнее, правда, длилось недолго. То ли так было задумано Клеопатрой изначально, то ли дело опять было в превратностях судьбы, но в первую же бурю корабль, на котором находился Ирод, едва не пошел ко дну.

Выбросив за борт значительную часть груза, команда с трудом добралась до Родоса. Здесь стало ясно, что ни о какой починке судна не может быть и речи: если Ирод хотел продолжить путешествие, ему нужен был новый корабль.

* * *

«Гам зу — ле това!» («И это — к добру!») — гласит еврейская поговорка той эпохи, почти аналогичная русской «Нет худа без добра». Оказавшись на Родосе, Ирод получил передышку, позволявшую ему дождаться, чем закончится начавшееся в Брундизии столкновение Антония с Октавианом, и избежать опрометчивых политических шагов.

Ирод начал свое пребывание на Родосе с того, что раздал оставшуюся казну на восстановление разоренного гражданской войной острова, и это открыло ему двери в дома местной аристократии. Кроме того, он разыскал двух еврейских купцов, Птолемея и Саппиния, с которыми, очевидно, познакомился еще в Иерусалиме. Он не скрыл от старых знакомых, что намерен свергнуть с трона Антигона II и вернуться к власти над Иудеей, но для этого ему нужны были деньги. Очень много денег.

Деньги на поездку в Рим. Деньги для подарков его властителям. Деньги на набор и содержание армии…

Если пытаться провести какие-то литературные параллели, то больше всего Ирод в те дни напоминал Остапа Бендера в момент создания «тайного “Союза меча и орала”». Как и Бендер, Ирод начал с вопроса: «Наших в городе много?» — в том смысле, достаточно ли на Родосе и других окрестных островах состоятельных еврейских купцов. Затем он стал встречаться с

этими купцами, обещая, что Запад, то есть Рим, «нам поможет», и призывая «крепиться». И, само собой, он обещал не забыть никого из тех, кто даст деньги на «святое дело», когда вернется к власти.

Миссия Ирода в значительной степени облегчалась тем, что еврейские купцы Родоса, Греции и всех прилегающих к ней островов горячо поддерживали Рим. Большинство из них были убежденными эллинистами и все, как один, осуждали Антигона за то, что тот встал на сторону парфян. Антигон должен быть смещен, и во главе Иудеи, которую они продолжали считать родиной и с которой сохраняли тесную связь, следует поставить «человека Рима» — это у них не вызывало сомнений. Правда, они были убеждены, что при этом на иудейском троне должен восседать кто-то из потомков Хасмонеев, а идумей Ирод может быть в лучшем случае регентом, но ведь Ирод в беседах с ними ничего и не говорил о своих претензиях на трон.

Вскоре Ирод собрал достаточно большую сумму, в течение короткого времени построил великолепную триеру и в начале зимы отбыл на ней к берегам Италии. Его отплытие пришлось как раз на время, когда Антоний и Октавиан сумели добиться в Брундизии временного примирения и вместе отправились в Рим.

По странному совпадению Ирод также высадился в Брундизии, чтобы вскоре тоже появиться в Риме.

Мы можем только гадать, что испытывал Ирод, впервые оказавшись в этом великом городе, — источники об этом умалчивают. Несомненно одно: ему было там интересно. Как мы увидим чуть позже, по призванию Ирод был прежде всего гениальным инженером и архитектором; он остро чувствовал красоту зданий, их гармоничное сочетание с окружающим ландшафтом, а в этом смысле евреям, безусловно, было чему поучиться у римлян.

Впрочем, особенно наслаждаться римскими красотами времени у него не было.

Встретившись с Антонием, Ирод сделал подробный доклад о событиях в Иудее, и его рассказ произвел должное впечатление. Диктатор понимал, что во многом должен был пенять на самого себя; на то, что, увлекшись Клеопатрой, почти год совершенно не занимался делами. Но, как и ожидал Ирод, все пламя своего гнева Антоний обратил на Антигона, открывшего парфянам ворота Иудеи, а затем и Иерусалима.

Кроме того, по словам Флавия, на не чуждого сентиментальности Антония большое впечатление произвела сама судьба Ирода, который вроде совсем недавно был вершителем судеб, обладал правом казнить и миловать, а сейчас сам бежит от врагов и выступает в роли просителя милости.

Октавиан согласился с Антонием: Иудея слишком важная провинция, чтобы Рим мог ее потерять. Сместив Гиркана, назначенного Римом этнархом, и расправившись с поставленными Римом тетрархами Фазаилом и Иродом, Антигон, по мнению второго диктатора, поставил себя вне закона и должен быть повергнут вместе с парфянами. Согласился Октавиан и с тем, что лучшего правителя Иудеи, чем Ирод, Риму сейчас не найти.

Вопрос заключался в том, в каком статусе должен был вернуться Ирод в Иудею, чтобы предъявить претензии на власть.

Обычная для Рима практика заключалась в том, чтобы сажать на престолы в вассальных странах покорных им царей-клиентов[32], принадлежащих к правящей династии, — чтобы создавалась видимость того, что монарх-марионетка сидит на троне по праву.

Это значило, что следующим царем Иудеи должен был стать представитель рода Хасмонеев. Но Антигон, став предателем Рима, на эту роль точно не подходил, и о примирении с ним не могло быть и речи. Гиркан, отправленный в плен в Вавилон, запятнал себя малодушием и готовностью вести переговоры с парфянами. Единственным наследником Хасмонеев мужского пола, к которому у Рима не было никаких претензий, был внук Гиркана Аристобул, но ему было чуть больше десяти лет, и для царской короны он был слишком мал…

История опять-таки умалчивает о том, кому именно в голову пришла идея объявить царем-клиентом Иудеи Ирода.

Возможно, это был Антоний, которому уже давно надоела семья Хасмонеев, в каждом из представителей которой, по его мнению, в той или иной степени жил религиозный фанатик и националист, тайно мечтающий поднять мятеж против Рима. Окончательно отстранить Хасмонеев от власти и поставить на их место «своего» человека значило кардинальным образом на многие годы решить иудейский вопрос.

Но не исключено, что это был Октавиан, считавший, что, назначив евреям царя, Рим окончательно покажет этому «жестоковыйному» народу, кто в доме хозяин.

И все же, вероятнее всего, это предложение исходило от самого Ирода, понявшего, что пришло время исполнения своих самых тайных и заветных желаний, и выпросившего эту особую милость у диктаторов. При этом Ирод мог отбить довод, что не имеет права на престол, напоминанием об обручении с царевной Мариамной — в этом случае он становился членом царской семьи и получал законное право претендовать на власть. В конце концов, разве не обосновывал царь Давид свое право на корону тем, что был женат на дочери царя Саула?!

Именно напоминание о том, что подобные прецеденты уже были в прошлом, скорее всего, и убедило Антония и Октавиана, и они решили провести утверждение Ирода царем Иудеи в сенате.

Безусловно, это был уже далеко не тот сенат, каким он был во времена Республики. Теперь он состоял не из интеллектуальной элиты Рима, свободно мыслящих людей, а из покорных марионеток Октавиана и Антония, по сути дела, не выбранных, а ими же и назначенных, нередко из числа своих воинов или вольноотпущенников.

Однако Ирод не мог позволить себе рисковать. Помимо богатых подарков и щедрых обещаний, которыми он осыпал обоих диктаторов, Ирод послал также щедрые подношения наиболее влиятельным сенаторам. Прежде всего, сенатору Мессале — блестящему оратору, который и должен был выдвинуть на голосование предложение о его объявлении царем.

И Мессала не ударил в грязь лицом. В своей великолепной речи он напомнил собравшимся об отце Ирода, верном слуге Рима Антипатре; о том, что вся эта семья всегда была предана Риму — в отличие от семьи Хасмонеев, непрестанно испытывавшей если не явную, то тайную враждебность к империи. Вот и сейчас, продолжил Мессала, в то время как Антигон Хасмоней пирует в Иерусалиме с нашими заклятыми врагами, Ирод, сын Антипатра, уже не раз доказавший свой талант полководца и правителя, находится здесь, в Риме, и готов защищать его интересы. Так есть ли в высоком совете хоть кто-то, кто сомневается, что пришло время объявить Ирода царем Иудеи и оказать ему всяческую помощь в достижении власти?!

Сомневающихся, а значит, и голосовавших «против» или воздержавшихся, как и ожидалось, не нашлось, и сенат наделил Ирода званием «rex socius et amicus populi Romani» — «царя, союзника и друга римского народа».

Стоит заметить, что при всей пышности своего звучания это был довольно унизительный статус, означавший, что его носитель должен беспрекословно выполнять любое указание Рима, каждое его самостоятельное решение должно быть утверждено Римом и при желании он мог быть в любой момент смещен Римом с трона. Такой царь даже не имел права самостоятельно выбрать себе наследника и распределить наследство. В то же время статус царя-клиента гарантировал ему военную помощь Рима, за что он и сам по первому требованию должен был оказывать в дни войны помощь римлянам как живой силой, так и продовольствием, лошадьми, оружием и, само собой, финансами.

Сам Ирод в тот момент, безусловно, был вне себя от счастья. Вместе с толпой сенаторов он вышел по окончании заседания за Антонием и Цезарем, чтобы принять участие в жертвоприношении в храме Юпитера. Этот поступок Ирода, разумеется, не укрылся от римских евреев, многие из которых жили неподалеку от Капитолия. С их точки зрения, участие Ирода в жертвоприношении означало только одно: несмотря на то что он был прозелитом в третьем поколении, в душе он все еще оставался язычником.

Известие о поведении Ирода в Риме, включая и тот факт, что на пиру у Антония он ел запрещенные евреям блюда[33], дойдя до Иерусалима, еще больше оттолкнуло хранителей традиции от Ирода и заставило их сплотиться вокруг Антигона.

Сам Ирод в свое оправдание говорил, что у него не было выхода: после провозглашения его царем он не мог оторваться от процессии, идущей в храм Юпитера, тем более что туда шли не только для жертвоприношения, но и чтобы поместить там доску с прямо касающимся его решением сената. Что касается запрещенной пищи, то он только делал вид, что ел, а на самом деле не брал в рот ни крошки.

Ирод также уверял всех, кого только было можно, что объявление его царем стало полной неожиданностью прежде всего для него самого. Он, дескать, просил царского титула для маленького Аристобула, а сам хотел быть лишь наперсником юного царя.

Но, возможно, именно в тот момент, когда он давал эти объяснения, Ирод понял, что пока жив Аристобул, он не сможет спокойно носить царский венец. И с этой минуты юный царевич был обречен.

Ну а пока Ирод был царем без царства, и ему еще предстояло доказать Антонию и Октавиану, что они в нем не ошиблись.

Пробыв в Риме всего лишь неделю, он поспешил домой, в Левант с его обманчивым спокойствием и бесконечной братоубийственной войной. Исаву и Иакову снова предстояло встретиться и помериться силами.

Глава седьмая. Любой ценой в Иерусалим

Весной 39 года до н. э. Ирод высадился в Птолемаиде — городе, который в Средневековье называли Аккрой, а сегодня называется Акко и расположен в северной части Израиля. Как уже говорилось, большинство прибрежных городов Средиземноморья поддержали парфян, и потому задерживаться в Птолемаиде было для Ирода небезопасно. В то же время из-за учиненных парфянами грабежей население глубинных областей Галилеи стало предпочитать парфянам римлян, и потому там Ирод смог без труда начать набирать армию. Туда же из Идумеи стали стекаться соплеменники Ирода, готовые воевать под его знаменами.

Так Ироду удалось собрать несколько тысяч воинов, но это все равно было ничтожно мало не

только для овладения всей Иудеей, но и даже для возвращения власти над Галилеей.

В Сирии между тем против парфян уже успешно действовало несколько римских легионов во главе с Публием Вентидием Бассом. Понимая, что своими силами, без военной помощи римлян Антигона не одолеть, Ирод обратился к Вентидию с просьбой направить ему хотя бы несколько подразделений.

Обратился — и натолкнулся на отказ. То ли по той причине, что к этому времени Вентидий, как предполагает Флавий, и в самом деле был подкуплен Антигоном, то ли потому, что ему действительно нужен был каждый солдат для скорейшего изгнания парфян из Сирии. Лишь после того как Антоний через своего личного посланника Делия отдал Вентидию приказ придать часть своей армии Ироду, тот отослал к нему несколько тысяч воинов под началом полководца Помпедия Силона. После этого общая численность армии Ирода составила свыше 20 тысяч человек, и по мере продвижения вглубь страны она непрестанно увеличивалась.

С этими силами Ирод решил двинуться к Масаде, где по-прежнему был осажден его брат Иосиф. Один раз, из-за нехватки воды, Иосиф даже подумывал пойти на отчаянный, заранее обреченный прорыв блокады, но выпавшие обильные дожди заполнили водяные ямы, и Иосиф отказался от своего безумного плана.

Ирод направился к Масаде по прибрежной дороге, дошел до древнего Яффо, который греки называли Иоппией, и взял этот город, чтобы не оставлять в тылу враждебного населенного пункта. Уже отсюда он поспешил в Масаду на помощь Иосифу. Воспользовавшись фактором внезапности, Ирод прорвал блокаду, обратив в бегство стоявшие под стенами крепости отряды Антигона.

Эта победа прибавила ему популярности среди местного населения, а кроме того, близость Масады к Идумее и Самарии позволила Ироду в короткий срок значительно, возможно, более чем в два раза увеличить свою армию. Вместе с когортами Силона она, таким образом, стала вполне соизмеримой с армией Антигона.

Воодушевленный этим успехом, Ирод двинул армию на Иерусалим, находившийся в дневном конном переходе от Масады.

Так началась осада Иерусалима, затянувшаяся на долгие месяцы. Несколько раз армия царя Антигона предпринимала вылазки против Ирода и римлян, но все они были успешно отбиты.

В надежде ослабить моральный дух защитников города, Ирод предпринял блестящий пропагандистский ход. Он послал к стенам города глашатаев, которые объявили, что решением Великого Рима Ирод провозглашен царем Иудеи, а Антигон, следовательно, является не кем иным, как самозванцем. При этом новый законный царь думает только о благе народа (а как же иначе?! — *П. Л.*), а потому в случае, если ему без боя откроют ворота города, дарует амнистию всем своим противникам.

Вскоре после этого на городской стене появился сам царь Антигон, заявивший, что он хочет лично поговорить с Силоном. Последний подъехал к стене в сопровождении нескольких офицеров.

— Я хочу, чтобы вы передали в Рим, что сенат допустил ошибку, провозгласив царем Ирода! — сказал Антигон. — Эта ошибка оскорбляет римское право и попирает все понятия о справедливости, ибо у Ирода не только нет достаточно знатного происхождения, чтобы стать царем. Нет — он вдобавок ко всему происходит из идумеев, то есть является, по сути дела, «недоевреем». Народ никогда не примет царя с таким происхождением, и нравится вам это

или нет, но при Ироде сопротивление Риму продолжится. Я понимаю, что вы недовольны мною и хотите лишить меня власти, которую я получил от парфян. Но ведь есть еще и другие члены моей семьи, которые ни в чем не провинились перед римлянами. Так отдайте им власть, ибо она принадлежит им по праву!

По непонятным причинам речь Антигона закончилась перебранкой, а затем и перестрелкой между сторонами из луков. Возможно, все началось с того, что кто-то из стоявших рядом с Антигоном евреев позволил себе выкрикнуть оскорбления в адрес сопровождавших Силона римлян или, наоборот, один из римлян отпустил грубую шутку в адрес евреев.

Но, вернувшись к себе в шатер, Силон еще долго не мог найти себе места. Страстная речь Антигона взволновала его и заставила о многом задуматься. Он уже достаточно времени провел в Иудее, чтобы понять: то, что римлянам кажется условностью, предрассудком, от которого можно с легкостью отказаться, для евреев нередко представляется высшей ценностью и смыслом жизни. Назначив «недоеврея» Ирода царем, Антоний и Октавиан не просто попрали принятые в самом Риме нормы, но и нанесли евреям смертельную обиду. И теперь евреи будут сражаться с Римом до конца, может, до своего полного истребления — вопреки всякой логике и здравому смыслу. По дорогам Иудеи начнут бродить сумасшедшие, которые будут называть себя мессиями и законными претендентами на престол, может быть, даже потомками самого царя Давида, и вновь и вновь подстрекать к бунту. Но все это можно еще остановить, если и в самом деле попытаться убедить Рим отменить свое решение по поводу Ирода и назначить царем либо кого-то из Хасмонеев, либо пусть и не из их семьи, но хотя бы того, кто не воспринимается народом в качестве инородца.

Одержимый этими мыслями, Силон засел за письмо Вентидию в надежде, что тот передаст его в Рим, а сам пока решил попридержать помощь Ироду и отсрочить взятие им Иерусалима. Флавий, впрочем, объясняет эту неожиданную перемену в настроении Силона тем, что он получил взятку от Антигона — может, потому что и сам ненавидел римлян и был убежден в их поголовной продажности.

Однако, анализируя пересказ Флавием речи Антигона, известный историк Альберт Баумгартен обращает внимание на то, что, говоря о незаконности притязаний Ирода на престол, Антигон апеллировал именно к римскому, а не к еврейскому праву. Он и не мог обращаться к последнему, так как знал, что с точки зрения еврейских законов никаких препятствий тому, чтобы Ирод, еврей в третьем поколении, стал царем, не было. Баумгартен также напоминает о том, что далее в тех же «Иудейских древностях» Флавий пишет, что был момент, когда фарисеи предсказывали, что царем станет потомок Феррoры — младшего брата Ирода, ничем не отличавшегося от него по происхождению. И уже много лет спустя, когда после смерти Ирода большая делегация из Иерусалима направилась в Рим просить не назначать царем кого-либо из детей Ирода, она привела в пользу своей точки зрения множество доводов, но при этом ни разу не вспомнила об идумейском происхождении Ирода.

Следовательно, делает вывод Альберт Баумгартен, дело было не в происхождении, а в негативном отношении значительной части народа к самой личности Ирода[34].

* * *

Как бы то ни было, очень скоро в лагере римлян под Иерусалимом начался ропот по поводу нехватки еды и невыплаты зарплаты. Силон заявил, что в такой ситуации не может продолжать осаду Иерусалима и хочет отойти на зимние квартиры, в те места, где у его солдат будет вдоволь пищи. Флавий снова уверен, что римские легионеры, прекрасно знавшие, что такое военная дисциплина, роптали по прямому приказу подкупленного Антигоном Силона.

Ирод, очевидно, также был убежден в этом, но решил открыто не высказывать своих претензий, а попытался удержать Силона у стен Иерусалима. С одной стороны, он напомнил Силону, что тот послан к нему на помощь по прямому указанию высшего командования и при случае он может потребовать суда над ним за нарушение приказа. С другой стороны, Ирод пообещал в самые кратчайшие сроки доставить римлянам в изобилии хлеб, вино, оливковое масло, скот и все необходимое для продолжения войны.

Чтобы сдержать слово, Ирод направился в Самарию, жители которой открыто поддерживали Ирода, уповая, что, придя к власти, он даст им возможность жить по своим законам. Движимые этой надеждой, они охотно откликнулись на его просьбу, и из Самарии потянулись обозы, доверху груженные продовольствием.

Кратчайшая дорога из Самарии в Иерусалим проходила через Иерихон — древний, некогда большой город, который в те дни находился в запустении. Антигон то ли через своих соглядатаев, то ли действительно от самого Силона узнал об этих обозах и отдал приказ поставить на всех подходах к Иерихону засады для их перехвата.

Но, видимо, у Ирода при дворе Антигона также были свои шпионы — иначе трудно объяснить, каким образом он был молниеносно осведомлен о планах противника и двинулся к Иерихону с десятью когортами (пятью римскими и пятью иудейскими), а также с большим отрядом наемников и несколькими сотнями всадников. Без особого труда заняв полупустой город и оставив в нем гарнизон для охраны, Ирод спешно вернулся в Иерусалим, где обнаружил, что разброд и шатание в отрядах Силона продолжаются и многие солдаты начали разбредаться по окрестностям. В этой ситуации ему не оставалось ничего другого, как согласиться отпустить армию на зимние квартиры в преданных ему областях — в Идумее, Самарии и Западной и Нижней Галилее.

При этом в Северной и Восточной Галилее значительная часть жителей, особенно в деревнях, по-прежнему была крайне враждебно настроена как к римлянам, так и к Ироду. Они прекрасно помнили, с какой жестокостью действовал Ирод в их краях в бытность стратегом области, и не простили ему ни казни Езекии Галилеянина, ни карательных экспедиций против партизанских отрядов, бойцами которых были их отцы, братья и сыновья.

Зная это, Антигон призвал сельское население этих районов устроить римлянам, если они там покажутся, тактику выжженной земли — покинуть свои дома и вместе со скотом и всеми зимними припасами уйти в горы, предоставив оккупантам умирать от голода.

* * *

Вереница этих событий снова повергла Ирода в самое мрачное состояние духа.

Дело было не только в том, что он, по сути, потерпел фиаско под стенами Иерусалима. Ирод понимал, что слова Антигона так или иначе будут доведены до сведения Антония. Он всерьез опасался, что диктатор примет их к сведению и решит «переиграть» решение о наделении его царским титулом, передав корону кому-либо из Хасмонеев, особенно если после снятия осады Иерусалима Антоний засомневается в его полководческих и организаторских способностях. Одновременно слова Антигона, которые слышали и римляне, и евреи, больно ранили его лично — ему снова, как когда-то в детстве, вслух напомнили о его идумейском происхождении, о том, что де-факто он был и остается евреем второго сорта.

Ирод вновь предельно четко осознал, что на самом деле не может доверять никому — ни евреям, ни римлянам, ни даже верным ему самаритянам и идумеям. Можно, конечно,

объяснить это его самоощущение все более развивающейся паранойей, одним из признаков которой считается «обостренное недоверие к окружающим». Вместе с тем давайте согласимся, что у него были и вполне реальные основания для такого ощущения.

Следуя ему, он отказался от услуг Силона, направив последнего к Вентидию — на войну против парфян.

Но в том-то и заключалась сила характера Ирода, что он умел преодолевать свои настроения и, подобно посланному в нокдаун боксеру, подниматься с колена прежде, чем рефери досчитает до десяти. Ирод осознал, что до того, как второй раз вести поход на Иерусалим, ему нужно подчинить себе всю Иудею, шаг за шагом отвоевывая один за другим верные Антигону районы, медленно стягивая кольцо вокруг столицы, а заодно и петлю на шее Антигона II.

Логика подсказывала, что начинать надо с Галилеи, которую он знал с молодости как свои пять пальцев и где, собственно говоря, приобрел боевой опыт.

Разместив в городе Самария (Шомрон), являвшемся столицей одноименной области, мать, невесту и прочих домочадцев, Ирод отправил младшего брата Иосифа с двумя тысячами пехотинцев и четырьмястами всадниками в Идумею — на случай, если туда попытается прорваться армия Антигона. Сам же с оставшимся войском совершил стремительный марш-бросок в Верхнюю Галилею — к ее столице Сепфорису, или в оригинальном еврейском произношении Ципори, что буквально означает «птичий город».

Стояла холодная зима 38 года до н. э.

Галилейские перевалы были завалены снегом, почти ежедневно бушевала непривычная для этих мест вьюга, и появление в такую пургу под стенами Сепфориса армии Ирода ошеломило его защитников. Город с его огромными продовольственными складами сдался почти без боя.

Дав своим солдатам несколько дней отдыха после тяжелейшего марш-броска в зимнюю стужу, Ирод приступил к реализации следующего этапа своего плана — «зачистке» области от скрывающихся в лесах и пещерах сторонников Антигона.

Последние, впрочем, тоже не дремали. Объединившись в большую армию, они решили дать генеральное сражение Ироду возле горной деревушки Арбела. В начале этого сражения удача, казалось, была на стороне партизанской армии — под их мощным натиском левый фланг армии Ирода дрогнул и бросился бежать. Но Ирод, мгновенно оценив диспозицию, развернул правый фланг в тыл наступающего противника, а сам бросился к бегущим и, остановив панику, заставил их снова построиться в боевой порядок. Это в итоге предопределило исход битвы. Как бы ни была отважна партизанская армия, она не могла противостоять хорошо обученным, действующим, как отлаженная военная машина, бойцам Ирода. Наступил момент — и партизаны побежали, ища укрытия в многочисленных пещерах, расположенных на обрывистых склонах Галилеи, куда невозможно взобраться не только всаднику, но и пехотинцу, нагруженному полной выкладкой римского легионера.

Щедро наградив участвовавших в битве под Арбелой солдат и командиров (каждый рядовой боец получил 150 драхм), Ирод решил отложить операцию по уничтожению сторонников Антигона до весны.

Сознавая всю сложность этой задачи, он начал с того, что пообещал полную амнистию тем, кто покинет пещеры, прекратит сопротивляться его власти и вернется в свои дома. Однако этим обещаниям поверила лишь часть населения. Тысячи жителей Верхней Галилеи вместе с семьями продолжали оставаться в пещерах, время от времени совершая дерзкие вылазки как

против отрядов Ирода, так и против лояльных по отношению к нему деревень.

И тогда для борьбы с партизанами Ирод прибег к весьма оригинальному, хотя и уже не новому в те времена методу. Метод заключался в том, что солдаты, взобравшиеся на вершину горы, с помощью блоков спускали на железных цепях к расположенным на отвесных склонах пещерам огромные железные клетки, в которых находилось до тридцати бойцов. Оказавшись напротив входа в пещеру, солдаты осыпали ее защитников стрелами и дротиками, а затем, распахнув двери клеток, врывались внутрь и начинали рукопашную. Схватка продолжалась обычно до полного истребления всех защитников пещеры, либо — гораздо реже — до взятия их в плен и обращения в рабство.

Надо признать, что сопротивление противников Ирода было отчаянным, и большинство из них предпочитали умереть в бою, чем сдаться. Далеко не во всех пещерах прятались партизанские отряды — во многих из них обретались по одной или две обычные семьи. Чрезвычайно показателен в этом смысле рассказ Иосифа Флавия, как однажды отряд во главе с самим Иродом обнаружил пещеру, в которой прятался некий «старик» (вероятнее всего, мужчина средних лет) с женой и семерыми детьми. Став поодаль от пещеры, Ирод послал глашатая, пообещавшего всем находящимся в ней амнистию. Дети и жена стали упрашивать «старика» довериться обещаниям царя и разрешить им выйти из пещеры. В ответ «старик» велел детям выходить по одному и на выходе закалывал каждого из них.

Ирод был настолько поражен этой сценой, что, плача, умолял детоубийцу остановиться, но тот продолжал делать свое страшное дело, называя при этом Ирода «идумейской собакой» и «самозванцем». Последней он убил жену, а затем, сбросив их трупы в пропасть, сам ринулся вслед за ними.

Однако в итоге карательные операции стали приносить свои плоды: по всей Галилее установилось спокойствие. Но отдыхать Ироду не пришлось: вскоре пришло известие, что Антигон, воспользовавшись тем, что Ирод занят Галилеей, вторгся в Самарию, и он поспешил туда. Пока Ирод выбивал Антигона из Самарии, в Галилее вновь подняли головы его затаившиеся противники, и надо было гасить пожар там.

Так, в метаниях между Самарией и Галилеей, Ирод провел весну 38 года до н. э.

Вентидий тем временем нанес поражение парфянам в Сирии и после гибели в битве их предводителя царевича Пакора смог наконец отправить в помощь Ироду сразу два легиона и тысячу всадников под командованием некоего Махера.

Узнав об этом, Антигон предпринял последнюю попытку спасения: он направил Махеру письмо, в котором выражал готовность признать власть римлян и щедро заплатить, если тот возьмет его сторону в противостоянии с Иродом. Кончились эти контакты тем, что Махер со своим отрядом был атакован Антигоном под Иерусалимом и, отступая, стал убивать по дороге всех встречающихся ему евреев, не разбирая, являются они сторонниками Антигона или Ирода.

Ирод, узнав об этом, вышел из себя и сначала едва не напал на легионы Махера, затем решил пожаловаться на него Марку Антонию, но, поразмыслив, решил воздержаться и от того, и от другого. Это было тем более разумно, что, не желая отдавать Вентидию все лавры победителя парфян, Антоний самолично появился в Сирии и принял участие в осаде Само-саты — большого, хорошо укрепленного города на берегу Евфрата. Узнав об этом, Ирод с большей частью своей армии двинулся к Самосате на помощь Антонию.

Перед этим он после тяжелого объяснения все же сумел примириться с Махером и согласился, чтобы на время его отлучки римляне действовали вместе с войсками, оставшимися под началом его брата Иосифа. Правда, при этом он не забыл предупредить Иосифа, чтобы тот не слишком сильно доверял Махеру.

Если верить Флавию, именно Ирод со своими бойцами, продемонстрировав чудеса храбрости, сыграл решающую роль в штурме Самосаты, и это, безусловно, еще больше усилило симпатию к нему Антония.

Впрочем, повод отличиться у Ирода появился еще до подхода к Самосате. Прибыв в Сирию, он узнал, что местные сторонники римлян собрали большой обоз с продовольствием для легионов Антония, но боятся тронуться с ним в путь из-за опасности нападения противника. Ирод заявил, что готов со своим небольшим отрядом конвоировать обоз. Как и ожидалось, в пути обоз попал в засаду, причем разбойники пропустили отряд, шедший в голове обоза, затем и большую часть телег и только после этого ударили с тыла, в прикрывавший колонну отряд, которым командовал сам Ирод. Застигнутые врасплох, часть его бойцов стала убегать, а туземцы принялись грабить телеги и отгонять привязанный к ним скот. Но тут с криком «За мной!» на грабителей налетел Ирод, и воодушевленные командиром солдаты вступили в бой и отбили скот и награбленное имущество. Так, во всяком случае, рассказывает Иосиф Флавий.

«Когда Ирод приблизился к Самосате, — пишет он далее, — Антоний выслал ему навстречу войско и свою личную свиту, чтобы выразить этим ему свое почтение и оказать поддержку: Антоний уже знал о нападении варваров. Он с удовольствием ждал приезда Ирода и, так как узнал о подвигах, совершенных им в пути, принял его с выражением удивления его храбрости, немедленно заключил его в объятия, и принял с тем большим почетом, что он сам недавно провозгласил его царем» (ИД. Кн. 14. Гл. 15:9. С. 90).

Таким образом, в первые же минуты личной встречи с диктатором Ирод испытал огромное облегчение: слова Антигона о «недоевреe» не произвели на Антония никакого впечатления, и он явно не собирался лишать его короны.

Напротив, Антоний отдал Ироду должное, высоко оценив его воинские заслуги, и вновь пообещал всяческую военную помощь в овладении Галилеей. Больше того, сразу после взятия Самосаты[35] и перед возвращением в Египет Антоний велел назначенному прокуратором Сирии Сосию всемерно поддержать Ирода. Сосий поспешил выполнить приказ и направил в Иудею два легиона, пообещав заодно вскоре прибыть туда лично, чтобы командовать кампанией по окончательному разгрому Антигона.

Воодушевленный достигнутым успехом, Ирод отправился обратно в Иудею. Дорога занимала несколько дней, и по ночам на него стали наваливаться кошмары — ему снился брат Иосиф, протягивающий руку и молящий о помощи. Ирод во сне тоже тянулся к брату, но все никак не мог до него дотянуться, и Иосиф, влекомый какой-то страшной, потусторонней силой, начинал падать назад, на спину, превращаясь в мраморную статую, и в момент падения на землю у этой статуи отлетала голова.

Сны были настолько явственны, что Ирод не сомневался: с братом стряслась какая-то беда, и ему надо спешить домой.

В очередной раз такой кошмар приснился Ироду в Дафне, уже на полпути в Иудею. Проснувшись в холодном поту, он попытался успокоиться, но в это время полог шатра поднялся, и вошедший слуга сказал, что прибыл срочный гонец из Иудеи, который, кажется, принес недобрые вести.

Вести и в самом деле были недобрые: гонец сообщил, что Иосиф погиб в битве с Антигоном. Младший брат Ирода Феррора был готов заплатить 50 талантов, если Антигон вернет тело павшего брата, но тот все равно велел отрезать мертвому Иосифу голову и надругался над трупом…

* * *

Узнав о гибели брата, Ирод разрыдался.

Можно было, конечно, написать, что многие истеричные и жестокие натуры склонны к подобному бурному изъявлению чувств, и это будет правдой.

Но напомним, что Ирод и в самом деле, видимо, был сильно привязан к своей семье, а в течение трех с небольшим лет ему пришлось пережить потерю отца и двух братьев. Поэтому его слезы наверняка были искренними, а отнюдь не игрой на публику, тем более что вся публика состояла-то из гонца и денщика.

Успокоившись, Ирод пожелал выслушать подробный доклад гонца о том, при каких обстоятельствах погиб брат. Как оказалось, за время его пребывания у стен Самосаты в Иудее произошло множество событий. Когда в армии, оставленной с Иосифом, начались трудности с провиантом, последний решил нарушить приказ Ирода ни в коем случае не вступать в схватку с Антигоном. Иосиф попросил у Махера помощи, и тот выделил ему пять когорт, но все они состояли исключительно из плохо обученных, не имевших никакого опыта новобранцев. С этим войском Иосиф двинулся в сторону Иерихона, чтобы изъять (то есть, говоря без обиняков, попросту пограбить) плоды недавно собранного урожая у жителей окрестных деревень. Здесь, близ Иерихона, и произошел жестокий бой с армией Антигона, в котором Иосиф геройски погиб. Бойцы римских когорт полегли в том бою все до единого, да и из еврейского отряда спаслись немногие.

Гибель Иосифа словно стала сигналом к началу в Галилее нового восстания сторонников Антигона. Поставленных Иродом градоначальников и сборщиков налогов мятежники приволокли на берег Генисаретского[36] озера и утопили на глазах собравшейся толпы. Одновременно Антигон вторгся в Самарию, пытаясь подчинить эту важную область, где у него почти не было сторонников.

Выслушав эти вести, Ирод отдал указание своим бойцам ускоренным маршем двигаться по прибрежной дороге в Галилею. В пути он набрал на территории нынешнего Ливана еще 800 воинов из местных жителей и вдобавок к нему присоединился один из посланных Сосием легионов. Дойдя до Птолемаиды, Ирод развернул армию вглубь Галилеи и буквально налетел на не ожидавших столь скорого его возвращения мятежников. Отступая, сторонники Антигона заперлись в одной из горных крепостей. Тут, на их счастье, началась непогода, и Ирод остановил наступление. Через несколько дней к его лагерю подошел второй легион римлян, и с этого момента стало окончательно ясно, что победа Ирода предрешена не только в Галилее, но и во всей Иудее — слишком уж неравны теперь были силы армии Антигона и поддерживаемого римлянами Ирода. Решающего боя в Галилее так и не произошло — увидев подошедшие легионы, защитники горной крепости разбежались ночью кто куда.

Установив в очередной раз спокойствие в Галилее, Ирод решил провести карательную операцию в районе Иерихона, так как считал всех его жителей поголовно виновными в гибели брата — ведь вместо того чтобы безропотно отдать ему скот и зерно, они призвали на помощь армию Антигона. Кроме того, операция должна была навести ужас не только на прилегающие к городу деревни, но и на всю страну — чтобы никому больше неповадно было сопротивляться

власти Ирода.

Здесь и произошло, по словам Флавия, чудо, убедившее многих, что сам Всевышний встал на сторону Ирода и охраняет его. Разбив близ Иерихона лагерь, Ирод остановился в одном из домов и пригласил всех командиров своих отрядов на пир, одновременно бывший и военным советом. Совет продолжался несколько часов, после чего все его участники разошлись, а спустя короткое время… у дома, где они только что пировали, рухнула крыша. Задержись там Ирод с его офицерами еще на пару минут — и, возможно, все они были бы погребены под обломками. Но благодаря произошедшему чуду (иного объяснения случившемуся ни у кого не было) все остались целы и невредимы, и армия Ирода сохранила свою боеспособность.

Наутро около шести тысяч местных ополченцев со всех сторон атаковали приданные Ироду римские легионы. Это была старая тактика Иуды Маккавея, принесшая в свое время евреям победу над греками. Как и тогда, нападавшие были вооружены в основном дротиками и камнями, а их противники находились в полном боевом облачении. Что самое интересное: римляне, как и за сто с лишним лет назад греки, дрогнули, пораженные боевым духом евреев. Но на этот раз с римлянами был Ирод. Еще в детстве он много слышал о тактике партизанской войны Маккавеев и, видимо, не раз обдумывал, что в таком случае он на месте греков делал бы сам.

На самом деле ответ был прост: Маккавеи побеждали благодаря тому, что в стане греков начиналась паника, распадался боевой строй и фаланга утрачивала боеспособность. В то же время атака с помощью камней и дротиков не могла продолжаться долго — запас камней иссякал быстро, а на то, чтобы подобрать новые, нужно время. Следовательно, для победы в таком бою регулярной армии важно было не поддаться панике и продержаться первые полчаса или час. Исходя из этого Ирод стал носиться между легионами, требуя сохранять строй, отбивать противника, выстроившись в «черепаху» и укрывшись щитами, и не переходить в атаку до его приказа. Какое-то время натиск ополченцев усиливался, они сумели даже поколебать первые ряды римлян. Сам Ирод в эти минуты получил удар копьем в бок — рану, опасную прежде всего обильным кровотечением. Но вот, как он и ожидал, боевой пыл сторонников Антигона стал идти на убыль, и тогда легионеры двинулись в атаку, безжалостно сминая противника. Дальше началась та самая «операция возмездия», в ходе которой Ирод стал сжигать стоящие перед ним на пути небольшие города и деревни и вырезать население. Всего, согласно Флавию, его армия в те дни уничтожила пять городов и убила две тысячи человек — тех, кто не успел предусмотрительно убежать.

Оставив после себя в Иерихонской долине пожарище и руины, Ирод двинулся в Самарию, где Махер со своими когортами ветеранов противостоял Паппе — самому талантливому военачальнику Антигона, командовавшему тем самым сражением, в котором пал брат Ирода Иосиф. Более того, именно Паппа собственноручно отрубил голову мертвому Иосифу.

Горя жаждой мести, Ирод рвался в бой, и неминуемая встреча двух армий произошла возле деревни Канна.

«Ирод торопился к бою; люди Паппы также шли ему бодро навстречу, не страшась ни численного превосходства врага, ни его жажды брани. Но ряды неприятеля не долго держались в том сражении… Ирод в пылу гнева за убийство брата, ставя свою жизнь на карту, как будто он должен был наказать здесь виновников этого убийства, быстро опрокинул сопротивлявшихся ему врагов, бросился затем на остальных, которые еще не уступили поля битвы, всех обратил в бегство и погнался за ними. Кровь лилась потоками: задние ряды преследуемых, будучи местами оттеснены назад передовыми, попадали прямо в руки Ирода и пали бесчисленными массами», — пишет Флавий в «Иудейской войне» (ИВ. Кн. 1. Гл. 17:6. С.

75).

Потерпев тяжелое поражение, армия Паппы отступила на территорию деревни, и многие воины укрылись в домах, решив навязать противнику тяжелые уличные бои. Но Канна, как и многие самарийские деревни, находилась в долине, со всех сторон окруженной холмами. И Ирод снова проявил свой недюжинный талант полководца. Не желая терять своих бойцов в ближнем бою, он велел закидывать спрятавшихся в домах и стоявших на их крышах воинов Антигона камнями с помощью тяжелых баллист, способных метать камни весом до 80 килограммов. Обрушиваясь на крыши деревенских домов, град из таких камней проламывал их, а затем погребал под следующими камнями тех, кто находился внутри.

«Это было самое ужасное зрелище за всю ту войну; груды тел были затем свалены друг на друга около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же участи», — сообщает Флавий (ИД. Кн. 14. Гл. 15:12. С. 91).

В тот день Ирод окончательно выиграл войну с Антигоном.

Нет, формально последний еще вполне сохранял способность к сопротивлению. Но после ужасающего поражения у Канны население Иудеи осознало, что у Антигона нет шансов на победу и те, кто хочет выжить, должны засвидетельствовать лояльность Ироду. Армия Антигона была деморализована и началось массовое дезертирство, причем большинство дезертиров присоединялись к армии Ирода, которая, соответственно, непрерывно росла.

В этой ситуации Антигону не оставалось ничего другого, как отступить к Иерусалиму и вместе с последними из тех, кто еще сохранил ему верность, запереться в городе и уповать на помощь Бога.

Но Бог, похоже, был именно на стороне Ирода. Еще одним подтверждением этому считается история, которая якобы произошла вечером после окончания разгрома Канны.

Отпустив солдат праздновать победу, Ирод вместе с мальчиком-слугой отправился в баню — он вообще, о чем будет рассказано дальше, был большим любителем водных процедур. По Канне между тем еще бегали охваченные паникой солдаты Паппы — в одиночку или небольшими группами. Трое из них попытались спрятаться в том самом доме, где отмывался Ирод. Однако, застав царя в костюме Адама, эта вооруженная троица не только не тронула его, но и в ужасе поспешила ретироваться. А ведь убей они в тот момент Ирода, и история, возможно, пошла бы по-другому.

Нет никаких сомнений, что Флавий позаимствовал этот эпизод у Николая Дамасского. Последний же, по мнению большинства историков, попросту придумал ее, как и историю с рухнувшей в Иерихоне крышей, чтобы убедить народ в том, что власть Ирода угодна Богу и Творец всячески оберегает его жизнь.

Однако нельзя исключить и того, что обе истории были рассказаны Николаю самим Иродом и по меньшей мере одна из них имела место в действительности. К примеру, в Иерихоне могла и в самом деле иметь место попытка покушения на жизнь Ирода и его командиров — просто тот, кто подпилил столбы дома, не рассчитывал, что он простоит так долго и Ирод успеет закончить военный совет прежде, чем здание рухнет.

Вторая же история действительно могла быть придумана Иродом, все более утверждающимся в мысли о своем величии и избранности. Это лишь еще раз подтверждает версию, что он страдал параноидальным синдромом, который с годами только прогрессировал — как известно,

при паранойе мания преследования вполне может сочетаться с манией величия.

На следующий день после кровавого побоища в Каннах и второго случившегося с ним «чудесного спасения» Ирод велел разыскать среди убитых тело Паппы, приказал отрубить мертвецу голову и в знак утешения отослал этот страшный трофей младшему брату Ферроре.

Затем, дождавшись окончания сезона дождей, весной 37 года до н. э. Ирод приступил к реализации последнего этапа своего плана и двинулся на Иерусалим.

Теперь дни Антигона были сочтены.

Глава восьмая. Да здравствует царь Ирод!

Ранней весной 37 года до н. э. Ирод с войском, теперь насчитывающим 30 тысяч человек, встал под стены Иерусалима, готовясь к штурму. Он собирался взять Иерусалим тем же традиционным римским методом, каким некогда воспользовался Помпей, — напротив крепостных стен стали сооружать валы, с которых можно было обстреливать их защитников из баллист и катапульт, а затем по наведенным мостам ворваться внутрь. Вскоре к городу подошли еще 11 римских легионов и шесть тысяч всадников во главе с Сосием — это была уже колоссальная военная сила, делающая сопротивление иерусалимцев окончательно безнадежным.

Ирод был настолько уверен в победе, что позволил себе на некоторое время оставить армию и направиться в Самарию, чтобы отпраздновать свадьбу с Мариамной. Теперь этот брак был ему крайне необходим, чтобы утвердить права на иудейский престол в качестве мужа царевны.

Мы не знаем, какие чувства испытывала к Ироду Мариам-на, но, как уже говорилось, можно предположить, что, во-первых, за это время она по меньшей мере стала уважать жениха за проявленное мужество, а во-вторых, вне сомнения, она, так же как и Ирод, ненавидела Антигона за то, что он изуродовал ее деда. Эта ненависть невольно сближала молодоженов.

Об одном можно говорить почти наверняка: к тому времени Ирод развелся с Дорис и куда-то (возможно, в тот же осажденный Иерусалим) отослал ее вместе с сыном Антипатром. Судя по всему, это было требованием, выставленным ему как самой Мариамной, так и ее матерью Александрой в качестве условия брака.

Они хотели получить гарантии, что неродовитая Дорис никогда не обретет звания царицы, а ее сын Антипатр ни в коем случае не будет претендовать на престол в качестве наследника Ирода — это право должно остаться исключительно за его детьми от Мариамны Хасмонейской.

Ирод, судя по всему, дал такое обещание, возможно, даже включил его в «ктубу» — брачный договор, но при этом ни Мариамна, ни Александра, разумеется, не могли предвидеть той страшной судьбы, которая ожидала их в будущем.

Некоторые исследователи предполагают, что развод с Дорис был фиктивным. По всей видимости, на протяжении многих лет Ирод время от времени навещал бывшую супругу, и эти свидания носили отнюдь не платонический характер.

Но тогда свадьба в Самарии была намеренно отпраздновано пышно и шумно — чтобы по всей стране распространились слухи о женитьбе Ирода на царской внучке.

Молодожены оставались вместе недолго — уже через несколько дней после свадьбы Ирод снова появился под стенами Иерусалима, чтобы ускорить возведение валов для прорыва в

город, а заодно позаботиться об обеспечении армии фуражом и продовольствием. Последнее было крайне необходимо, так как, предвидя осаду, Антигон перегнал из окрестностей в город весь скот и вывез съестные припасы. Защитники столицы, с одной стороны, фанатично верили в то, что Бог их не оставит, а с другой — воевали с мужеством обреченных. Время от времени они через проделанные подкопы совершали вылазки за крепостные стены и вступали в отчаянные схватки с легионерами, нанося им немалый урон в живой силе. Понятно, что это лишь еще больше распаляло римлян, жаждавших свести счеты с убийцами своих товарищей по оружию.

К лету 37 года до н. э. напротив городских стен выросли три вала, на которых были размещены осадные орудия. Несколько раз осажденные предпринимали попытки поджога, но на смену сожженным баллистам появлялись новые, а в самом Иерусалиме тем временем начался голод, и силы его защитников таяли день ото дня.

Наконец в тяжелую июльскую жару Ирод и Сосий отдали своим войскам долгожданный приказ о штурме. Спустя 40 дней после завершения насыпания валов пала первая крепостная стена Иерусалима, спустя еще 15 — вторая. Антигон заперся за стенами царского дворца и Храма и попросил Ирода прислать ему жертвенных животных, чтобы храмовые службы продолжались, как обычно. Ирод выполнил эту просьбу в тайной надежде, что в ответ на такой жест доброй воли Антигон сдастся, но тот и не подумал это сделать. И тогда Ирод отдал приказ о штурме Храма.

«Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в живых ни одного противника, — пишет Флавий. — Тогда происходили массовые избиения на улицах, в домах и в Храме, где жители искали убежища. Не было пощады никому: ни детям, ни старцам, ни слабым женщинам. Хотя царь повсюду посылал своих людей с просьбой щадить врагов, однако никто уже не сдерживал своих порывов, но предавал, как бы в опьянении, всех и всё избиению. Тогда и Антигон, не думая о своей прежней, равно как и о настоящей участи, покинул башню и бросился к ногам Сосия. Последний, однако, отнюдь не сжалился над постигшей его неудачей, но резко накинулся на него и обзывал Антигоной; впрочем, это не помешало ему не отпустить его, как женщину, на свободу; напротив, он велел связать его и отдать под стражу» (ИД. Кн. 14. Гл. 16:2. С. 93).

Одна из легенд рассказывает, что, ворвавшись в Храм, римляне решили последовать примеру Помпея и войти в Святая Святых. Но в тот момент, когда легионеры направились к завесе, отделявшей это сакральное место от остальных помещений Храма, они увидели вставших у нее… Ирода со своими солдатами. Сомкнув ряды, те заявили, что убьют каждого римлянина, который сделает шаг к завесе, и будут сражаться, пока хоть один из них будет оставаться в живых. Пораженные римляне благоразумно решили не ссориться с еврейскими союзниками и отступили.

Но в городе тем временем продолжалась резня, и тогда Ирод, если верить Флавию, стал просить Сосия прекратить убийства и ограбления жителей. Сосий в ответ возразил, что после столь долгой осады его солдаты имеют право на поживу, но в итоге Ирод убедил его остановить легионеров, пообещав каждому из них щедро заплатить за участие в войне. И разумеется, сделав «царский подарок» самому Сосию.

При этом Ирод заметил Сосию, что если римляне разграбят город и уничтожат его население, то он станет «царем пустыни». «Тогда как ему не хотелось бы купить владычество даже над всей Вселенной убиением стольких сограждан», — высокопарно добавляет Флавий. Однако, как следует и из «Иудейской войны» и из «Иудейских древностей», Ироду просто хотелось

дождаться ухода римлян, чтобы заняться грабежами и конфискациями имущества самому.

Римляне и в самом деле собрались уходить, считая кампанию законченной. Чрезвычайно довольный тем, как Ирод расплатился с ним и его армией, Сосий пожертвовал Храму золотую корону и покинул Иерусалим, уведя с собой царя Антигона — чтобы доставить его к Антонию. Обычай требовал, чтобы плененного царя или вождя мятежников, прежде чем решить его участь, провели во время триумфального шествия по Риму.

Между тем мысль, что Антигон все еще жив, не давала Ироду покоя. Он опасался, что Антоний, учтя царский титул Антигона, отправит его, как того требовали римский закон и обычай, в Рим, там предаст суду, а решение судей было непредсказуемым. Они могли как приговорить Антигона к смертной казни за то, что он, имея право на престол, уселся на трон без разрешения Рима (и этот исход был вероятнее всего), но могли и помиловать. А если и не помиловать, то постановить, что хотя иудейский царь должен быть казнен, за его потомками сохраняется право на престол.

Ни один из этих вариантов Ирода не устраивал.

Антигон должен быть мертв, но при этом сам Ирод в глазах народа не должен быть никоим образом причастен к этой смерти — в противном случае он окончательно приобрел бы имидж цареубийцы и узурпатора.

И потому вскоре после выхода римлян из Иерусалима Ирод направил к Антонию нескольких верных слуг с богатым подарком и тайным письмом, в котором просил диктатора избавить его от соперника.

Антоний понял намек — и без всякого суда велел отрубить Антигону голову как «врагу Рима».

Так Антигон II стал последним царем Хасмонейской династии, возникшей в ходе борьбы евреев против иноземных захватчиков, добившейся в ней немалых успехов, и, в сущности, ставшей жертвой той же войны. Впрочем, не столько из-за нее, сколько из-за внутренних междоусобиц и борьбы за власть. Что и отметил Иосиф Флавий в своем кратком посмертном панегирике Хасмонеям, к чьим потомкам принадлежал и он сам: «Эта семья отличалась блеском и славой, не только происходя из знатного рода и обладая первосвященническим саном, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными на пользу народа. Но Хасмонеи потеряли власть благодаря своим постоянным распрям, и власть эта перешла к сыну Антипатра Ироду, происходящему из простонародья, из семьи, подчиненной царям» (ИД. Кн. 14. Гл. 16:4. С. 94).

Страбон писал, что Антоний стал первым римлянином, который велел казнить «царственное лицо» таким образом. При этом диктатором двигала как личная ненависть к Антигону, так и стремление добиться того, чтобы евреи признали Ирода законным царем. Антоний, очевидно, думал, что столь унизительная казнь покроет имя Антигона позором и лишит его в глазах народа права называться царем.

Но дело в том, что это отнюдь не убедило большинство евреев в законности воцарения Ирода. И тогда для укрепления своей власти Ирод прибег к излюбленному методу диктаторов всех времен и народов — массовым репрессиям. При этом он руководствовался все тем же вечным принципом: если его не хотят любить, то пусть хотя бы боятся.

* * *

Сразу после ухода римлян Ирод начал казнить всех, кто мог быть просто заподозрен в тайном сочувствии Антигону, не говоря уже о его явных сторонниках. Впрочем, говорить, как это

порой в запальчивости делают некоторые историки, что именно Ирод был зачинателем политического террора, не приходится. Хотя некоторые параллели между 37 годом до н. э. в Иудее и 1937 годом н. э. в СССР и в самом деле напрашиваются.

На деле речь идет о том средстве, к которому прибегали многие диктаторы и до Ирода. В качестве учителей по политическому террору Ирод вполне мог бы назвать своих покровителей Марка Антония и Цезаря Октавиана Августа — те действовали в Риме совершенно аналогичным образом.

Своими деяниями Ирод лишний раз доказал, что люди, страдающие паранойей, никогда ничего не забывают и никому ничего не прощают. Поэтому одними из первых по его указу были брошены в темницу, а затем и казнены судьи того самого синедриона, которые десять лет назад заставили его пережить страшное унижение, предложив занять место на скамье подсудимых. Но самое странное заключалось в том, что он пощадил двух своих главных обидчиков — сопредседателей синедриона мудрецов Авталиона и Семею. А ведь именно Семея предсказал членам синедриона, что если они не приговорят Ирода к смерти, то он, став властителем Иудеи, умертвит их всех. Это предсказание, как видим, сбылось полностью.

По мнению исследователей, решение Ирода пощадить глав синедриона объяснялось тем, что Авталион и Семея были не менее яростными противниками Антигона, чем Ирода, и во время последней осады Иерусалима не раз призывали сдать город и избавить его жителей от ненужных страданий.

Не исключено, что дело заключалось еще и в том, что Ироду было крайне важно получить поддержку этих двух высших на тот момент духовных авторитетов еврейского народа. Они оба, как уже говорилось, также происходили из прозелитов, и Ирод рассчитывал на то, что они проявят к нему сочувствие. Однако в отношении Семей эта надежда оказалась тщетной: согласно еврейскому преданию, он отказался приносить присягу Ироду даже под страхом смерти. Ирод не решился казнить Семею (подобно тому как Сталин не решился репрессировать Аарона Сольца и ряд других старых большевиков, открыто высказывавших возмущение его политикой), и тот, опять-таки согласно легенде, создал некий подпольный синедрион, действовавший вплоть до 32 года до н. э.

По поводу Авталиона нам ничего неизвестно, но некоторые исследователи считают, что в итоге этот мудрец признал Ирода законным царем и таким образом дал ему столь нужную легитимацию в глазах евреев и римлян.

Вслед за членами синедриона Ирод обрушил репрессии и на многих фарисеев и их учеников, часть из которых поспешила вместе с семьями бежать в соседний Египет[37].

По сути дела, это был тяжелый удар по интеллектуальной элите нации, ядро которой и составляли фарисеи. В то же время небольшая группа фарисеев, присоединившаяся к призыву Авталиона и Семей сдать Иерусалим Ироду, была, напротив, обласкана и приближена к царю.

Другим объектом развернутого Иродом террора стала иерусалимская аристократия, представители самых зажиточных слоев общества, большинство которых также поддерживали Антигона. Флавий упоминает казнь по приказу Ирода сорока пяти самых знатных и богатых жителей города, но из дальнейшего его рассказа становится ясно, что на самом деле количество казненных было куда больше — счет шел на сотни, а может, и на тысячи.

Безусловно, у этих репрессий были вполне конкретные не только политические и экономические цели. После того как он расплатился с Сосием, казна Ирода была пуста, а ему

были крайне нужны деньги — на чеканку монет, на содержание армии и зарплаты чиновникам, назначаемым им из числа своих приближенных, на подарки Антонию и Октавиану…

Ситуация усугублялась тем, что наступил «субботний», «седьмой» год («седмица»), в который, согласно Пятикнижию, евреям запрещено засевать землю и убирать урожай, даже если он взойдет сам собой. Это означало, что население страны жило исключительно за счет старых запасов продовольствия и торговать, а также платить налоги ему было, по сути дела, нечем.

Таким образом, необходимые средства Ирод по большей части изыскивал, конфискуя имущество казненных в свою пользу, а также безудержно грабя жителей города, налагая на них все новые и новые поборы и штрафы за каждую мелкую провинность.

Дело дошло до того, что Ирод приказал своим солдатам обыскивать тела покойников перед тем, как их вывезут за город хоронить, и передавать в казну все драгоценности.

Так начинался период тридцатилетнего царствования Ирода, который, как считает ряд современных историков, «проявил себя как проницательный и энергичный правитель, сумевший преодолеть многие опасности на своем пути, прежде всего связанные с гражданскими войнами в Риме, и даже нередко извлекавший из них выгоду, так как всегда в нужный час переходил на сторону победителя. Для евреев годы его царствования были периодом мира и спокойствия — прежде всего, благодаря его мудрой политике в отношениях с Римом»[38].

И вот как раз о том, каким царем в итоге стал Ирод, и пойдет разговор в следующей части этой книги.

Часть вторая. Строитель

Глава первая. Семейные тайны

«Эпоха правления Ирода, — пишет профессор Исраэль Л. Левин, — продолжалась 33 года, но ее можно разделить на три основных периода. Десять первых лет (37–27 гг. до н. э.) были годами утверждения во власти, в течение которых Ирод устранял стоявшие у него на пути — как изнутри, так и извне — препятствия. 14 последующих лет (27–13 гг. до н. э.) можно определить как время его стабильного царствования. В этот период он развернул в стране грандиозное строительство и значительно расширил ее границы. В последние годы (13—4 гг. до н. э.) началось непрестанное ослабление как его власти, так и самой способности Ирода к управлению государством. Отношения с Римом — опорный столп его политики — заметно ухудшились, а распри и интриги внутри его двора набирали силу. Ирод скончался после тяжелой продолжительной болезни — физической и душевной одновременно. Есть большая доля правды в поговорке его времени, согласно которой Ирод прокрался к власти, как лиса, правил, как тигр, а умер, как собака»[39].

Разумеется, не стоит забывать, что эта поговорка в первую очередь отражает отношение к Ироду народа и восприятие этим народом известия о смерти царя. Однако в целом предложенной профессором Левиным периодизации придерживаются почти все историки, занимавшиеся личностью и эпохой Ирода.

* * *

…Если верить Флавию, находившийся в плену у парфян бывший царь Гиркан, узнав о падении

Антигона и воцарении Ирода, был вне себя от радости. Он давно уже тосковал по родине, мечтал вернуться домой, и вот теперь, когда к власти пришел его друг и наперсник, решил, что пришло время для возвращения. Да и известие о страшной смерти того, кто превратил его в калеку и лишил права служить в Храме, безусловно, доставило ему некое душевное удовлетворение.

Далее Флавий сообщает, что жизнь, которую вел Гиркан, можно было назвать пленом лишь условно. Помня о его царском достоинстве, правители Парфии оказывали ему должные почести. Большая и богатая община евреев Вавилона также относилась к нему как к царю и первосвященнику, так что он жил во дворце и не знал ни в чем отказа.

Узнав о планах Гиркана, друзья стали отговаривать его от возвращения в Иудею, напоминая, что из-за нанесенного Антигоном увечья он уже никогда не сможет стать первосвященником и вдобавок это возвращение небезопасно, так как Ирод может увидеть в нем соперника и устранить его.

Но тут как раз пришло письмо от Ирода, в котором тот советовал Гиркану упросить парфян отпустить его домой, чтобы он мог разделить с ним, Иродом, царскую власть. Дальше Ирод признавался в любви к Гиркану, писал, что с теплотой вспоминает, как тот пестовал его в детстве, как спас ему жизнь и теперь ждет не дождется, когда сможет заключить старого друга в объятия.

Одновременно Ирод направил в Парфию посольство во главе со своим слугой Сарамаллой, который должен был передать царю Фраату IV богатые дары в обмен на освобождение Гиркана. И вскоре Гиркан выехал вместе со слугами Ирода в родную Иудею, везя с собой огромную сумму, подаренную ему на прощание евреями Вавилона.

Если вы, читатель, поверили в искренность Ирода, то автору остается лишь удивляться вашей наивности.

Разумеется, все было «почти так», а значит, совсем не так. В силу психических нарушений Ирод не мог забыть и простить Гиркану ни унизительного вызова на суд, ни участия в заговоре против себя, отца и брата. Более того, в силу особенностей того же параноидального синдрома с годами Ирод должен был укрепиться в мысли, что Гиркан только и думает, как погубить его, Ирода.

Ирод был убежден, что стареющий и оказавшийся не у дел царь опасен хотя бы потому, что имел реальные права на престол и мог в любой момент заявить об этом. Что, в свою очередь, могло привести к потере Иродом с таким трудом завоеванной короны.

С этой точки зрения Гиркана правильнее всего было как можно скорее умертвить, но сделать это без того, чтобы восстановить против себя жителей Иудеи и евреев диаспоры, было пока невозможно. Значит, наилучшим вариантом было держать бывшего этнарха при себе, в золотой клетке.

Так что, вероятнее всего, Ирод и в самом деле направил Гиркану письмо с предложением вернуться на родину, а парфянскому царю — выкуп за его освобождение, но с условием, чтобы Гиркана доставили на родину под конвоем, на этот раз как пленника Ирода.

Те приближенные Гиркана, которые уговаривали его отказаться от возвращения, были, безусловно, правы: это была ловушка, и ловушка смертельная, из которой не было выхода.

Понимал ли это безвольный и, возможно, страдавший слабой степенью аутизма Гиркан?

У нас нет на это ответа.

Но Флавий не оставляет никаких сомнений в истинных намерениях Ирода.

«Впрочем, — пишет он, — Ирод тут (то есть выплатой выкупа за Гиркана. — *П. Л.*) вовсе не имел в виду оказать услугу Гиркану, но так как он правил вовсе не так, как следовало, то он опасался всяких осложнений и потому скорее желал иметь в руках Гиркана или же совершенно от него избавиться. Последнее он, впрочем, несколько позже и сделал.

Гиркан склонился на эти убеждения и, будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл [к Ироду], который принял его со всеми почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманным образом отцом своим и всячески стараясь подавить в нем всяческое подозрение в своей лояльности» (ИД. Кн. 15. Гл. 2:3–4. С. 99).

Но так как Гиркан уже по определению не мог быть первосвященником и руководить храмовыми службами, а назначать первосвященником кого-либо из местных коэнов Ирод опасался, то он передал этот сан некому Аннанию (Хананье, Хананэлю), за которым специально послал в Вавилон. Аннаний также был коэном; в его роду тоже были первосвященники, так что с точки зрения закона никаких претензий в связи с данным назначением быть не могло.

Однако все это глубоко возмутило, если не сказать больше, тещу Ирода Александру, убежденную, что место первосвященника по праву принадлежит ее сыну Аристобулу III. Объяснения Ирода, что он не мог назначить шестнадцатилетнего Аристобула первосвященником, так как тот не подходит для этой должности по возрасту, Александру не удовлетворили, и отношения Ирода с тещей, и раньше-то далеко не мирные, накалились до предела.

Ирод воспринял намерение тещи добиться поста первосвященника для сына однозначно: как попытку Александры в будущем отстранить его тем или иным путем от власти и водрузить корону на голову Аристобула. Следовательно, оба они подлежали смерти, но, как и с Гирканом, Ирод решил не спешить, а действовать наверняка. Это было тем более важно, что у Александры, часто выезжавшей за покупками (как сказали бы сегодня, для «шопинга») в Египет, сложились приятельские отношения с Клеопатрой. Две царственные подруги часто обменивались письмами и были в курсе всех дел друг друга. А ссориться с Клеопатрой, имевшей огромное влияние на Антония, в планы Ирода никак не входило.

Александра и в самом деле написала подруге письмо, где пожаловалась на зятя и попросила Клеопатру употребить все свое влияние на Антония, чтобы диктатор приказал Ироду отменить назначение Аннания и вручить сан первосвященника Аристобулу.

При этом Александра не могла не понимать, что если следовать закону, ее просьба невыполнима: первосвященник назначался на свою должность пожизненно. Но в одном Ирод и Александра были точно похожи: оба считали, что если какой-либо закон противоречит их желаниям, то тем хуже для закона.

Дальше — если опять-таки верить Флавию — события развивались следующим образом. В Иудею неожиданно прибыл приближенный (и возможно, любовник) Антония Квинт Деллий. Александра не преминула посетовать гостю на зятя, а Деллий между тем был очарован красотой ее детей — Мариамны, молодой жены Ирода, и шестнадцатилетнего Аристобула. Деллий стал рассыпаться в комплиментах и дошел до «предположения», что Александра

зачала их, видимо, не от мужа, а от какого-нибудь бога. Он принялся уговаривать Александру заказать портреты брата и сестры художнику и отослать их Антонию. Последний же, уверял Деллий, будучи тонким ценителем как женской, так и мужской красоты, увидев столь прекрасные лица и фигуры, непременно выполнит все просьбы их матери.

В сущности, Деллий имел в виду, что, поддавшись очарованию портретов, Антоний вызовет к себе Мариамну и Аристобула и, насытив с ними свою похоть, вознаградит их. Трудно сказать, понимала ли Александра всю унизительную позорность этого предложения. Возможно, при всей свой искушенности в интригах, она, будучи еврейкой, плохо представляла особенности сексуальных нравов римлян. Но нельзя исключать и того, что Александра все прекрасно поняла, но ради достижения своей цели была готова на все. Даже на бесчестье сына, который, кстати, стань он любовником Антония, вообще лишился бы права на первосвященство.

Как и предсказывал Деллий, портреты молодых людей, подслащенные его личными комментариями, и в самом деле заинтересовали Антония. Потребовать, чтобы к нему прислали Мариамну, он не решился — как-никак она была женой человека, которого он называл другом. Но вот Аристобул ему понравился, и он отправил своих слуг к Ироду с просьбой прислать к нему юношу. Однако, будучи наслышан о «еврейских предрассудках» по поводу однополой любви, Антоний прибавил, что будет рад увидеть у себя Аристобула, «если это не представит затруднений».

Но тут Ирод (который сам, видимо, был бисексуалом и был хорошо знаком с римскими нравами) поспешил спасти шурина от участи наложника. Он объяснил гостям из Александрии, что отношения между двумя мужчинами считаются у иудеев омерзительными. Если, продолжил Ирод, по стране пройдет слух, что внука царя Гиркана отправили в Египет для сексуальных утех Антония, в Иудее мгновенно вспыхнет новый мятеж — особенно с учетом того, что местное население пока не очень привыкло к новому царю и еще не смирилось с его властью.

Так Ирод спас юного Аристобула от мужеложства. После чего сразу же собрал высший государственный совет, на котором обвинил Александру в вынашивании заговора с целью усадить на престол сына. Давайте почитаем, как об этом рассказывает Флавий.

«Приведя это в свое оправдание перед Антонием, Ирод решил дольше не оскорблять юноши и Александры, тем более что и жена его Мариамна усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ее брату, к тому же и Ирод был убежден в соблюдении личных при этом интересов, потому что Аристовул [Аристобул], достигнув такого почета, не сможет уже уйти из страны. Поэтому он созвал друзей своих на совещание и стал сильно жаловаться на Александру, говоря, что она злоумышляет против царства и при посредстве Клеопатры добивается свержения его с престола, дабы при помощи Антония юный Аристовул получил престол вместо него. При этом он указал на незаконность и бесчестность ее домогательств, потому что Александра тем самым лишила бы и дочь свою ее высокого положения и вместе с тем вызвала бы смуты в самом царстве, которое он создал с такими трудностями и которого добился ценой неимоверных опасностей. Вместе с тем, продолжал он, он готов забыть все несправедливые домогательства и попытки лишить его власти и готов теперь передать первосвященническое достоинство ее сыну, вместо которого он раньше назначил Ананила [Аннания], так как [в то время] Аристовул был еще ребенком. Все это Ирод говорил не без задней мысли и крайне обдуманно, имея в виду ввести в полнейшее заблуждение присутствующих женщин и друзей. Тогда Александра в волнении отчасти от радости вследствие выпавшей на долю ее сына чести, которой она теперь никак уже не ожидала, отчасти из страха перед тем, как бы не навлечь на себя подозрения, стала со слезами на глазах оправдываться, говоря, что она действительно изо всех сил старалась добиться для сына

первосвященнического достоинства, но отнюдь не злоумышляла против царской власти. Впрочем, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться последней, если бы ей и пришлось ее достигнуть, так как уже теперь на ее долю выпала достаточно великая честь, что царствует Ирод, который один перед всеми умеет дать всей семье достаточную безопасность. Ныне же, закончила она свою речь, она совершенно подавлена благодеянием, оказанным ее сыну в форме предоставленной ему чести быть первосвященником, и она сама готова, безусловно, повиноваться во всем [Ироду], причем просит извинить ее, если она, вследствие родственных отношений или слишком понадеявшись на себя, совершила что-нибудь непристойное. После этого они помирились и в знак того подали друг другу руки. Этим, казалось, было устранено всяческое недоразумение» (ИД. Кн. 15. Гл. 2:7. С. 102).

И снова исследователи не верят в правдивость этой истории по той же причине, по какой не верит в нее и автор книги: Александра при всех ее пороках никогда не пошла бы на то бесчестье, которое предлагал ей Деллий. Вся история с портретами и гнусным предложением Антония прислать к нему Аристобула, по их мнению, придумана.

Причем опять-таки придумана, вероятнее всего, самим Иродом, чтобы выставить себя в как можно более выгодном свете и одновременно очернить тещу, представив ее женщиной не только коварной, но и безнравственной.

Анализируя текст Флавия, историки приходят к выводу, что реальные события развивались, скорее всего, следующим образом. Александра и в самом деле написала Клеопатре письмо, умоляя ее помочь добиться для Аристобула сана первосвященника. Клеопатра действительно переговорила с Антонием, но тому отнюдь не хотелось напрямую приказывать Ироду сменить первосвященника, так как он считал подобное назначение внутренним делом евреев. Тем не менее он послал в служебную командировку в Иудею Деллия, который должен был уладить дело так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Деллий, прибыв в Иерусалим, передал Ироду желание Антония «решить проблему», добавив, что патрон не собирается на него сильно давить.

Но Ирод, который уже не мыслил себя без короны, для которого пребывание на троне стало смыслом существования, окончательно уверился, что Александра плетет против него заговор. Но немедленно казнить ее значило бы бросить вызов Клеопатре, которая настроила бы против него Антония.

И Ирод принимает решение назначить Аристобула первосвященником в угоду «египетской подстилке» Антония, каковой он в душе считал Клеопатру. Одновременно он созывает совет, на котором обвиняет тещу и в попытке заговора, и в том, что во имя власти она готова была подвергнуть своего сына содомии, и только он, Ирод, сумел предотвратить такое развитие событий.

Александре в этой ситуации не остается ничего другого, как оправдываться и высказывать благодарность за милость, оказанную ее сыну.

Но из ее речи Ирод, которому из-за болезни уже давно всюду мерещатся враги и заговоры, приходит к мысли, что на самом деле сама Александра вынашивает тайные планы по примеру своей тезки-прабабки стать царицей.

Александра после того совета окончательно поняла, что ее зять — «ужасный человек». С того дня она была убеждена, что Ирод в любую минуту может умертвить и ее, и сына, с тех пор она жила в непрестанном, сжимающем сердце страхе. Очень скоро ее опасения подтвердились: объявив Аристобула первосвященником, Ирод установил за тещей постоянное наблюдение, и

таким образом она, как и Гиркан, фактически стала пленницей, ежечасно трясущейся за свою жизнь.

Таким же пленником стал и Аристобул, к которому был приставлен конвой, называвшийся почетным эскортом.

Согласитесь, что единственным выходом из этой ситуации был побег, и было только одно место на земле, куда Александра могла бы бежать, не опасаясь, что Ирод сможет достать там ее и сына, — в Египет, к Клеопатре.

* * *

Согласно плану, предложенному Клеопатрой, Александру и Аристобула должны были ночью под видом покойников вынести из города в гробах[40]. Затем в течение пары часов они должны были добраться до Яффо, где их уже ждал присланный царицей Египта корабль.

Однако, похоже, удача и в самом деле окончательно отвернулась в те дни от последних Хасмонеев и была целиком на стороне Ирода. Раб Александры Эзоп разболтал об этом плане царедворцу Саббиону, входившему в свое время в число приближенных Гиркана и Малиха. Все последние годы Саббион опасался, что Ирод припомнит ему участие в заговоре, а тут к нему в руки попала секретная информация, позволявшая выслужиться и заслужить полное прощение царя.

Выслушав донос, Ирод решил взять тещу и шурина с поличным: он дал возможность вынести их из города и только после этого лично остановил процессию с двумя гробами и велел открыть их…

«Несмотря на все желание наказать ее, Ирод тем не менее посмотрел сквозь пальцы на ее провинность (тем более что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру) и сделал вид, будто прощает ей из великодушия. Однако вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил пока отложить это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком бросалось в глаза» (ИД. Кн. 15. Гл. 3:2. С. 103).

Итак, Аристобул был обречен. В сущности, как уже говорилось, он был обречен давно, и впервые мысль о необходимости избавиться от шурина пришла в голову Ироду еще в 40 году до н. э. в Риме. Но теперь Ирод окончательно утвердился в своем решении, а последующие события лишь побудили его ускорить эту расправу.

Все произошло в великий праздник Суккот, когда в Иерусалимском храме собиралось огромное множество народу и в течение семи дней шли долгие торжественные службы, сопровождавшиеся обильными жертвоприношениями как за евреев, так и за другие народы мира. Высокий, необычайно красивый Аристобул в качестве первосвященника вел эти службы, и когда семнадцатилетний юноша в традиционном полном облачении великого коэна появлялся перед толпой молящихся, Храмовый двор оглашался криками восторга. Целый хор голосов в едином порыве начинал вместе с левитами петь традиционный псалом:

Как шатер,
распростертый над обитателями Небес, —
таков облик первосвященника!
Как молнии,
исходящие из ореола хайот[41]*, —*
таков облик первосвященника!

Как великолепные украшения
на четырех краях [Храма] —
таков облик первосвященника!
Как видение радуги в облаках —
таков облик первосвященника!
Как сама красота,
которой Создатель наделил творения Свои, —
таков облик первосвященника!
Как роза,
цветущая в саду очарований, —
таков облик первосвященника!
Как венец на челе царя —
таков облик первосвященника!
Как нежность,
которая светится на лице жениха, —
таков облик первосвященника!
Как [безукоризненная] чистота
белоснежного кидара[42] *—*
таков облик первосвященника!
Как лик Моше,
пребывающего в сокрытии,
умоляющего Царя, —
таков облик первосвященника!
Как звезда,
воссиявшая на востоке, —
таков облик первосвященника![43]

Этот восторг толпы и оказываемые Аристобулу поистине царские почести больно били по самолюбию Ирода. Он завидовал высокому росту юноши, его молодости и необыкновенной красоте, которые, согласно Флавию, воспринимались как еще один признак аристократического происхождения, в то время как невысокий Ирод был простолюдином и вдобавок ему явно не хватало красоты и молодости Аристобула.

Народ видел в Аристобуле не только первосвященника, но и потомка царей. Народ явно хотел, чтобы Аристобул сменил Ирода на престоле, и при этом он мог это сделать по праву рождения — и одна эта мысль сводила Ирода с ума.

Случай избавиться от опасного соперника подвернулся вскоре по окончании праздников, когда Александра пригласила Ирода на пир в отремонтированном ею старом дворце Хасмонеев в Иерихоне. Ирод прибыл туда вместе с большой свитой, заранее договорившись со слугами, как они должны действовать.

За пиршественным столом Ирод всячески демонстрировал Аристобулу свое расположение, а затем, когда все насытились, предложил немного заняться спортом — чтобы размять мышцы и избавиться от ощущения тяжести в желудке. Аристобул с радостью согласился, и Ирод вместе с ним, говоря словами Флавия, предался «различным играм и юношеским забавам». Каким именно забавам, Флавий не говорит, но, вероятнее всего, речь шла об излюбленной римлянами и во всем эллинистическом мире игре в мяч[44].

Было начало осени — время, когда в Иудее зачастую еще очень жарко. Большинство жителей страны уже в те времена искали спасения от жары в воде — даже у простых крестьян был во

дворе небольшой бассейн, а в поместьях аристократов, само собой, выкапывались большие и довольно глубокие пруды.

К одному из таких прудов, в котором плескались его слуги, Ирод и направился с Аристобулом после игры. Юный первосвященник бросился в воду, и телохранители Ирода стали, выполняя тайное указание царя, как бы в шутку играть с Аристобулом, время от времени, погружая его с головой в воду и удерживая там. Но одно из таких «шуточных» погружений затянулось чуть дольше предыдущих, и когда юношу вытащили на поверхность воды, он был уже мертв.

Вскоре стены Иерихонского дворца Хасмонеев огласили дикие крики Александры и рыдания Мариамны. Ирод поспешил к обеим женщинам, чтобы уверить их, что он сам не понимает, как могло произойти такое несчастье, и скорбит вместе с ними по Аристобулу как по родному брату или сыну. Он тут же распорядился устроить покойному самые торжественные похороны, какие только можно, и положить в гроб огромное множество драгоценностей — чтобы таким образом выразить всю тяжесть потери.

В дни траура по Аристобулу, чтобы сделать приятное жене и теще, Ирод отослал подальше от Иерусалима сына от первого брака Антипатра. Но сам этот жест показывает, что все это время Ирод держал своего первенца рядом с собой и, видимо, время от времени захаживал к его матери Дорис…

* * *

Ирод так мастерски разыгрывал скорбь по Аристобулу, что многие и в самом деле поверили в его невиновность. В связи с этим невольно вспоминается начальная сцена пушкинского «Бориса Годунова», в которой Воротынский спрашивает Шуйского, почему тот не уничтожил Годунова, хотя все вроде бы свидетельствовало, что царевича Дмитрия сгубил Борис. На это Шуйский отвечает:

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал[45].

В связи со всем вышесказанным становится понятной и вся глубина знаменитой фразы Юродивого в адрес Годунова: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит»[46].

Было бы ошибкой думать, что в данном случае Юродивый намекает на связь между убийством царевича Дмитрия и новозаветной историей об избиении Иродом младенцев. Вероятнее всего, в данном случае от имени Юродивого говорит сам поэт, и параллель между убийством Димитрия и убийством Аристобула просматривается предельно четкая.

Так же как Ирод вел свое происхождение от идумеев, Годунов, по распространенной версии, происходил не из исконно русского рода, а от татарского князя Чета.

Так же как Ирод получил корону, мотивируя свое право на нее женитьбой на внучке царя Мариамне, Годунов получил власть кружным путем, благодаря тому, что его сестра была выдана замуж за царя Федора Иоанновича.

Так же как Ирод подстроил убийство Аристобула, инсценировав его как несчастный случай, Годунов подстроил убийство царевича Димитрия, убрав с дороги еще не обладавшего, как и Аристобул, властью, но крайне опасного соперника.

Итоги правления Годунова, кстати, тоже похожи на итоги правления Ирода: несмотря на то что он проявил себя талантливым государственным деятелем, народ не понял и не оценил его и продолжал относиться как к узурпатору.

Наконец, к Ироду вполне можно отнести и слова последнего пушкинского монолога Годунова:

Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти… чем?
Не спрашивай…[47]

Все эти параллели почти не оставляют сомнений, что великий поэт был знаком с «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия. Это тем более вероятно, что первый перевод «Иудейских древностей», выполненный священником Михаилом Самуиловым, вышел в 1818 году, и это событие не могло пройти мимо внимания девятнадцатилетнего поэта. Кроме того, Пушкин упоминает Флавия в стихотворении «Клеопатра» — правда, явно что-то путая и называя еврейского историка римским воином, жившим во времена египетской царицы.

* * *

Если притворная скорбь Ирода и могла кого-то обмануть, то только не Александру. Она с самого начала была убеждена, что Ирод является если не непосредственным убийцей, то организатором убийства ее сына. И в поисках справедливости Александра, разумеется, написала письмо Клеопатре, в котором подробно рассказала о случившемся и умоляла царицу использовать все свое влияние на Антония, чтобы Ирод предстал перед судом и был казнен за свое злодеяние.

Надо заметить, что за две с лишним тысячи лет до появления Интернета люди умели писать письма так, чтобы они трогали душу. А Клеопатра была женщина не только чувственная и чувствительная, но и одновременно крайне расчетливая. Она мгновенно поняла, что если удастся добиться осуждения Ирода, то у нее появится шанс прибрать к рукам Иудею — так же как она уже прибрала к тому времени к рукам целый ряд мелких государств Леванта.

Возмущенная рассказом Александры об обстоятельствах смерти Аристобула, Клеопатра попыталась использовать все свои чары, чтобы уговорить Антония наказать Ирода.

Сама не так давно с милой непринужденностью отправившая на тот свет всех своих родственников, Клеопатра была убеждена, что у воссевшего на трон выскочки Ирода не было никакого права поднимать руку на юношу, в жилах которого текла царская кровь.

— Неужели ты позволишь этому варвару без роду без племени, который носит корону только по твоей воле, попирать все законы?! Если он поднял руку на настоящих царей, то он не остановится и рано или поздно поднимет ее на меня и тебя! — вновь и вновь повторяла Клеопатра. И, надо заметить, была совершенно права, так как недалек был день, когда Ирод начнет замышлять покушение на ее жизнь.

Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что слишком сильно преувеличивать влияние Клеопатры на Антония тоже не стоит. Да, он любил эту женщину, выполнял многие ее прихоти, подчас многое ей обещал, но, как и подавляющая часть мужчин, вовсе не считал

должным претворять все эти обещания в жизнь.

Кроме того, на дворе стоял 35 год до н. э. Антоний не так давно вернулся из бесславного Парфянского похода, в котором положил 30 тысяч воинов, и в те дни усиленно готовился к реваншу.

Таким образом, ему было, с одной стороны, не до дрязг, происходящих при иудейском дворе, а с другой — Ирод то и дело посылал ему дорогие подарки и прекрасно справлялся с обеспечением спокойствия на южных границах империи. Избавляться от столь талантливого царя-клиента сейчас, что бы он там ни сделал, было по меньшей мере неразумно, а потому можно с уверенностью сказать, что Антоний изначально не собирался наказывать Ирода.

Тем не менее, следуя настояниям Клеопатры, он направил Ироду письмо с требованием явиться к нему в расположенную на сирийском побережье Средиземного моря Лаодикею (Латакию) и в этом райском уголке отчитаться о причинах гибели Аристобула. Нет никаких сомнений, что Клеопатра прочла это письмо перед отправлением. Она, вероятно, и потребовала внести в него слова, что если убийство Аристобула было совершено с ведома Ирода, то он поступил совершенно незаконно.

Письмо это произвело странное впечатление на Ирода. Как умный и искушенный политик, он понимал, что Антонию нет никакого смысла смещать его с трона, тем более что и заменить его было некем — не слабовольным же Гирканом! И в то же время, как следует из текста Флавия, он явно впал в панику и стал готовиться к худшему — к тому, что Антоний может его казнить или лишить престола. Однако, как уже говорилось, жизнь без царской власти была для Ирода уже просто непредставима, и на всякий случай он приготовился сражаться не на жизнь, а на смерть, для чего отдал приказ укрепить Масаду. Перед самым отъездом (а ослушаться Антония он, понятное дело, не мог) Ирод вызвал к себе дядю Иосифа, который был одновременно и его шурином — овдовев, Иосиф женился на сестре Ирода Саломее, хотя был старше племянницы на 38 лет. Поручив Иосифу управление всеми делами царства, Ирод заодно наказал в случае, если он не вернется живым из Лаодикеи, убить Мариамну — одна мысль, что другой мужчина будет обладать его женой, была для него нестерпима. И уж тем более его жгла мысль, что этим мужчиной может стать Антоний, которому Деллий рассказал о красоте Мариамны.

Не исключено, учитывая натуру Ирода, что в его извращенном мозгу сразу сложилась следующая схема: все уже решено, его приглашают в Лаодикею, чтобы казнить за убийство Аристобула. При этом Антоний получит в наложницы Мариамну, а Клеопатра присоединит к Египту Иудею и исполнит свою романтическую мечту о восстановлении империи Птолемеев в ее «исторических границах».

Повторим, большинство исследователей утверждают, что у Ирода не было причин опасаться встречи с Антонием, и умом он это понимал, но не мог сладить с собственными внутренними страхами.

Однако раввин Иегонатан Файнтох в статье «Легенды о царе Ироде и их скрытый смысл» выдвигает несколько иную версию, связанную с происхождением Ирода. Он напоминает талмудическую легенду, согласно которой отец Ирода Антипатр был рабом Хасмонеев, а значит, рабами были и все его отпрыски. То, что Ирод происходил из семьи прозелитов, пишет далее рав Файнтох, не было препятствием для его воцарения — Ирод был евреем, а любой свободный еврей по закону теоретически мог стать царем. Но при этом остается вопрос: мог ли стать законным царем бывший раб, да еще и отобрав трон у своего господина? Не приравнивался ли такой раб по римским законам к бунтовщику и не подлежал ли он смерти?

Если семья Ирода и в самом деле принадлежала к вольноотпущенникам Хасмонеев, то это многое меняло. Сам Ирод этот факт (если, повторим, он имел место) никогда не афишировал, и Антоний мог об этом не знать. Но вот Александра в письме Клеопатре могла об этом упомянуть, и тогда последняя не преминула бы разыграть эту карту — вот что, по мнению рава Файнтоха, могло смертельно напугать Ирода, собиравшегося к Антонию[48].

Во всяком случае, после отъезда Ирода в Лаодикею Иерусалим жил надеждой, что Антоний свершит справедливый суд и в Иудею тиран вернется в гробу. Эта надежда, видимо, и породила стремительно распространившиеся слухи о том, что Антоний казнил Ирода самой позорной из всех казней — отрубив ему голову.

Напуганные и воодушевленные этими слухами одновременно, Мариамна и Александра бросились к Иосифу, умоляя его отвезти их в расположение римского гарнизона — на тот случай, если в городе вспыхнет бунт, и чтобы они могли добраться до Антония, где Александра при поддержке Клеопатры надеялась обрести звание царицы. Или — в качестве варианта — «подарить» подруге Иудею, обеспечив себе и дочери безмятежное существование в Риме.

Надо заметить, что у Иосифа, не очень ладившего с молодой племянницей-супругой, за время отлучки Ирода сложились довольно теплые отношения с Мариамной и Александрой. В порыве откровения он даже рассказал им о приказе Ирода убить в случае его казни Мариамну — якобы для того, чтобы доказать, как сильно любит ее муж. Но Мариамна восприняла это распоряжение Ирода совершенно иначе — как еще одно доказательство его эгоизма и безжалостности.

Между тем поездка Ирода в Лаодикею, вопреки его опасениям, оказалась удачной.

«Прибыв к Антонию, — сообщает Флавий, — Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собой из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал сердиться на него и прежние наветы Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в царстве (в таком случае он сам не желал бы быть царем), ибо те, кто предоставил царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре (видимо, на замечание Ирода, что та слишком много себе позволяет. — *П. Л.*) вмешиваться в дела правителей».

Время пребывания в Лаодикее запомнилось Ироду как чрезвычайно приятное: целые дни он проводил в пирах и разговорах с Антонием, обращавшимся с ним как с равным.

Таким образом, эту битву Клеопатра (а вместе с ней и Александра) проиграла. Ирод возвращался в страну, обласканный Антонием и, как никогда прежде, уверенный в прочности своих позиций. Правда, к этой победе примешивалась и капля горечи: Антоний, видя, в каком состоянии пребывает Клеопатра от еще большего его сближения с Иродом, вместо ожидаемого наказания посоветовал последнему сделать своей возлюбленной «маленький подарок», чтобы та успокоилась.

«Маленьким подарком» оказались Келесирия и окрестности Иерихона с их финиковыми пальмами и бальзамными деревьями, на основе смолы которых производился известный на весь античный мир целебный (и крайне дорогой) иудейский бальзам. Не желая совсем дарить ненавистной египтянке столь ценную территорию, Ирод тут же упросил отдать окрестности Иерихона ему в аренду в обмен на 200 золотых талантов в год.

Обо всем этом Ирод и сообщал в письме жене, которое пришло в тот самый момент, когда Александра и Мариамна умоляли Иосифа помочь им бежать к римлянам.

Судя по всему, Ирод пробыл в гостях в Лаодикее долго — вплоть до 34 года до н. э., когда Антоний снова двинулся на Парфию и Армению. А по возвращении домой первыми, кто поспешил сообщить Ироду о происходившем во время его отлучки, стали самые близкие ему люди — мать Кипрос и сестра Саломея.

Увы, как это часто бывает, отношения Мариамны со свекровью и золовкой, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Говоря же прямо, Кипрос и Саломея откровенно ненавидели и Мариамну, и Александру. Эта ненависть началась еще тогда, когда они вынуждены были вместе коротать время в Масаде, а затем в Самарии, пока Ирод добывал себе престол.

В Иерусалиме же отношения между женщинами еще больше ухудшились, так как Александра не упускала случая напомнить новым родственницам, что она царская дочь, а они «беспородные дворняги». К тому же сестра Ирода, видимо, уже давно мечтала избавиться от постылого престарелого дядюшки-мужа.

Неудивительно, что Саломея поспешила доложить брату, что за время его отсутствия Иосиф и Мариамна стали любовниками и вдобавок царица вместе со своей мамашей собирались бежать то ли к Антонию, то ли в Рим и требовать там себе царство.

Вне сомнения, Саломея придумала историю о связи своего мужа с Мариамной, прекрасно рассчитав, что этот рассказ вызовет у брата приступ патологической ненависти, которая, как известно, является лишь еще одним симптомом паранойи.

Достаточно задуматься, чтобы понять: юная красавица Мариамна вряд ли могла отдаться старому, некрасивому Иосифу, годившемуся ей в дедушки.

Иосиф, в свою очередь, никогда не осмелился бы посягнуть на честь племянника, да еще такого, как Ирод.

Элементарная логика подсказывала, что речь идет о навете. Но в том-то и дело, что мышление параноика не подчиняется логике. Охваченный патологической ревностью, он не в состоянии внимать доводам разума, никакие доказательства невиновности партнера и клятвы верности его не убеждают — наоборот, он упорно ищет доказательства измены. Прямым следствием этого болезненного состояния является и проявление агрессивности как по отношению к партнеру, так и к воображаемому сопернику.

Возможно, Саломея рассчитывала, что в таком состоянии брат расправится и с собственной женой, и с ее мужем. И все же в какой-то момент сила любви (или страсти) Ирода к Мариамне оказалась сильнее ревности.

Увидев жену, он почувствовал прилив желания, но, пересилив себя, все же спросил, правда ли, что они с Иосифом стали любовниками. Мариамна в ответ стала все отрицать и клясться в своей полной невиновности.

Ирод, жаждавший услышать именно эти слова, привлек к себе жену и стал шептать ей на ухо самые обжигающие слова любви, какие он только знал, моля о прощении за то, что оскорбил ее своим недоверием. Но когда он, как казалось, окончательно потерял голову от желания, Мариамна отстранилась от мужа и спросила, действительно ли он отдал указание Иосифу убить ее в случае его гибели в Лаодикее. И если это правда, то можно ли назвать его чувства любовью?

Эти слова подействовали на Ирода, как холодный душ, убив желание и мгновенно отрезвив его. Оттолкнув жену, он заявил, что это и есть доказательство ее измены — если бы Мариамна не сошлась с Иосифом, тот никогда не выболтал бы ей его тайного приказа.

В тот же день дядя Иосиф был удавлен без всякого суда и следствия, даже без возможности сказать что-либо в свое оправдание. Александру же Ирод велел заточить в самую мрачную темницу страны, по иронии судьбы носившую ее имя — Александрией.

И это было только начало.

Глава вторая. На войне как на войне

В 34 году до н. э. Антоний отправился в новый поход против парфян, точнее, против армянского царя Тиграна III, и Клеопатра вызвалась провожать любовника до Евфрата.

Однако, расставшись с Антонием, она отнюдь не поспешила вернуться в Египет, а отправилась осматривать свои новые левантийские владения. Побывав в Апамее и Дамаске, царица решила заглянуть в гости к Ироду. Последнему пришлось стиснуть зубы и принять ее со всеми подобающими почестями.

Между тем высокая гостья повела себя более чем странно. Изо дня в день она только и говорила о том, что вот теперь она женщина одинокая, которой так не хватает мужской ласки, а у такого видного мужчины, как Ирод, тоже, видимо, не все ладится в семье. А ведь вместе они могли составить прекрасный тандем, и тогда она посодействовала бы еще большему возвышению царя Иудеи.

Если верить Флавию, эти попытки его соблазнить еще больше оттолкнули Ирода от Клеопатры, которую он ненавидел и за вызов в Лаодикею, и за то, что она отторгла у него лучшие земли. Теперь же он убедился, что у этой женщины нет ни стыда, ни совести, и она готова с легкостью изменить даже тому, кому вроде бы клялась в любви и была обязана всем своим величием.

Тогда, дескать, Ирод окончательно осознал, насколько Клеопатра опасна для Антония, и, желая избавить патрона от такой женщины, стал обдумывать план ее устранения. В конце концов, несчастные случаи происходят в нашем мире не только с красивыми юношами, но и с молодыми женщинами — они тоже могут утонуть, вылететь из несущейся по горной дороге колесницы, выпасть из окна высокой башни, да мало ли что еще может с ними случиться? Однако, когда Ирод поделился этими планами со своими советниками, те стали горячо его отговаривать.

Антоний, замечали они, не поверит в то, что в Иудее с царственными особами так часто случаются всякие несчастья, и уж точно не поймет, что Ирод решил устранить Клеопатру ради его же блага. Напротив, боль от потери усилит его любовь к этой женщине, и он сделает все, чтобы рассчитаться с ее убийцей. Ироду не оставалось ничего другого, как согласиться с резонностью этих доводов и отказаться от планов, так гревших ему сердце. Поэтому Клеопатра покинула Иудею живой и здоровой, осыпанной дорогими подарками, и Ирод лично провожал ее до границы с Египтом.

Спустя несколько месяцев Антоний с триумфом вернулся из похода, подарив плененных сыновей армянского царя и богатую добычу Клеопатре и официально провозгласив ее своей супругой.

Дальше начинаются те самые драматические события римской истории, которые привели в

итоге к гибели Антония и Клеопатры и провозглашению императором Цезаря Октавиана Августа.

Вот как они выглядят в сухом изложении вузовского учебника римской истории:

«Эти действия Антония вызвали крайнее раздражение римлян.

Особенно их возмутило официальное объявление о браке Антония с египетской царицей. Октавиан всячески усиливал эти настроения. Со своей стороны сторонники Антония в сенате упрекали Октавиана в устранении от власти Лепида и других самовольных поступках. В 32 году до н. э. Октавиан, окружив сенат своими воинами, потребовал от сенаторов вынесения специального решения против Антония. Одновременно он разрешил всем сочувствующим Антонию покинуть Рим. Разрешением Октавиана воспользовались оба консула и свыше трехсот сенаторов. Вслед за этим римский сенат объявил войну царице Клеопатре за присвоение ею римских владений, а так как Антоний выступил на защиту своей союзницы и жены, то и он был объявлен “врагом республики”.

Враждующие римские военачальники начали собирать свои союзные силы. Антоний совместно с Клеопатрой двинулся с армией и флотом к западным берегам Греции, откуда они рассчитывали переправиться в Италию. Армия и флот Октавиана, руководимые его ближайшим другом, талантливым военачальником Марком Випсанием Агриппой, опередила противника и встретила его у побережья Эпира — возле Амбракийского залива»[49].

Ирод впоследствии, как мы увидим, утверждал, что поддерживал Антония и сохранял ему верность почти до конца. Он действительно исправно посылал Антонию деньги и продовольствие. Но вот незадача: в то самое время, когда Антоний «собирал свои союзные силы» и необычайно нуждался в каждом солдате, Ирод не только не явился к нему на помощь лично, но и не прислал ни одного солдата, так как именно в это время затеял войну с набатейским царем Малхом.

При этом у Антония не было повода упрекнуть Ирода в измене: формально инициатива начать войну исходила от Клеопатры, требовавшей уплаты налогов с присвоенных ею земель на Западном (территория Иудеи) и Восточном (территория Набатеи) берегах Иордана.

Ирод, будучи официальным арендатором этих земель, исправно выплатил причитающиеся Клеопатре деньги, однако Малх налоги платить отказался.

По мнению и Ирода, и Клеопатры, это был достаточный повод для войны — получалось, что Ирод, чтобы покрыть убытки, должен увеличить налоги со своих подданных, что привело бы к еще большей ненависти к нему со стороны населения. Клеопатра же почти не скрывала, что в зависимости от исхода войны намерена окончательно присоединить к Египту территорию проигравшей стороны.

И все же дело было не только в Клеопатре.

Ирод не забыл и не простил ни Малху, ни его подданным событий 40 года, когда он всего лишь настаивал на возвращении старого долга и получил поворот от ворот Набатеи. Теперь, когда он прочно утвердился во власти и Иудея процветала, пришло наконец время для сведения старых счетов.

Флавий датирует начало войны между Иудеей и Набатеей годом 187-й Олимпиады, то есть примерно июлем 32 года до н. э. — как раз тем самым временем, когда Октавиан бросил открытый вызов Антонию.

Выйдя из Иерусалима, Ирод двинулся в Самарию, а оттуда к Ципори, повсюду, где только можно, проводя массовую мобилизацию местных жителей в армию. Собрав таким образом огромное войско, он перешел через Иордан и вышел к Диосполису, где его уже ждал Малх, не менее тщательно подготовившийся к войне.

Началась битва, в которой евреи одержали безусловную победу и заставили арабов отступить вглубь страны, на восток — к Канне.

К этому времени в армии Ирода началось головокружение от успехов.

Ирод собирался сначала разбить лагерь, создать, как и полагается, ставку главнокомандующего и вообще действовать по всем правилам военной науки. Между тем большинство его командиров рвались в бой, считая, что арабы почти повержены и незачем тратить время на подобные пустяки. Не желая противостоять этому настроению армии, Ирод отдал приказ о начале сражения и лично в полном боевом снаряжении повел войско в атаку.

Дальше произошло, в общем-то, банальное и предсказуемое с точки зрения военной науки событие. Под напором еврейской армии набатеи начали отступать, а евреи, само собой, стали их преследовать, все больше и больше углубляясь на территорию противника. Они уже изрядно устали и считали себя победителями, когда сидевший в засаде с несколькими тысячами бойцов смотритель за землями Клеопатры в Набатее Афинион неожиданно ударил по ним с тыла.

Флавий пишет об этом ударе как о вероломном, так как Афинион в силу своего статуса должен был соблюдать нейтралитет. Однако это утверждение выглядит спорным: как-никак Афинион был ставленником Клеопатры во владениях именно Малха, а не Ирода.

После удара Афиниона паника охватила уже евреев, которые бросились бежать, теряя по дороге сотни и тысячи товарищей по оружию. Но так как евреи не создали нормального лагеря, в котором можно было занять оборону, перегруппироваться и подготовиться к новой атаке, то выходило, что отступать им попросту некуда.

Ирод, похоже, с остатками армии и сам бежал с поля боя, хотя прямо об этом ни в одном источнике не сказано.

Потери евреев оказались огромными, но тем не менее Ирод отнюдь не собирался отказываться от сведения счетов с набатеями. Собрав армию заново, он перешел к тактике Маккавеев в период войны с греками: время от времени стал совершать набеги на города и села арабов, а также на набатейские гарнизоны, атакуя их преимущественно с гор.

В 31 году до н. э. в Иудее произошло страшное землетрясение, унесшее жизни более тридцати тысяч человек. Бойцы Ирода при этом почти не пострадали, так как располагались в полевом лагере, в палатках, на открытой местности, а не в каменных домах. Но землетрясение унесло жизни их близких, и многие начали дезертировать — чтобы восстановить жилища своим семьям.

Арабы не замедлили воспользоваться ослаблением Иудеи и напали на страну, грабя, убивая и уводя в рабство ее жителей, а также оккупируя прилегающие к Иордану районы.

Ирод, оказавшись в отчаянном положении, направил к Малху послов, чтобы начать переговоры о мире, но Малх не стал даже слушать парламентеров Ирода, а велел… принести их в жертву набатейским богам, будучи при этом прекрасно осведомлен, что человеческие жертвоприношения считаются у иудеев самым отвратительным проявлением язычества.

Убийство парламентеров у всех народов и во все времена считалось преступлением, которому нет прощения, и с этого момента стало ясно, что говорить с арабами о мире бессмысленно — они понимают только язык войны.

Все происходившее было страшно само по себе, но, пожалуй, самое страшное заключалось в том, что и армия, и народ Иудеи в целом были совершенно деморализованы. По стране поползли слухи, что землетрясение не что иное, как кара Божья за кровавое правление Ирода.

Но, как ни странно (а может, и наоборот, вполне логично) Ирод пришел к выводу, что именно сейчас самое время дать генеральное сражение арабам. Собрав всю свою армию, он произнес перед ней речь, которая, судя по произведенному ею впечатлению, была подлинным образцом ораторского искусства. Иосиф Флавий приводит два варианта этой речи на основе неких «мемуаров» Ирода и сочинений Николая Дамасского. Однако трудно поверить, что она была столь длинной и витиеватой, какой предстает в «Иудейских древностях», — как известно, сила оратора в значительной степени кроется в его лаконичности, афористичности и ясности аргументации. Поэтому наиболее реальным представляется укороченный вариант речи Ирода, приводимый в «Иудейской войне»:

«Страх, охвативший всех вас, кажется мне далеко не основательным. Что кары небес повергли нас в уныние — было естественно, но если человеческие гонения производят то же самое действие, так это обличает отсутствие мужества. Я так далек от мысли после землетрясения бояться неприятеля, что, напротив, более склонен верить, что Бог хотел этим бросить арабам приманку, дабы дать нам возможность мстить им. Ведь они напали на нас, надеясь не столько на свои собственные руки и оружие, сколько на те случайные бедствия, которые нас постигли. Но та надежда обманчива, которая опирается не на собственные силы, а на чужое несчастье, потому что несчастье или счастье не представляет собой нечто устойчивое в жизни; напротив, счастье колеблется туда и назад. Это вы можете видеть из имеющихся пред нами свежих примеров. Нас, победителей в предыдущих битвах, неприятель теперь победил, и, по всем вероятиям, он, убаюканный мыслью о победе, теперь потерпит поражение; ибо слишком большая самоуверенность ведет к неосторожности, боязнь же учит быть предусмотрительным; оттуда же и бодрость духа, которая внушается мне нашей боязливостью. Когда вы были чрезчур смелы и напали на неприятеля против моего желания, Афенион получил возможность осуществить свою измену. Но нынешняя ваша робость и кажущееся малодушие гарантирует мне победу. Оставайтесь в этом настроении вплоть до начала боя; но в самом сражении вы должны возгореться всем пылом вашего мужества и показать этому безбожному племени, что никакое несчастье, будь оно от Бога или от людей, не в состоянии сокрушить храбрость иудеев, пока еще искорка жизни тлеет в них. И что никто из нас не даст тем арабам, которых так часто вы чуть ли не пленными уводили с поля сражения, сделаться господами над вашим имуществом. Не поддавайтесь только влиянию безжизненной природы и не смотрите на землетрясение как на предвестие дальнейших бедствий! То, что происходит в стихии, совершается по законам природы, и, кроме присущего им вреда, они ничего больше не приносят человеку. Голод, мор и землетрясение еще могут быть предвещаемы менее важными знамениями, но сами эти бедствия имеют свои собственные ужасы своим пределом, ибо какой самый большой вред может нанести нам самый победоносный враг, чем тот, который мы уже потерпели от землетрясения? С другой стороны, неприятель получил великое предзнаменование своего поражения — знамение, данное ему ни природой, ни какой-либо другой его силой: они против всех человеческих законов жестоким образом умертвили наших послов и такие жертвы посвятили божеству за исход войны! Да, они не уйдут от великого ока Божия и не избегнут Его победной десницы. Они немедленно должны будут дать нам удовлетворение, если только в нас еще живет дух наших предков и если мы подымемся на месть изменникам. Пусть каждый идет в бой не за свою жену и детей, даже не за угрожаемое

отечество, а в отмщение за убитых послов. Они лучше, чем мы, живые, будут направлять войну. Я, если вы будете лучше повиноваться мне, буду предшествовать вам в опасности! Вы знаете хорошо, что ваша храбрость непоборима, если сами не повредите себе необдуманной поспешностью» (ИВ. Кн. 1. Гл. 19:4. С. 84–85).

Согласитесь, это был поистине блистательный «спич», вызывающий в памяти речи Цезаря, Петра I, Наполеона и всех прочих великих политиков и полководцев, умевших внушить своим солдатам, что не может быть ничего лучше, чем умереть ради ордена в петлице. Можно лишь поразиться, с каким мастерством, используя приемы софистики и парадоксального мышления, Ирод убеждает здесь армию, что все воспринимаемое как кара Божья на самом деле является предзнаменованием победы; как умело он пробуждает ненависть к врагу, напоминая о его злодеяниях и внушая мысль о справедливости этой войны. Одновременно, как и положено в такого рода выступлениях, он взывает к национальной гордости евреев, напоминает о победах предков и — что крайне важно — позиционирует себя именно как еврея, как «своего среди своих».

Вместе с тем эта речь, безусловно, представляет собой жизненное кредо Ирода. Из нее ясно следует, что он никогда не полагался на случай, а в ходе войны всегда учитывал не только соотношение сил, диспозицию и т. д., но и особенности психологии противника и старался предугадать, как именно последний поведет себя в той или иной ситуации. Учитывая психологию и глубокую религиозность своих соплеменников, он не раз взывает к Богу, но если вслушаться в эту речь, то из нее следует, что сам Ирод был… вероятнее всего, атеистом, последователем греческих и римских философов-материалистов, и в первую очередь Тита Лукреция Кара (около 99–55 до н. э.). Не исключено, что с их сочинениями Ирод познакомился еще в детстве, когда отец нанимал ему учителей-эллинистов. Но не здесь ли следует искать объяснение той легкости, с какой Ирод убивал людей? Не пришел ли он самостоятельно к мысли Достоевского о том, что «если Бога нет, то все дозволено»?!..

Воодушевив солдат, Ирод двинулся на этот раз в поход с юга, перейдя Иордан в районе Филадельфии (Рабат-Амона, современного Аммана — столицы Иордании).

Сторожевые посты набатеев немедленно передали весть об этом в столицу, и многотысячная арабская армия во главе с военачальником Элтемом поспешила навстречу противнику.

Две армии расположились в широкой трансиорданской долине друг против друга, а между ними оказалась небольшая заброшенная крепость. Даже не крепость, а скорее крепостушка, сторожевой пост, который мог быть отличным командным пунктом и местом, где можно было собрать и перестроить армию в случае отступления.

Обе стороны мгновенно оценили все преимущества этой крепости и вступили за нее в сражение. Сначала они осыпали друг друга градом стрел, а затем сошлись в жестокой рукопашной схватке.

Численное преимущество было на стороне арабов, но тут и сыграл свою роль психологический фактор. Ирод, как и обещал, скакал впереди своей армии, всем своим видом выражая уверенность в победе и, хотя ему уже шел пятый десяток, демонстрируя в ближнем бою удивительную ловкость, силу и выносливость. Одновременно он продолжал руководить сражением, отдавая приказы и выравнивая линию боя там, где она начинала «прогибаться». По словам Флавия, ярость и неустрашимость Ирода повергли арабов в ужас, а их предводитель Элтем, растерявшись, словно впал в прострацию и, по сути, прекратил командовать армией.

Последствия такого оцепенения набатейского военачальника не заставили себя долго ждать.

Если поначалу обе стороны несли в схватке большие, но в целом равные потери, то затем наступил перелом — и арабы побежали. Солдаты Ирода догоняли отступавших и разили их мечами. Вдобавок бегущие набатеи в панике топтали друг друга, так что их суммарные потери составили в том бою около пяти тысяч человек.

Оставшиеся 11 тысяч заперлись в той самой крепости посреди поля, никак не рассчитанной на такое огромное количество людей и не имеющей запасов ни воды, ни продовольствия. Понятно, что Ирод поспешил окружить это укрепление со всех сторон, превратив его в смертельную ловушку.

Голод и ужасающая жажда начались в крепости почти мгновенно, и вскоре арабы выслали парламентеров, чтобы начать переговоры об условиях капитуляции. Трудно сказать, на что они рассчитывали, зная, что Малх совсем недавно убил послов Ирода. Возможно, они искренне полагали, что главным для Ирода являются деньги и, услышав, что осажденные готовы заплатить 50 талантов, царь Иудеи пойдет на их условия.

Ирод не уподобился Малху и не убил послов, но и выслушать их он тоже отказался, так что они вернулись в крепость с пустыми руками.

Прошло еще несколько дней — и обезумевшие от голода, а еще больше от жажды воины стали сами выбегать из крепости и сдаваться на милость победителей, умоляя дать им глоток воды. Им и в самом деле давали напиться, после чего хладнокровно перерезали горло — и таких жертв голода и жажды набралось около четырех тысяч человек.

Увидев, что Ирод отказывается брать пленных, оставшиеся в крепости семь тысяч человек решились на отчаянный прорыв блокады. Изначально это был бой, в котором у арабов не было не только ни малейшего шанса победить, но и вообще выжить.

Спустя еще несколько дней Малх капитулировал, признав за Иродом право на отторжение небольшого участка земли в районе Иордана и выплатив всю задолженность, после чего Ирод с триумфом вернулся в Иерусалим.

Таким образом, он заставил набатеев сполна рассчитаться и за недавние поражения, и за страх и унижение, пережитые им десять лет назад, когда он бежал от парфян и Антигона.

Но странное дело: эта арабо-иудейская война происходила как раз тогда, когда у мыса Акция Октавиан нанес сокрушительное поражение Антонию. А битва у Филадельфии произошла ранней весной 30 года до н. э. — незадолго до летнего вторжения Октавиана в Египет, когда уже было ясно, что дни Антония и Клеопатры сочтены.

Все это невольно наводит на мысль, что Ирод и Малх затеяли эту войну не только из-за невыплаченной дани и старых счетов, но и для того, чтобы не присоединяться ни к одной из сторон в той битве, которую римляне вели друг с другом и исход которой был вначале непредсказуем. Не исключено, что Ирод со своей огромной интуицией предвидел поражение Антония и не хотел, чтобы у Октавиана появился повод обвинить его в том, что он сражался против него.

Как бы то ни было, вернувшись в Иерусалим, Ирод стал пристально следить за происходящим в регионе и обдумывать, как могут развернуться события, после того как Октавиан станет единовластным правителем Рима.

В том, что последний сразу после победы начнет расправляться с союзниками Антония, Ирод не сомневался. Но его опыт правителя, самого не раз прибегавшего к репрессиям,

подсказывал, что новый абсолютный властелин Рима не станет уничтожать всех без разбора, ведь ему будет нужно на кого-то опираться в регионе. А стало быть, он начнет не только казнить, но и миловать — даровать прощение тем, кто не особенно усердствовал в помощи Антонию или по меньшей мере не поднял меча против него.

Ирод как раз был среди последних, а значит, если он выберет правильную линию поведения, то сумеет сохранить и жизнь, и власть. Но дальше ждать было невозможно — надо было присоединяться к Октавиану и присягнуть ему на верность именно сейчас, пока тот еще не вторгся в Египет и не стал единоличным властителем всей империи.

И тут в мозг Ирода, как игла, впилась мысль, что все эти логические построения могут рухнуть, если Октавиан вдруг решит объявить, что его нахождение на троне является незаконным, и вернуть власть ее законным обладателям — Хасмонеям. Но на тот момент благодаря опять-таки усилиям Ирода в живых оставался только один муж из этой династии — бывший царь Гиркан, которому было уже 82 года.

«Как только Октавиан начнет приводить государственные дела в порядок, Гиркан немедленно предъявит свои права на трон, напомнив, что всегда был верен Риму и из рук Юлия Цезаря получил титул этнарха, “главы всего еврейского народа”, то есть не только в Иудее, но и за ее пределами. Но поняв, что есть законный претендент на престол, Октавиан решит, что я ему не нужен, и поспешит расправиться и со мною, и с моей семьей. Гиркан — это слишком опасно. Старику пришло время умереть» — такие или приблизительно такие мысли крутились в голове Ирода в те дни.

Крупнейший исследователь эпохи Ирода Авраам Шалит считает, что история с Гирканом доказывает, что уже в 30 году до н. э. паранойя Ирода вошла в ту стадию, когда она превращается в параноидальную шизофрению с бредом и манией преследования.

То, что возможность предъявления Гирканом претензий на власть являлась не более чем бредовой идеей, очевидно. Гиркан и в молодости не особенно стремился царствовать, никогда не скрывал своей неспособности к государственным делам и уж тем более не стал бы предъявлять подобных претензий в глубокой старости, на пороге смерти.

И все же говорить о том, что Ирод принял решение об устранении Гиркана, страдая тяжелым психическим заболеванием, будучи не в состоянии отвечать за свои поступки, значило бы снять с него всякую ответственность за очередное преступление. Нет, все последующие события доказывают, что он в те дни вполне владел собой и мог бы при желании остановиться, убедив самого себя в ложности и нелепости такой версии. Мог — но не захотел.

Иосиф Флавий приводит две версии событий, предшествующих гибели Гиркана.

По первой, виновницей всего вновь была Александра, убежденная, что Ирод не успокоится до тех пор, пока не убьет последних Хасмонеев, включая ее и дочь (что было чистой правдой). Александра стала уговаривать отца бежать к Малху, чтобы спасти жизни ее, Мариамны и детей Мариамны от Ирода. После долгих колебаний Гиркан уступил настояниям дочери и написал тайное письмо царю Малху с просьбой прислать отряд всадников, который мог бы сопроводить его с семьей к Мертвому морю, до самой границы Набатеи.

Это послание Гиркан попросил доставить Малху своего старого и, как он считал, верного слугу Досифея. Выбор этот был обусловлен еще и тем, что семья Досифея стала одной из жертв репрессий Ирода и старый слуга, по логике вещей, должен был его ненавидеть.

Однако Гиркан в своей наивности снова ошибся. Досифей уже давно понял, что куда

безопаснее и выгоднее служить Ироду, а не Гиркану. Что же касается репрессий, то достаточно вспомнить эпоху сталинизма и то, какую преданность Сталину проявляли многие члены семей «врагов народа». Так что особо удивляться тому, что Досифей поспешил передать письмо Гиркана Ироду, не стоит.

Последний поблагодарил Досифея за верность, снял с письма копию, а затем велел снова запечатать и передать его по назначению.

Малх не замедлил с ответом, что готов предоставить Гиркану и его родне убежище и выслать эскорт, который обеспечит ему безопасное бегство. Письмо снова попало к Ироду, после чего он немедленно приказал арестовать Гиркана и отдать его под суд синедриона.

Но разумеется, это отнюдь был не прежний, славящийся своим правосудием иерусалимский синедрион. Как уже говорилось, сразу после прихода к власти Ирод разогнал этот высший судебный орган страны, казнив большую часть судей. После этого он сформировал новый синедрион из своих марионеток, дрожавших перед ним от страха и одновременно благодарных ему за высокое назначение. Справедливостью в этом суде и не пахло — члены нового синедриона выносили те решения, которых ждал от них Ирод, а в данном случае желание царя было совершенно недвусмысленным.

Поэтому суд был скорым — Ирод обвинил Гиркана в измене и контактах с врагом, а когда Гиркан начал отпираться, предъявил суду письмо Малха как доказательство и смертный приговор стал неизбежен.

По второй версии, Ирод заподозрил Гиркана в контактах с Малхом и во время пира спросил, не получал ли тот от царя Набатеи каких-либо писем. Гиркан по своему простодушию признался, что недавно получил от Малха письмо с приветом и четырех арабских скакунов в подарок. Этого было достаточно, чтобы Ирод обвинил Гиркана в государственной измене, получении взятки от врага и отдал его под суд.

Но в любом случае, как видим, судьбу Гиркана решал суд. И это тоже понятно: являя собой архетип тирана, Ирод, как и любой диктатор, тщательно заботился о соблюдении всех условностей правосудия. Создание такой иллюзии было крайне важно и для того, чтобы убедить народ, что он по-прежнему живет в «правовом государстве», и лично для самого Ирода. Как любому параноику ему необходимо было чувствовать себя правым во всех своих подозрениях, и потому он всегда упорно искал и с помощью извращенной логики успешно находил доказательства своей правоты.

Если все исследователи вслед за Флавием сходятся во мнении, что суд над Гирканом был фарсом, то некоторые также считают, что он изначально был построен на ложных обвинениях. Не было, по их мнению, никакой переписки Гиркана с Малхом, а представленные Иродом суду письма были не чем иным, как подделкой.

Само обвинение было инспирировано Иродом с учетом того, что после недавней кровопролитной войны с арабами смертная казнь за сношения с арабским царем будет воспринята народом как вполне справедливое наказание. Народ должен был поверить в эту версию, так как многие еще помнили, как Гиркан в свое время искал убежища в Набатее во время своего бегства от брата Александра, а затем привел к стенам Иерусалима арабское войско. Ну а о том, что Гиркан сделал это по прямому наущению отца Ирода Антипатра, напоминать народу было совсем не обязательно.

Избавившись от Гиркана и связанных со стариком страхов, Ирод стал собираться на встречу с

Октавианом, который в те дни находился на Родосе, готовясь к вторжению в Египет. При этом Флавий мельком упоминает, что еще до отбытия на Родос Ирод вместе с новым правителем Сирии Квинтом Дидием остановил отряд гладиаторов, направлявшийся из Малой Азии в Египет в помощь Антонию. Антоний тогда нуждался в каждом солдате, и то, что Ирод не только сам не прислал армию патрону, но и не дал добраться до него нескольким сотням хорошо обученных воинов, было одновременно и предательством Антония, и заявлением о поддержке Октавиана.

Ирод, напомним, успел лично познакомиться с Октавианом во время своего визита в Рим в 40 году до н. э. и, безусловно, уже тогда понял, что он за человек и как надо действовать, чтобы попытаться завоевать его симпатию. Конечно, тот факт, что он познакомился с ним, будучи представленным Антонием, теперь сильно мешал, но попробовать стоило.

Тщательно продумав все детали встречи с правителем Рима, Ирод, как обычно, подготовился ко всем возможным сценариям, в том числе и к собственной казни.

Мать, сестру и всех своих детей, включая сыновей Аристобула и Александра, а также дочь Шломцион, которых родила ему Мариамна, он отправил в заранее хорошо укрепленную и подготовленную к длительной осаде Масаду. Заботу об этой части семьи он поручил младшему брату Ферроре.

Мариамну же вместе с матерью он отослал в крепость-тюрьму Александрион, объяснив свое решение тем, что они все равно не могут ужиться под одной крышей с его сестрой и матерью.

Жена и теща были доверены двум ближайшим царедворцам Ирода — еврею Иосифу и итурейцу Соэму. При этом Ирод наказал им оказывать всяческий почет обеим женщинам и выполнять их малейшие прихоти. Но в случае, если он не вернется с Родоса, добавил Ирод, следует немедленно убить обеих и сделать все, чтобы царская власть перешла в руки его детей и Ферроры — дабы Александра не могла провозгласить себя царицей и свести счеты с его родственниками.

Едва ступив на берег Родоса, Ирод демонстративно снял с себя корону, но остался в пурпурном царском плаще. В таком виде он появился перед Октавианом и произнес речь в лучших римских традициях, которая, как и его речь перед войском, заслуживает того, чтобы быть приведенной здесь целиком — в изложении того же Флавия, разумеется:

«Я, Цезарь, возведенный Антонием в цари над иудеями, делал, откровенно сознаюсь, все от меня зависящее для того, чтобы быть ему полезным. Не скрою и того, что ты во всяком случае видел бы меня вооруженным на его стороне, если бы мне не помешали арабы. Но я по мере моих сил послал ему подкрепления и многотысячное количество хлеба. Еще больше, даже после поражения при Акциуме [Акции], я не оставил моего благодетеля: не имея уже возможности быть ему полезным в качестве соратника, я был ему лучшим советником и указывал на смерть Клеопатры как на единственное средство возвратить себе потерянное; если б он решился пожертвовать ею, то я обещал ему деньги, надежные крепости, войско и мое личное участие в войне против тебя. Но страстная его любовь к Клеопатре и сам Бог, осчастлививший тебя победой, затмили его ум. Так я побежден вместе с Антонием, и после его падения я снял с себя венец. К тебе же я пришел в той надежде, что мужество достойно милости и в том предположении, что будет принято во внимание то, какой я друг, а не чей я был друг» (ИВ. Кн. 1. Гл. 20:1. С. 87).

Это была поистине достойная речь. В ней все было почти правдой, а то, что могло не быть таковой, было невозможно проверить, например действительно ли Ирод когда-нибудь решился

посоветовать Антонию избавиться от Клеопатры. В ней было подчеркнуто, что Ирода нельзя упрекнуть ни в предательстве, ни — в силу обстоятельств — в чрезмерной помощи Антонию. В ней была тонкая лесть с намеком на то, что сам Бог благоволит Октавиану, были предложение верности и полная готовность покориться его решению. В ней была ненависть к Клеопатре, которую Август ненавидел не меньше, и одновременно объективная оценка ее роли в падении Антония. Это была речь независимого, знающего себе цену человека и преданного вассала одновременно.

И Октавиан, которому еще только предстояло стать Августом, сумел оценить ум и ораторский талант гостя из Иудеи.

«На это император ответил: “Тебя никто не тронет! Ты можешь отныне с еще большей уверенностью править своим царством! Ты достоин властвовать над многими за то, что так твердо хранил дружбу! Старайся же теперь быть верным и более счастливому другу и оправдать те блестящие надежды, которая вселяет мне твой благородный характер. Антоний хорошо сделал, что больше слушался Клеопатры, чем тебя, ибо благодаря его безумию мы приобрели тебя. Ты, впрочем, кажется, уже начал оказывать нам услугу: Квинт Дидий пишет мне, что ты ему послал помощь против гладиаторов. Я не замедлю официальным декретом утвердить тебя в царском звании и постараюсь также в будущем быть милостивым к тебе, дабы ты не горевал об Антонии”.

После этих дружелюбных слов Октавиан возложил диадему на царя и о дарованном ему царском достоинстве объявил в декрете» (ИВ. Кн. 1. Гл. 20:2–3. С. 87–88).

Лишь в одной просьбе Август не пошел навстречу Ироду: он отказался сохранить жизнь Александру, присланному Антонием уговорить Ирода сохранить ему верность. Александр был казнен, но не думается, что Ирод сильно переживал по этому поводу.

Он возвращался в Иудею победителем. Поездка на Родос для него самого стала подтверждением его гениальности как политика, и Ирод верил, что эту победу должны по достоинству оценить и Мариамна, и народ. Спустя несколько недель он уже готовился к встрече направлявшегося в Египет через Иудею Августа и устроил ему торжественный прием с самыми высочайшими почестями, которые только можно было представить в то время.

Императору и его свите был предоставлен дворец в 150 комнат. В течение всего времени пребывания римлян в гостях у Ирода военные смотры сменяли пиры, а пиры — охотничьи забавы и прогулки по стране, во время которых Ирод ехал рядом с Августом в сопровождении своего личного эскорта из 150 отборных всадников в дорогом облачении.

Все это время занявшая морское побережье армия Августа вдоволь обеспечивалась всем необходимым и, кроме того, ей были предоставлены все припасы для грядущего похода. Даже такое холодное сердце, как у Августа, не могло не быть тронуто подобным приемом. Вдобавок Ирод присовокупил к тем подаркам, которые привез на Родос, еще 800 талантов — астрономическую сумму, составлявшую, возможно, весь годовой доход Иудеи. Даже приближенные Ирода шептались, что царь этим подарком разорил страну, и Август не скрывал, что он растроган щедростью царя-клиента.

Затем Ирод, как и полагалось, проводил патрона до границы с Египтом и пожелал ему победы, в которой никто и не сомневался.

Египетский поход, как известно, и в самом деле был недолгим, так как никто даже и не пытался оказывать римлянам сопротивление: Антоний покончил с собой, а вскоре после

оказавшихся бесполезными попыток очаровать Августа за ним последовала и Клеопатра.

Ирод на правах друга Августа тут же поспешил в Египет, чтобы поздравить победителя. При этом он рассчитывал, что император вернет ему отобранные когда-то Клеопатрой земли. Эти надежды оправдались с лихвой: Август включил в новые границы Иудейского царства не только утраченные области, но и считавшиеся спорными Самарию, Гадару и Гиппос, а к возвращению Ироду отторженного у него Яффо присовокупил еще три приморских города — Газу, Анфедон и Стратоно-ву крепость. Это означало, что Ироду удалось восстановить Иудейское царство пусть не в тех границах, в которых оно находилось во времена царей Давида и Соломона, но уж точно в границах периода расцвета Хасмонейской династии, и это было, вне сомнения, одним из самых выдающихся его достижений.

Вдобавок Август передал в подарок Ироду отряд личной гвардии Клеопатры, состоявший из четырехсот галатов. Сам этот подарок означал, что отныне Ирод становится важнейшим для Рима правителем на Востоке.

Большего в его положении, когда Рим был всем миром, а почти весь мир — Римом, и в самом деле пожелать было нельзя.

Наконец, в Египте в числе прочих слуг Клеопатры к Ироду присоединился учитель детей царицы Николай Дамасский. В течение более чем четверти века Николаю предстояло играть роль личного секретаря, историографа, учителя философии, друга и советника Ирода. Преданность, с которой Николай служил Ироду, зная все его пороки и недостатки, заслуживает всяческого уважения. Беда заключалась в том, что Ирод не всегда прислушивался к советам Николая, а в некоторые решающие минуты волею судьбы и самого Ирода тот оказывался слишком далеко от царя…

Глава третья. «Любовь была не из любых…»

Проводив Цезаря Октавиана до Антиохии, Ирод вернулся в Иудею и первым делом поспешил в Александрион — к Мариамне.

Ему не терпелось рассказать жене о своих успехах и положить к ее ногам царство, которому он вернул прежние размеры и величие.

Да, конечно, Иудея формально была под властью Рима, но близкие отношения с Октавианом давали надежду на то, что он сможет проводить вполне самостоятельную политику. Главное заключалось в том, что Иудея, словно во времена Давида и Соломона, снова становилась ключевым государством Ближнего Востока. Теперь этим царством они будут править вдвоем — как правили Египтом Антоний и Клеопатра, которая (и после ее смерти Ирод готов был это признать), несмотря ни на что, все же была великой женщиной.

Притворись Мариамна любящей супругой, учитывая ту страсть, какой пылал к ней Ирод, она с легкостью могла бы им манипулировать. Возможно, Мариамна даже добилась бы, чтобы муж отдал приказ о казни ее главной «врагини» — золовки Саломеи.

Но в том-то и дело, что Мариамна была не из тех женщин, которые готовы играть в подобные игры с опостылевшим мужем. Воспитанная в строгих еврейских традициях, она и помыслить не могла об адюльтере, но при этом и не желала «изображать любовь». После убийства брата и казни деда, после двукратно отданного приказа убить ее в случае его смерти (а итуреец Соэм разболтал ей об этом приказе, так же как до него это сделал Иосиф) в ее душе не осталось никаких чувств к мужу, кроме ненависти. Тем не менее, помня о супружеском долге, она в ту

ночь отдалась Ироду, но была безучастной к его ласкам, и у царя после близости осталось на душе ощущение, будто он спал с трупом. Вместе с тем Ирод знал, что Мариамна отнюдь не была фригидной, так как, несмотря на всю сложность их отношений, было немало ночей, когда ему удавалось довести жену до экстаза.

Холодность Мариамны поселила в его сердце страшное подозрение о неверности жены, но в тот день он не сказал ни слова и сумел сдержать душившую его ревность.

Однако это была, возможно, одна из последних их совместных ночей, так как, в очередной раз забеременев, Мариамна вообще перестала подпускать к себе мужа, сначала ссылаясь на недомогание, а затем, уже на более поздних месяцах беременности, открыто заявляя, что не желает делить ложе с убийцей брата и деда. Ирод этот довод принимать отказывался; он просто не умещался у него в голове — ему хотелось, чтобы в качестве царицы Мариамна была похожа на Клеопатру, а Клеопатру такие пустяки, как убийство близких родственников ради власти, никогда не смущали.

Александра первой поняла, какую опасность таит такое поведение дочери. Она прекрасно знала, в каком раздражении обычно пребывает неудовлетворенный мужчина, на какие неадекватные поступки он может быть способен, а уж что касается Ирода, то он, вне сомнения, был способен на все. Несколько раз Александра пыталась убедить дочь изменить отношение к мужу, но все было тщетно.

Кипрос и Саломея, разумеется, мгновенно узнали о напряженности в отношениях Ирода с женой и тут же стали всячески оговаривать невестку, уверяя, что она за его спиной спит чуть ли не со всеми слугами во дворце, а заодно вынашивает тайные планы убийства супруга.

Слова эти, безусловно, падали на благодатную почву, так как патологической ревности почти всегда сопутствуют подозрения, что объект ревности строит против ревнивца (или ревнивицы) всяческие козни, вплоть до планов убийства.

Спустя положенные девять месяцев Мариамна родила дочь. Ирод назвал новорожденную Кипрос — в честь недавно умершей матери. Это решение, с одной стороны, выглядит вполне логичным, но с другой — оно было призвано еще раз подчеркнуть, что Ирод больше не собирается считаться ни с мнением, ни с чувствами жены. Довольно было того, что трех предыдущих детей он назвал именами, принятыми у Хасмонеев: сыновей — Александром и Аристобулом, а дочь — Шломционой!

Сразу после родов Ирод разлучил Мариамну с дочерью и отправил ее к кормилице. То же самое он уже проделал с тремя другими детьми, направив позднее сыновей на учебу в Рим — чтобы они не нахватались в Иудее мятежного хасмонейского духа.

Все, таким образом, шло к печальной развязке, и развязка наступила.

В тот роковой день Ирод явился во дворец среди бела дня и, сгорая от страсти, еще раз попытался примириться с женой. Однако Мариамна вновь отказалась разделить с ним ложе и повторила уже не раз произнесенные ею слова о том, что не желает спать с тираном и убийцей. Скандал между супругами на этот раз вышел таким бурным, что его звуки долетели до покоев Саломеи и та решила, что настало самое подходящее время окончательно оговорить невестку в глазах брата и избавиться от нее.

Вызвав к себе виночерпия, Саломея велела ему предстать перед царем с кубком вина и признаться, что… царица Мариамна просила напоить царя этим вином, утверждая, что добавила в него некий любовный напиток. Однако, дескать, он, виночерпий, сомневается в том,

что именно добавила царица в вино, и потому счел нужным известить об этом царя.

Эта ложь сработала: Ирод заподозрил, что Мариамна собиралась его отравить.

Тем не менее он удержался от того, чтобы сразу обвинить жену, а для начала приказал арестовать и пытать ее личного евнуха, которому, как он знал, Мариамна доверяла свои самые сокровенные тайны.

Бедняга евнух, несмотря на адские муки, ничего не мог сказать палачам о подмешанном в вино любовном напитке (так как попросту ничего об этом не знал). Зато он поведал, что Мариамна давно уже ненавидит мужа и эта ненависть только усилилась, когда итуреец Соэм рассказал ей о наказе Ирода, данном ему перед отъездом на Родос.

Рассказ о Соэме стал для Ирода однозначным доказательством того, что Мариамна изменила ему с итурейцем — иначе, по логике Ирода, тот никогда не выболтал бы этой тайны. Поэтому Соэм был немедленно казнен. Но больше всего, в самое сердце, Ирода поразили слова евнуха об огне ненависти, который пылает в душе Мариамны. Он-то все это время пытался уверить себя, что речь идет об обычном женском притворстве и жеманстве!

Однако, как и Гиркана, Ирод не мог предать Мариамну смерти без суда. При этом он прекрасно понимал, что если суд будет основываться на еврейском праве, то судьи, какими бы покорными они ни были, оправдают царицу, так как еврейский закон требует не менее двух свидетельских показаний, подтверждающих, что обвиняемая в прелюбодеянии женщина в течение достаточно долгого времени находилась в некоем помещении наедине с мужчиной при запертых дверях.

Поэтому Ирод потребовал, чтобы дело Мариамны рассматривалось на основе римского права, а сам суд был приравнен к римскому «семейному совету». В качестве прокурора (и «отца семейства») в суде выступал сам Ирод.

Правила игры требовали, чтобы судебное разбирательство выглядело справедливым и бесстрастным, однако на этот раз Ироду изменила выдержка. Не особенно затрудняя себя приведением доказательств (которых, по сути дела, и не было), он требовал для жены смертной казни. Судьи, разумеется, поспешили повиноваться, но в итоге решили не спешить с приведением приговора в исполнение, а пока отправить Мариамну в тюрьму.

Возможно, они опасались, что в случае немедленной казни любимой жены Ирод вскоре пожалеет о своем поспешном решении и тогда вся тяжесть его гнева обрушится на них. При этом они наверняка помнили рассказ «Книги Эсфири» о том, как персидский царь Ахашверош (Артаксеркс) сначала приказал казнить свою любимую жену Вашти, а затем горько сожалел об этом.

Так Мариамна получила отсрочку. Но ненадолго: Саломея тут же поспешила укрепить брата в его «справедливом решении», вновь и вновь напоминая о «преступлениях подлой изменницы», которые в устах прирожденной интриганки обрастали все новыми и новыми подробностями. С помощью этого нехитрого приема она однажды довела Ирода до очередной вспышки гнева, и тот отдал приказ о немедленной казни Мариамны.

Та выслушала приговор с ледяным спокойствием и шла на казнь с поразившим всех поистине царским достоинством.

Но в тот самый момент, когда Мариамну уже подводили к эшафоту, с криком: «Я же тебе говорила!» — из толпы выбежала Александра и вцепилась дочери в волосы. Уже после того как

стражники оторвали мать от дочери, Александра продолжала изрыгать проклятия в адрес Мариамны.

— Я тут ни при чем! Ни при чем! — вопила Александра. — Это все она! Поделом ей! Так следует поступать с женщиной, дерзившей мужу, который ее так любил!..

У многих из присутствующих эта сцена вызвала отвращение — они видели во всем происходящем лишь очередное проявление ханжества пожилой тещи царя. Но были и те, кто понял, что Александра от страха находится на грани помешательства. Она осознала, что вот-вот подойдет и ее очередь, и теперь пыталась убедить Ирода, что если Мариамна и в самом деле пыталась его отравить, то это было без всякого ее ведома, и вдобавок она пыталась убедить дочь изменить отношение к мужу.

Но Мариамна продолжала молча, с гордой усмешкой идти к эшафоту, не обращая внимания ни на перешептывание толпы, ни на истерические вопли матери. Наконец она взошла на помост и палач накинул ей на шею удавку…

«Таким образом умерла Мариамна, этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия. Впрочем, ей недоставало сдержанности, и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотой своей и умением с достоинством держать себя она превосходила всех своих современниц; это и явилось главной причиной того, что она недостаточно любезно встречала царя и относилась к нему с недостаточной предупредительностью; пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-либо неприятности, она позволяла себе с ним слишком много. А так как ее угнетала судьба, постигшая близких ей людей и она нисколько не стеснялась высказывать ему это прямо, то она в конце концов навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно последнего между тем она всегда была уверена, что он оградит ее от всяких неприятностей» (ИД. Кн. 15. Гл. 7:6. С. 118).

Так пишет Флавий, но за этими строками легко угадывается текст Николая Дамасского, всячески пытавшегося обелить Ирода в этой истории. Нет никакого сомнения, что Мариамна никогда не только не полагалась на милосердие мужа, а, скорее наоборот, напрашивалась на казнь.

Трагическая история Мариамны, как известно, легла в основу сюжета многих произведений литературы и искусства, но в том-то и дело, что на ее казни эта история не закончилась.

Согласно Талмуду, Ирод еще семь лет, то есть вплоть до 22 года до н. э., отказывался хоронить Мариамну, а велел поместить ее тело в ванну с медом и «приходил к ней».

Последние слова многими толковались по-разному. По самой невинной версии, Ирод время от времени просто приходил полюбоваться красотой жены, которую не смогла отнять даже смерть. По другой — он приказывал отмывать труп от меда и предавался некрофилии, находя теперь в покорности мертвой жены особое удовлетворение, тем более что и при жизни она нередко была столь же безучастной в минуты близости.

Версия эта широко обсуждается во всех исследованиях об Ироде, однако отметим, что почти все раввинистические авторитеты подчеркивают, что далеко не все приводящиеся в Талмуде истории следует понимать буквально — многие из них носят характер притчи. Так, в том же Талмуде, в трактате «Бава Батра», утверждается, что Мариамна (без упоминания ее имени) вообще никогда не была женой Ирода, предпочтя такому замужеству самоубийство.

Вот как пересказывается эта история в известном сборнике талмудических преданий Х. Н.

Бялика и И. Х. Равницкого:

«Ирод был слугой царствующего дома Асмонеев [Хасмонеев], и полюбилась ему юная царевна. Однажды услышал он вещий голос: “Рабу, который ныне изменит, будет удача”. Встал Ирод и убил всех членов Асмонеева рода, оставив в живых одну упомянутую царевну. Поняв намерение Ирода, царевна взошла на кровлю дома и громким голосом провозгласила:

— Кто придет и скажет, что он — из рода Асмонеев, тот раб лживый, ибо из рода этого оставлена была в живых единственная отроковица, и та бросилась с кровли на землю.

И с этими словами царевна бросилась с кровли и убилась насмерть»[50].

Смысл этой легенды понятен: отрицая, что брак с царевной из рода Хасмонеев вообще имел место, Талмуд отрицает и право Ирода на царскую власть по праву преемственности и объявляет его обыкновенным узурпатором.

Но даже если отставить в сторону вопрос, был или не был Ирод некрофилом, бессмысленно отрицать, что казнь Мариамны стала для него тяжелым ударом. Обострив паранойю, она вдобавок ввергла его в тяжелую депрессию. Царь пытался забыться в попойках и оргиях, отказывался признать смерть жены и не только говорил о ней как о живой, но и велел слугам громко звать ее к пиршественному столу — так, чтобы она могла услышать и прийти. Однако самое главное заключалось в том, что Ирод забросил в те дни все государственные дела, составлявшие до того смысл его существования, — вдруг оказалось, что править царством без Мариамны ему неинтересно. По некоторым намекам можно предположить, что утрата Мариамны сказалась на его сексуальности — женщины на какое-то время перестали его интересовать. Не исключено, что он решил последовать римским обычаям и предавался сексуальным забавам с юными слугами и евнухами. При этом формально у него оставались еще две жены — одна из них приходилась ему племянницей, а другая — кузиной. Однако ни одна из этих женщин не подарила ему детей, и история не сохранила для нас их имен.

В эти горькие для Ирода дни 28 года до н. э. в стране разразилась эпидемия некоего инфекционного заболевания, унесшего жизни десятков тысяч людей. В конце концов болезнь добралась и до царского дворца, начав косить придворных. Это бедствие, как нетрудно догадаться, было воспринято народом как наказание Свыше за злодейскую казнь ни в чем не повинной Мариамны.

Флавий называет это заболевание чумой, но следует помнить, что чумой тогда называлась любая эпидемия. Сам Ирод в дни распространения болезни поспешил уехать в Самарию — якобы на охоту, но, по версии Флавия, исключительно потому, что искал уединения, так как само общение с людьми стало для него невыносимым.

Впрочем, не исключено, что Ирод просто решил покинуть главный очаг эпидемии, чтобы избежать заражения. Но видимо, к тому времени он уже и сам был носителем вируса и в Самарии по истечении инкубационного периода свалился со страшными головными болями, высокой температурой и периодическими помрачениями рассудка.

Но все это не что иное, как симптомы энцефалита, и, вероятнее всего, именно это вирусное заболевание, приводящее к воспалению мозга, и стало причиной эпидемии в Иудее.

Даже в наши дни энцефалит характеризуется довольно высоким уровнем смертности, а в ту эпоху он был практически неизлечим, и потому неудивительно, что врачи в итоге начали сомневаться, что царю вообще удастся выздороветь.

Когда слухи о том, что царь находится при смерти, дошли до Иерусалима, Александра решила, что Бог наконец услышал ее молитвы. Последняя из женщин, несших в себе чистую кровь Хасмонеев, она — если верить Флавию — вступила в переговоры с офицерами дворцовой стражи, настаивая, что в случае кончины Ирода они должны поддержать в борьбе за престол законных наследников царя, то есть сыновей Мариамны. Себе же Александра уготавливала роль регентши при внуках. Нетрудно догадаться, какая участь ждала в случае подобного поворота событий сестру и брата Ирода. Понятно также, что, выслушав Александру, командиры Иерусалимского гарнизона поспешили известить о ее планах Ирода и эта весточка подействовала на него лучше любого лекарства.

Охватившая все существо Ирода ярость придала ему сил, и он поспешил в Иерусалим, где отдал приказ немедленно казнить тещу — без всяких ненужных игр в правосудие.

Смерть Александры означала окончательную расправу с домом Хасмонеев — теперь, кажется, из этого царского рода не осталось ни одного представителя даже женского пола.

Правда, как вскоре выяснилось, это все же было не совсем так.

* * *

Хотя последствия болезни все еще давали о себе знать, по возвращении в Иерусалим Ирод с утроенной энергией вернулся к государственным делам. При этом его настроение было непредсказуемым. Он то снова впадал в депрессию и меланхолию, жалуясь ближайшему окружению на то, что никто его не любит и не понимает, то предавался безудержному веселью, много и с удовольствием шутил, а также раздавал придворным щедрые подарки. Но затем столь же внезапно его охватывала вспышка дикого гнева, и тогда царь становился агрессивным и начинал подозревать всех в заговоре. Такие колебания настроения обычно классифицируются психиатрами как циклотимия — один из видов психического аффективного расстройства.

Этим состоянием Ирода и решила воспользоваться Саломея, чтобы на сей раз раз избавиться от своего второго мужа Костобара и сочетаться законным браком с новым любовником.

Костобар был одним из военачальников армии Ирода. Идумей по происхождению, он пользовался особым расположением царя. В дни решающей осады Иерусалима в 37 году до н. э. Ирод сначала велел Костобару проследить за тем, чтобы никто из верных сторонников Антигона и представителей династии Хасмонеев не покинул осажденного города, а затем поставил его во главе карательного отряда, проводившего аресты и казни противников режима. Если пытаться проводить исторические аналогии, то Костобар играл в те дни роль председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Назначая его на этот пост и отдавая соответствующие распоряжения, Ирод сделал особый упор на то, что все до единого члены семьи Хасмонеев должны быть уничтожены.

Но, как известно, даже в сердце у такого профессионального карателя, каким, судя по всему, был Костобар, может порой проснуться жалость. Когда он явился в дом родственника Хасмонеев Вавы (правильнее Бабы), Костобар убил и самого хозяина, и всех взрослых членов его семьи, но… пожалел маленьких сыновей Вавы, решив утаить их от Ирода.

Это было тем более легко, что Ирод вскоре назначил Костобара правителем Идумеи, куда тот и увез спасенных детей. Ирод знал, что мальчикам удалось выжить, несколько раз объявлял их поиски, но Костобар продолжал хранить свою тайну.

Тут надо заметить, что, будучи потомком идумейских жрецов, поклонявшихся богу Косо, Костобар[51] считал переход идумеев в иудаизм ошибкой. Он жаждал возвращения своего народа в лоно язычества и обретения им хотя бы призрачной политической независимости.

Лелея эти планы, Костобар вступил за спиной Ирода в переговоры с Клеопатрой — в надежде, что та добьется у Антония передачи Идумеи под власть Египта. В сущности, одного этого было достаточно, чтобы Ирод казнил Костобара, но к тому времени на него «положила глаз» любвеобильная Саломея. Она не только вымолила у брата прощение для любовника, но, как уже рассказывалось, чтобы соединиться с ним, оклеветала своего мужа и дядю Иосифа, а заодно с ним и Мариамну.

Однако к 28 году до н. э. Костобар успел Саломее изрядно поднадоесть. Чтобы вступить в новый брак, она направила мужу разводное письмо. Но по еврейским законам женщина вообще не имеет права на такой шаг — развод вступает в силу лишь когда разводное письмо вручает жене муж. Костобару же, видимо, не очень хотелось расставаться с ролью царского шурина, и потому он не спешил дать жене развода, а Саломея, соответственно, не могла вступить в новый брак.

И вот тогда-то она явилась к Ироду и, рыдая, рассказала, что решила расстаться с мужем, так как тот вместе со своими друзьями Антипатром, Лихимахом и Досифеем вынашивает заговор, и вообще ее благоверный Костобар уже давно прячет от Ирода последних Хасмонеев — сыновей Вавы.

Выслушав сестру, Ирод велел немедленно казнить всех — и детей Вавы, бывших в ту пору уже подростками, и Костобара с тремя его близкими друзьями. И вот после этого с Хасмонеями и в самом деле было покончено.

Все историки отмечают, что казнь сыновей Вавы была проявлением совершенно бессмысленной жесткости — никакой реальной опасности для власти Ирода они не представляли и ничем иным, как мучающим его маниакальным страхом перед Хасмонеями, это злодеяние объяснить нельзя.

В убийстве сыновей Вавы, возможно, следует искать один из источников евангельской легенды об избиении младенцев.

Ирод и в самом деле был одержим поиском и убийством всех, кто мог претендовать на звание «царя иудейского», но эти претензии он относил, как мы видим, исключительно к потомкам Хасмонеев, а никак не царя Давида.

* * *

В дни, когда Ирод спасался от эпидемии в Самарии, произошло еще одно чрезвычайно важное и для него лично, и, как потом оказалось, и для истории событие. Уступив настояниям врачей и друзей, утверждавших, что «клин клином вышибают», он женился на самаритянке Малфаке.

Сам по себе этот брак был вызовом евреям — те, как уже было сказано, считали самаритян инородцами и не вступали с ними в родственные отношения. Нарушив это табу, Ирод еще больше восстановил против себя население Иудеи.

Но, видимо, Малфака вернула Ироду вкус к женщинам, так как вскоре он берет себе еще двух жен.

Первая из них была уроженкой Иерусалима, но звалась так же, как покойная египетская

царица — Клеопатра (видимо, дало о себе знать тайное подавленное желание Ирода обладать египетской царицей).

Вторая была дочерью прибывшего из Александрии Симона, сына Воэта (Шимона бен Боэта), принадлежавшего к сословию священников-коэнов. Эту девочку также звали Мариамна, она отличалась необычайной красотой и таким образом, вероятно, напоминала Ироду казненную жену.

Остановка была за двумя обстоятельствами. Во-первых, Симон не обладал достаточно знатным происхождением, чтобы стать зятем царя, а во-вторых, Мариамне было всего 12 лет, а может, и того меньше. Во всяком случае, в тот момент, когда она приглянулась начавшему проявлять замашки педофила Ироду, у нее еще не начались месячные.

Первую проблему Ирод решил просто: он отстранил с должности первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на этот пост Симона, сына Воэта, положив таким образом начало новой династии первосвященников. Что касается второй проблемы, то она, похоже, не только не волновала Ирода, но и, напротив, распаляла его.

Во всяком случае, свадьба царя с дочерью нового первосвященника была пышной и запомнилась жителям Иерусалима надолго.

А Ирод уже был одержим новыми грандиозными планами.

Глава четвертая. Время собирать камни

Патологический страх и непомерное тщеславие, жажда всенародного признания и сохранения о себе памяти в веках — вот где следует искать истоки того «строительного бума», который наблюдался в Иудее в эпоху Ирода. В этом смысле он опять-таки был похож на многих великих властителей различных времен. Достаточно вспомнить Фаросский маяк, построенный по указанию Птолемея, собор Василия Блаженного или здание МГУ в Москве, являющиеся детищами Ивана Грозного и Иосифа Виссарионовича Сталина, и многие другие великие памятники архитектуры.

Если Ирод и в самом деле чем-то отличался от других тиранов, то, пожалуй, тем, что вслед за библейским царем Соломоном сделал возведение новых дворцов, крепостей и городов едва ли не смыслом своей жизни, вкладывая в строительство значительную часть доходов страны.

У нас нет сведений о том, насколько активно он занимался строительством в молодости, в бытность правителем Галилеи, Келесирии и Самарии, однако известно, что еще до приобретения царского титула по его указанию были значительно укреплены крепости Масада и Александрион, причем последняя была оснащена высокой башней, с которой окрестности хорошо обозревались на много километров вперед.

Уже в 40 году до н. э., во время осады царского дворца Хасмонеев, Ирод осознал все его недостатки с военной точки зрения. Еще раз он убедился в этом в 37 году, когда перебрался в царскую резиденцию после победы над Антигоном.

Он жил в те дни в непрестанном страхе перед народным восстанием, и если бы оно произошло, дворец был единственным местом, где он мог бы укрыться. Это и побудило Ирода в 35 году до н. э. начать капитальную перестройку дворца Хасмонеев в «город в городе», в мощную крепость, которую он, чтобы польстить тогдашнему патрону, назвал Антонией.

Расположенная на скале, в северо-западной части Иерусалима, новая крепость буквально

нависала над храмовым комплексом, поражая не только мощью, но и красотой двойных каменных стен, а также четырех высящихся по углам башен. Высота трех из них составляла 25, а четвертой — 35 метров.

Сам величественный вид Антонии словно призван был напомнить иерусалимцам о том, насколько новый царь превосходит в своем величии и могуществе предшественников-Хасмонеев.

Внутри Антонии можно было свободно разместить две тысячи воинов, и, судя по всему, именно в этой крепости на протяжении всего царствования Ирода базировался римский гарнизон. В перестроенном и значительно расширенном царском дворце располагались сотни залов и комнат, каждая из которых отличалась своими фресками и своим особым убранством. При этом немалая часть крепости была скрыта под землей — здесь располагались целые залы, огромные склады с запасами питья и продовольствия, позволяющие выдержать длительную осаду, а еще тюремные и пыточные камеры. Под землей же тянулся ход из Антонии на территорию Храма, который в случае войны должен был стать следующим форпостом обороны.

По версии некоторых историков, именно в Антонии состоялся суд над Иисусом, и — что уже известно совершенно точно — именно с территории Антонии в 70 году н. э. римляне ворвались в Иерусалимский храм.

Остатки этой крепости были обнаружены еще в XIX веке, но серьезные археологические раскопки в данном районе провести невозможно, так как на месте Антонии сегодня располагается католический монастырь Сестер Сиона. В связи с этим, хотя и существует общепризнанный макет-реконструкция Антонии, трудно сказать, насколько он соответствует реальному ее облику.

Впрочем, очень скоро Ирод решил, что и Антония ему не подходит, и приступил к строительству нового, еще более величественного царского дворца в южной части города, в районе Яффских ворот. Возможно, все дело было в том, что Антония слишком близко находилась к старому дворцу Хасмонеев. Вид из ее окон будил в Ироде неприятные воспоминания о прошлом и даже вызывал некоторые муки совести за уничтожение царской семьи. Но, разумеется, Ирод тут же находил себе оправдания, что это не он, а они, Хасмонеи, плели интриги и хотели его погубить. Он же лишь защищал свое законное право на власть, свою жизнь, а также жизнь своей семьи.

Правда, историки в такие психологические мотивы не верят. По их мнению, строительство нового дворца было обусловлено как непомерными амбициями Ирода, так и стратегическими соображениями: обзор из Антонии закрывался окружающими ее холмами, а это затрудняло прием сигналов из других крепостей. Да и вообще открывающийся из ее окон пейзаж не нравился царю.

Новый дворец также представлял собой «город в городе». Он был окружен мощной стеной высотой 15 метров и состоял из комплекса зданий с сотнями комнат и галерей, полы которых были выложены искусной мозаикой, стены либо расписаны фресками, либо облицованы мрамором и инкрустированы драгоценными и полудрагоценными камнями. При этом в каждой комнате можно было найти дорогую золотую, серебряную и стеклянную утварь.

Два основных крыла дворца Ирод назвал Кейсарионом и Агриппионом — в честь Цезаря Октавиана Августа и его ближайшего сподвижника, второго человека в империи — Марка Агриппы. Между различными зданиями дворца тянулись уютные скверы с беседками, множество купален и бассейнов, украшенных медными фонтанами со скульптурными

композициями, из которых била вода.

На территории дворца располагалась также и огромная голубятня. Голубятни, кстати, тоже были одной из неотъемлемых примет многих дворцов Ирода, так как он, во-первых, считался большим любителем и ценителем этих птиц, а во-вторых, широко пользовался голубиной почтой. Судя по всему, увлечение голубями было связано с его идумейскими корнями и детскими воспоминаниями о родовом поместье в идумейской Мареше. Голубь считался у идумеев священной птицей, символом одной из богинь местного пантеона, и потому они слыли знатоками в разведении этого вида пернатых. Впрочем, с точки зрения иудаизма голубь является «чистой», пригодной в пищу и для жертвоприношений птицей, и потому никаких нареканий со стороны священнослужителей и народа это увлечение царя не вызывало.

Но больше всего потрясали современников в новом дворце Ирода три башни, воздвигнутые в северной части дворца.

Каждая из башен имела свой неповторимый облик. Одну из них, высотой свыше 30 метров, Ирод назвал в честь своего покойного брата Фазаилом — некоторые историки отождествляют ее с современной башней Давида, являющейся одним из символов Иерусалима, хотя это мнение далеко не бесспорно. Вторую башню Ирод назвал Гипикос — в честь погибшего в бою друга юности, а третью — Мариамной, в честь покойной жены. Как и полагается «женской» башне, она была чуть поменьше, но зато гораздо изящнее двух других, а ее верхние комнаты отличались особенно пышным убранством и обилием хранящихся в них драгоценностей. Не исключено, что именно в этой башне Ирод и хранил какое-то время законсервированное в меду тело любимой женщины.

Точная дата строительства этого дворца опять-таки неизвестна, но, видимо, оно было начато незадолго до казни Мариамны и завершено к 23 году до н. э.

Возможно, Ирод поначалу мечтал преподнести эту башню в подарок супруге и назвать ее именем, но в итоге она стала своеобразным памятником казненной царице и постоянным напоминанием Ироду о том, что именно он является виновником ее смерти.

В целом, если внимательно присмотреться к деятельности Ирода в Иерусалиме, то можно отчетливо заметить то, чего не хотели замечать жители Иудеи того времени: Ирод последовательно и планомерно превращал столицу своего царства не просто в город, а в то, что римлянами называлось полисом. Далеко не каждый город мог иметь статус полиса — для этого в нем должны были быть сосредоточены религиозные, политические, судебные, образовательные, культурные и прочие институты. Не могло быть полиса без гимнасия, театра, стадиона и т. д. Все это Ирод и возвел в Иерусалиме, постепенно превратив свою столицу в пятый по величине и значению город Римской империи.

* * *

Еще больший строительный азарт охватил Ирода в 27–26 годах до н. э., когда ему показалось, что власть его окончательно упрочилась и в стране наступила долгожданная стабильность.

Правда, меньше всего Ирод при этом полагался на то, что народ смирился с его властью. Репрессии продолжались, и для борьбы с любым инакомыслием Ирод создал тайную полицию, структура и методы которой вряд ли вызовут удивление у кого-либо из современных читателей, но вот в Древнем мире аналогов такой секретной службы, как у Ирода, кажется, не было.

Одновременно Ирод в те дни, судя по всему, был буквально одержим идеей привлечь к своей персоне и Иерусалиму внимание всего античного мира; превратить Иудею из глубокой

сирийской провинции, каковой она воспринималась многими в Риме и Греции, в важнейший экономический и культурный центр Востока. Вся его деятельность свидетельствует о том, что он жаждал обратить время вспять и вернуть Иудейскому царству блеск и величие времен царя Соломона, с тем чтобы его сравнивали именно с этим легендарным монархом, а не с «ничтожными» Хасмонеями.

Для достижения этой цели в ту эпоху (как, впрочем, и в наши дни) не было лучшего способа, чем сделать страну местом проведения грандиозных международных спортивных состязаний и массовых зрелищ. Поняв это, Ирод немедленно приступил к строительству в столице гигантского стадиона, театра и амфитеатра.

Флавий называет эти сооружения «великолепными», но большинство исследователей сходятся во мнении, что все они были построены на основе типовых для того времени проектов знаменитого римского архитектора Витрувия. Подобные стадионы и амфитеатры имелись во всех крупных городах античного мира. Ирод решил нивелировать это впечатление за счет оригинальности и великолепия отделки экстерьера и интерьера иерусалимского спортивно-культурного комплекса, выложив внутренние и наружные стены мрамором, щедро перемежающимся с искусной мозаикой и позолотой.

Строительство стадиона и театра было завершено в поистине рекордные сроки, и, как вскоре выяснилось, не напрасно. В 27 году до н. э. сенат преподнес императору Гаю Юлию Цезарю Октавиану титул Августа («возвеличенного богами»), и Ирод одним из первых из царей-клиентов учредил в честь этого события международные спортивные игры, которые проводились раз в пять лет. Чтобы побороться за назначенные Иродом дорогие призы, на Иерусалимскую олимпиаду съезжались лучшие атлеты со всех областей империи.

«Празднования этих игр, — пишет Флавий, — он проводил с большой торжественностью, приглашая с этой целью зрителей из соседних стран и собирая весь [иудейский] народ на них. Также и борцы и всякие другие участники в состязаниях приглашались со всех концов земли, и они являлись в надежде на призы и на славу победы, причем тут участвовали крупнейшие корифеи своего дела. Ирод назначал выдающиеся призы участникам в гимнастических состязаниях, но также и знатокам музыки и танцев и тем побуждал также большие призы квадригам, парным экипажам и одиночкам; одним словом, все, что где бы то ни было выдавалось роскошью и блеском, он старался превзойти еще большей красотой. Кругом всего театра тянулись надписи в честь Цезаря и были воздвигнуты из червонного золота и серебра изображения трофеев его от тех народов, которых он победил на войне. Не было таких прекрасных и драгоценных одеяний и камней, которые не показывались бы зрителям на этих состязаниях. При театре имелся запас диких зверей, в том числе масса львов, отличавшихся чрезмерной силой или особенной редкостью. Этих зверей выпускали на бой как между собой, так и с присужденными к смерти людьми, причем иноземцам в одинаковой мере доставляли удовольствие как роскошь обстановки, так и волнение, вызываемое этими опасными зрелищами…» (ИД. Кн. 15. Гл. 8:1. С. 122–123).

Все это, возможно, произвело бы должное впечатление на греков и римлян, для которых подобные развлечения составляли неотъемлемую часть жизни. Но, роняет Флавий, «иудеи были непривычны к такого рода зрелищам». И это весьма мягко сказано.

В самих подобных забавах, в появлении спортсменов обнаженными на публике евреи видели прежде всего грубое проявление язычества, возвеличивавшего животную природу человека. Схватки же между зверьми и приговоренными к смерти преступниками представлялись им отголоском категорически запрещенных законом человеческих жертвоприношений. Ничего, кроме отвращения, такие игрища у жителей Иерусалима не вызывали, и их, как прозрачно

намекает Флавий, приходилось едва ли не силой загонять в театр.

В народе росло возмущение. По мнению обладавших огромным авторитетом и не боявшихся открыто высказывать свое мнение лидеров фарисеев, Ирод творил то же самое, что творили в Иерусалиме греки во времена Антиоха Епифана, и, следовательно, пришло время повторить подвиг Маккавеев и покончить как с ним, так и с его приспешниками.

Первый скандал вокруг будущего театра-стадиона вспыхнул как раз из-за «изображений трофеев от тех народов, которых он победил на войне». Дело было, разумеется, не в том, что все войны, как мы помним, Ирод вел только с евреями, а затем с арабами, так что ни о каких побежденных им «народах» не могло быть и речи. Многие решили, что трофеи повешены на статуи, изображающие людей, создание которых запрещено третьей из Десяти заповедей.

Ирод, как мы еще увидим, и в самом деле позволял себе подобные нарушения, однако он ясно понимал, что в Иерусалиме подобное недопустимо. Чтобы пресечь возмущение народа, о котором он прекрасно знал по доносам сексотов, Ирод велел вызвать на стадион группу влиятельных граждан Иерусалима и продемонстрировать им, что никаких статуй под оружием нет — есть голые деревянные столбы. Что, впрочем, лишь вызвало новый спор — о том, нельзя ли считать изображение оружия предметом языческого культа.

Словом, ропот продолжался. В итоге, как пишет Флавий, «десять граждан составили заговор и поклялись подвергнуться любой опасности (в числе заговорщиков был также один слепой, которого принудили примкнуть тревожные слухи; хотя он и не был в состоянии принять в деле личное участие, однако он приготовился пострадать со всеми прочими, если бы заговорщиков постигла неудача; этим он немало содействовал подъему духа в остальных своих товарищах)» (ИД. Кн. 15. Гл. 8:1. С. 123).

Чтобы читатель понял, о чем идет речь, необходимо заметить, что десять человек, согласно иудаизму, образуют «минь-ян» — минимальный кворум, имеющий в числе прочего право вершить от имени общества суд и выносить приговор.

Таким образом, то, что Флавий называет «заговором», на самом деле было судом над Иродом с вынесением ему смертного приговора. Отсюда становится понятным, почему в этом деле принимал участие слепой — он не был способен действовать вместе с заговорщиками, но вполне мог играть роль «судьи».

План заговорщиков напоминал схему убийства Гая Юлия Цезаря. Они намеревались пронести на стадион под плащами кинжалы и поджидать Ирода возле царского входа к трибунам. Последняя деталь, кстати, свидетельствует, что все десятеро были знатными людьми и, видимо, лично знакомы с Иродом — простолюдинов к этому входу просто не подпустили бы. В момент появления царя они должны были внезапно напасть на него и попытаться убить, а если не получится, то по меньшей мере до своей гибели перебить как можно больше человек из царской свиты. Расчет, таким образом, строился на том, что даже при провале заговора гибель участников покушения станет сигналом к народному восстанию и приведет к свержению Ирода.

Однако, как мы уже упоминали, Ирод создал при своем дворе мощную тайную службу, один из агентов которой и поспешил сообщить Ироду о готовящемся на него нападении.

Ирод не стал дожидаться развития событий, а велел пригласить во дворец всех заговорщиков поодиночке (что еще раз доказывает, что они были вхожи во дворец и лично знакомы с царем). При входе их тут же разоружали и предъявляли обвинение в организации покушения на царя.

Больше всего Ирода поразило то, что когда заговорщики поняли, что разоблачены, ни один из них не попытался снять с себя вину или испросить прощение. Нет, они были настолько убеждены в своей правоте, что готовы были взойти на эшафот, но не отступиться от своих взглядов.

Но Ирод отнюдь не собирался подарить им легкую смерть — он приказал подвергнуть всех десятерых самым страшным пыткам до тех пор, пока они не умрут. Соглядатая же, доставившего ему сведения о заговоре, он, разумеется, велел щедро наградить.

Вскоре по Иерусалиму поползли слухи о страшной участи десяти мучеников, ставших жертвой доноса. История умалчивает о том, кто сообщил народу имя доносчика — возможно, это сделал кто-то из царедворцев, тайно ненавидящих Ирода, а может, и сам доносчик неосмотрительно похвастался царской наградой. Как бы то ни было, толпа набросилась на него на улице и в буквальном смысле слова разорвала на части, причем разрозненные куски его тела были брошены уличным собакам — так, чтобы он не удостоился даже человеческих похорон.

Возможно, в самой этой кровавой расправе участвовали немногие, но зато множество иерусалимцев спокойно стояли и смотрели, как вершится самосуд, не считая нужным вмешаться и остановить его — а это по еврейским законам тоже считается серьезным преступлением.

Узнав о случившемся, Ирод поспешил отдать распоряжение немедленно начать следствие и разыскать как тех, кто непосредственно участвовал в линчевании тайного агента, так и, по меньшей мере, часть из тех, кто выбрал роль равнодушного очевидца.

В городе начались аресты, но даже под пытками никто из арестованных не желал ни в чем-либо признаваться, ни кого-либо выдавать. Так продолжалось до тех пор, пока по подозрению в том, что они были свидетельницами самосуда, не были арестованы несколько женщин. Не выдержав пыток, они стали называть имена тех, кто в тот день стоял рядом с ними в толпе, и цепочка имен потянулась.

В конце концов, были установлены и имена линчевателей, и имена некоторых из очевидцев, и все они были отданы под суд. Решение суда (которое было, разумеется, инспирировано самим Иродом) потрясло народ. Впервые в истории еврейского правосудия (если, конечно, в данном случае вообще подходит это слово) было провозглашено, что сын отвечает за отца, и были казнены не только сами обвиняемые, но и их дети.

Массовые казни привели население в такой ужас, что на протяжении двух последующих десятилетий никто больше не решался не только совершить покушение на Ирода, но и даже помыслить об этом.

В стране установилась удушливая атмосфера всеобщего страха. В каждом городке, каждой деревне жили несколько агентов тайной службы, регулярно посылавшие в Иерусалим доклады о настроениях народа. Любые публичные сходки и собрания, даже массовые празднества были запрещены. Тайные соглядатаи Ирода шныряли повсюду — по городам, селам, дорогам. Да и сам Ирод по вечерам, когда спадала обычная для Иудеи дневная жара и открывались лавки и таверны, любил переодеться в простолюдина и погулять по Иерусалиму, прислушиваясь к тому, что говорит народ. Достаточно было просто подозрения в крамольных мыслях или шутки по поводу царя и его методов правления — и «злоумышленника» могли арестовать прямо на улице, доставить в Гирканию и подвергнуть пыткам. Если такие арестанты не умирали под пытками, то их либо казнили в той же Гиркании без всякого суда, либо приговаривали к принудительным работам — на все тех же начатых Иродом «стройках века».

Прямым следствием этого стало повальное недоверие людей друг к другу. Жители Иудеи боялись открыто говорить о том, что думают, опасаясь нарваться на агента секретной службы Ирода.

Чтобы убедиться в лояльности населения, Ирод дважды в течение своего правления требовал приведения всех жителей страны к присяге на верность: в 20 году до н. э. жители Иудеи должны были присягать на верность Ироду, а в 6 году до н. э. — на верность Ироду и римскому императору.

И все же некое «легальное диссидентство» в стране существовало. Прежде всего, его олицетворением были фарисеи, остававшиеся главными духовными и моральными учителями народа. Несмотря на то что они отказались присягать на верность Ироду, царь все же не решился их тронуть, понимая, что после этого мятеж станет неизбежным и в нем примет участие большая часть народа.

Кроме того, Ирод не тронул и ессеев — может, потому что считал их безобидными и безопасными для своей власти, а может, по той причине, что помнил о давнем предсказании ессея Манаима (Менахема) о том, что ему суждено стать «царем иудейским».

Очевидно, как и любого правителя, на руках которого была кровь тысяч и тысяч людей, Ирода мучил страх смерти, и, уже будучи царем, он велел разыскать и привести к нему Манаима, чья способность предвидеть будущее не вызывала у него теперь никаких сомнений.

На вопрос Ирода, есть ли у него в запасе еще хотя бы десять лет жизни, Манаим ответил, что царь может быть спокоен: у него есть еще и 20, и 30 лет жизни в этом мире, хотя и отказался назвать точную цифру.

Это предсказание, по всей видимости, успокоило Ирода, усилив его уверенность в себе, а заодно и обусловило его благосклонность к ессеям.

За годы нахождения на престоле Ирод и в самом деле построил множество крепостей и дворцов, причем точное время строительства многих из них остается неопределенным.

Трем новым крепостям он дал названия Антипатрида, Кипрон и Фасаилида — в честь покойных отца, матери и старшего брата. Одновременно он значительно укрепил и украсил новыми дворцовыми постройками Масаду, Гирканию и Иерихон.

Возможно, эти дворцы нельзя было отнести к жемчужинам архитектуры, но, судя по всему, каждый из них отличался изысканным вкусом, отлично вписывался в ландшафт, а его внутреннее устройство всегда учитывало местную розу ветров — так, чтобы даже в самую жару по залам гулял ветерок. Почти в каждом дворце обязательно имелись две большие пиршественные залы с богато отделанными стенами, просторная римская баня и большой бассейн — без бани и бассейна Ирод, судя по всему, жизни просто не мыслил. Ну и, само собой, во дворце были внутренние царские покои, комнаты для слуг и просторные апартаменты для гостей. Имена архитекторов этих дворцов до нас не дошли, но все историки сходятся, что Ирод принимал активное участие в планировании и строительстве каждого из них и, возможно, умел читать чертежи.

Значительная часть дворцов замысливалась как дачи, загородные резиденции царя, но в большинстве из них Ирод бывал крайне редко, в некоторых, возможно, вообще один-два раза в жизни.

Это, видимо, тоже один из признаков заболевания правителя паранойей, связанный, возможно,

со стремлением создать как можно больше убежищ на случай мятежа, или проявление своего рода мегаклаустрофобии. Так, Ласло Белади и Тамаш Краус отмечают, что у Сталина «имелось множество дач в различных районах страны. Были среди них и такие, где он за свою жизнь побывал лишь один раз, но содержание персонала, обслуживающего эти дачи, никак не противоречило его пуританской морали». И как тут не вспомнить «Орлиное гнездо» и другие резиденции Гитлера!

Вместе с тем ошибаются те, кто считает, что это строительство было хаотичным и Ирод вел его, руководствуясь исключительно своими прихотями. Когда смотришь на карту расположения выстроенных им замков и крепостей, то понимаешь, что они возводились в соответствии с государственными интересами. Вместе они создавали прочную оборонительную сеть с отличной системой дорог и возможностью быстрой передачи сигналов из одного конца страны в другой. Римлянам еще предстояло запутаться в этой сети во время Великого еврейского восстания, на подавление которого у них уйдут долгие шесть лет.

Особое внимание Ирод в первые годы своего царствования уделял Иерихону, который по праву называли «зимней столицей» иудейских царей — сюда с наступлением в Иерусалиме холодов они отправлялись наслаждаться мягким, благодатным климатом Иерихонской долины.

Не желая жить в старом дворце Хасмонеев, Ирод один за другим построил в Иерихоне три новых дворца, каждый из которых был краше предыдущего.

Еще одним грандиозным проектом Ирода 20-х годов до н. э. стала коренная перестройка Самарии, древней столицы Израильского царства, переименованной им по греческому аналогу имени Августа в Себастию.

Себастия, с одной стороны, должна была играть роль второй столицы, места, где Ирод мог бы найти прибежище и опору в случае потери Иерусалима, а с другой… отвечала его тайной тяге к язычеству, к греко-римской культуре. Здесь он мог себе позволить то, чего никогда не мог позволить в Иерусалиме, — построить храм в честь Августа и Рима, установить на улицах статуи, без всякой опаски построить в городе стадион, амфитеатр и ипподром. И само собой, Ирод обнес город новой, куда более мощной, чем прежде, стеной. Жители Себастии и самаритяне в целом высоко оценили вклад Ирода в развитие их области и всегда демонстрировали ему свои симпатии и преданность, понимая, что лучшего еврейского царя для них просто не может быть.

* * *

Среди грандиозных построек Ирода многие забывают упомянуть возведенную им над пещерой Махпела величественную гробницу, где, согласно еврейской и арабской традиции, покоятся тела патриархов Авраама, Исаака и Иакова, а также их жен Сарры (Сары), Ревекки (Ривки) и Лии (Леи). Весь характер каменной кладки и архитектура здания свидетельствуют о том, что оно сохранилось в том виде, в каком было отстроено в I веке до н. э.

Хотя точная дата строительства мемориала неизвестна, историки считают его единственным дошедшим до наших дней в целости и сохранности памятнике иродианской эпохи. Мы можем только догадываться, что побудило Ирода таким образом увековечить память патриархов. По одной из версий, самим этим строительством он хотел напомнить, что родоначальник еврейского народа Авраам не был евреем от рождения — он стал им, сделав свой выбор в пользу монотеизма, то есть по большому счету был таким же прозелитом, как и идумеи, как сам Ирод. «Если вы не желаете признавать меня полноценным евреем, то тогда давайте откажитесь и от своего праотца Авраама, который заодно был и праотцем идумеев!» — словно

говорил Ирод каждому, кто прибывал в Хеврон, эту колыбель нации и первую столицу царя Давида…

Строительная лихорадка Ирода была в самом разгаре, когда неожиданно грянула великая засуха и в Иудею пришел голод.

Глава пятая. Голодомор

С одной стороны, ничего необычного в том, что произошло, не было. Достаточно открыть Библию, чтобы убедиться, что засуха и голод — довольно частые гости в Земле обетованной. И праотец еврейского народа Авраам, и его внук Иаков в итоге вынуждены были вместе с семьями спасаться от этого бедствия в Египте, да и в более поздние времена евреи закупали там зерно.

Тем не менее наступивший при Ироде голод невольно вновь вызывает ассоциацию с фигурой Сталина (а также Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Пол Пота и других «великих вождей»). Странное дело: голод и тирания всегда идут рядом. Сталинский голодомор, к примеру, объяснялся последствиями недавней коллективизации; у голода в Китае и Кампучии также в первую очередь была политическая подоплека, и потому трудно поверить Флавию, что единственной причиной обрушившихся на Иудею голода и эпидемий была засуха. Очень вероятно, что возникновению голода в немалой степени способствовала налоговая политика Ирода, которому требовались колоссальные средства на все его «стройки века», наем искусных камнерезов, художников, мастеров по выкладыванию мозаики и т. д. И это не считая тех «подарков», которые он должен был отсылать в Рим, чтобы не потерять расположение Августа и его ближайшего окружения. Так что тот факт, что Ирод обирал народ Иудеи, сомнений не вызывает. Просьба снизить налоги была первой просьбой, с которой обратились граждане к его наследнику Архелаю. О непомерности его поборов не раз говорили еврейские делегации, посланные в Рим вскоре после смерти Ирода с все той же целью — упросить о снижении налогов. Вместе с тем, как увидит читатель ниже, Ирод правил Иудеей, как креативный менеджер управляет доверенным ему филиалом крупной компании. Он всегда чувствовал, когда народ «доведен до ручки», и по меньшей мере дважды за свое царствование объявлял о снижении налогов — но не как о шаге, необходимом для спасения экономики, а как о своей особой милости.

И все же засуха и в самом деле имела место и явно нанесла колоссальный удар по сельскому хозяйству всего региона, так как аналогичная ситуация возникла в тот год и в Сирии, Набатее и других странах Ближнего Востока.

В эти дни Ирод и решил сыграть роль библейского Иосифа и завоевать наконец любовь не только своих подданных, но и всех окрестных народов.

Собрав все имевшиеся запасы золота и серебра, Ирод отправил их римскому наместнику Египта Петронию с просьбой… продать ему все предназначенные для внешней торговли запасы зерна. Присланная Иродом огромная сумма, да и давнее личное знакомство сделали свое дело — Петроний согласился на сделку. Так что когда другие правители Средиземноморья прибыли в Египет, чтобы закупить зерно, им всем было отказано — по причине обещанного Ироду эксклюзивного права продажи.

Получив зерно, Ирод предусмотрительно отложил необходимую часть в посевной фонд, а затем приступил к бесплатной раздаче хлеба нуждающимся. При этом те, кто был в состоянии позаботиться о себе и своих семьях, получали определенное количество зерна — в соответствии с числом своих домочадцев, а старики и больные — уже готовый хлеб. Были

также пункты раздачи теплой одежды — в связи с тем, что порожденный засухой падеж скота привел к дефициту шерсти.

Затем Ирод решил поделиться (даром или нет — об этом ничего не сказано) огромным количеством купленного им хлеба с жителями Сирии и прибрежных средиземноморских государств, а во время посевной прислал им семена. Все это, безусловно, способствовало изменению к лучшему отношения к нему еврейского населения Иудеи, а также к значительному укреплению его позиций в регионе.

«Не было такого лица, постигнутого нуждой, которому он не помог бы сообразно средствам, — пишет Флавий. — При этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, которые впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что по точному подсчету оказалось, что царь раздал иностранцам десять тысяч кор хлеба (кор равняется десяти аттическим медимнам), а своим подданным — около 80 тысяч. Эта заботливость и своевременная помощь царя настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его среди других народов, что возникшая прежде к нему ненависть из-за введения новых порядков в царстве теперь прекратилась у всего народа, потому что царь своей щедрой помощью в столь опасную минуту примирил с собой всех. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность» (ИД. Кн. 15. Гл. 9:26. С. 126).

* * *

Разумеется, с этим панегириком в адрес Ирода можно поспорить. И уж что совершенно точно — «примирить с собой всех» ему не удалось. Не помогла даже объявленная после неурожая большая — на треть — скидка на все взимаемые налоги. Если благодаря благотворительности отношение народа к Ироду и в самом деле изменилось, то ненадолго. Это объяснялось и продолжением тайных и явных репрессий, и непомерными, несмотря на все скидки, поборами, и явным потаканием Ирода языческой культуре.

Между тем именно после окончания засухи — в 25–22 годах до н. э. — Ирод приступает к реализации своих самых грандиозных проектов.

Одним из них, вне сомнения, было строительство на месте небольшой Стратоновой крепости нового города Кейсария (в русских переводах она часто называется Цезарией) и прилегающего к нему грандиозного порта. Само имя города было, вне сомнения, еще одним проявлением «любви» и верноподданнических чувств Ирода к Цезарю Октавиану Августу.

И сегодня сотни тысяч туристов в год посещают развалины Кейсарии Ирода, чтобы полюбоваться раскопанными археологами остатками царского дворца, бани, ипподрома, храма Ромы и Августа и другими достопримечательностями. Но даже эти весьма впечатляющие археологические памятники не способны дать представление о том, насколько красивым, поистине поражающим воображение городом была Кейсария в эпоху Ирода. Достаточно сказать, что на ее берегу стоял маяк, соперничавший по своей красоте и размерам со знаменитым Фаросским маяком, а вход в гавань проходил мимо словно вырастающих из моря гигантских статуй, и еще издали подплывающие моряки могли полюбоваться сказочно красивым храмом Рома и Августа.

Впрочем, давайте снова предоставим слово Иосифу Флавию: «Найдя на берегу местность в высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновой башней, он (Ирод. — П. Л.) велел составить обширный план и приступил к постройкам, восстановил весь

город, притом из белого мрамора, и украсил его роскошными дворцами и общественными зданиями. Самым же замечательным его сооружением, отличавшимся как величиной, так и массой употребленного на него труда, была обширная гавань величиной с Пирейскую, представлявшая собой отличную стоянку и двойной ряд пристаней. Сооружение это было особенно замечательно тем, что царь не имел нужных материалов на месте, но должен был с большими издержками доставлять их издалека. Город этот расположен в Финикии, по дороге в Египет, между Яффо и Дором. Это два приморских пункта, неудобные по своей доступности ветрам, которые наносят здесь песок на морской берег и затрудняют причал, так что в большинстве случаев купцам приходится становиться на якорь в открытом море. Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии, и с этой целью приказал бросить в воду на глубину в двадцать аршин огромнейшие камни. Большинство из них имело 50 футов в длину, не менее восемнадцати футов в ширину и около девяти футов в вышину. Впрочем, тут были камни и поменьше. Половина этого сооружения представляла собой оплот против набегавших волн (почему и называлась молом), а другая половина представляла собой каменную стену с башнями…» (ИД. Кн. 15. Гл. 9:6. С. 127–128).

Историки сходятся во мнении насчет того, что почти вся Кейсария была построена из полированного белого мрамора или облицована им, Флавий явно погорячился. Большинство зданий в городе строились из местного камня, но затем их настолько тщательно и искусно штукатурили, что издали их можно было принять за мраморные. Кроме того, молы, видимо, сооружались не с помощью сбрасываемых в воду огромных камней, а коробами, заполненными известью, щебнем и пуццоланом, — в воде эта смесь затвердевала и превращалась в подобие бетона.

Но все остальное правда — и о множестве складов для товаров и гостиниц для моряков, и о храме, и о подведенном к городу водоводе, и о хорошо продуманной системе канализации. Причем на сооружение этого великолепия у Ирода ушло всего 20 лет.

Уже из приведенного отрывка из «Иудейских древностей» видно, что строительство Кейсарии было крайне сложной инженерной задачей, требовавшей участия опытнейших архитекторов, инженеров и прорабов, а также тщательного контроля за их деятельностью. Поэтому Ирод начал возведение нового города со своего дворца — чтобы иметь возможность посещать Кейсарию не реже трех-четырех раз в год и лично наблюдать, как продвигается работа. Судя по всему, он также лично участвовал в планировке города, в проектировании его важнейших зданий, а также предлагал собственные решения сложнейших технических и архитектурных задач. Не случайно израильский археолог Эхуд Нецер (архитектор по первому образованию) обронил, что Ирод родился великим инженером-архитектором, который в силу игры случая стал еще и царем и смог воплотить своей гений зодчего в жизнь[52].

Население Кейсарии было смешанным — здесь жили как евреи, так и греки, и римляне, и именно здесь Ирод как нигде чувствовал себя дома, в близкой ему культурной и языковой среде, чем и объяснялось, что он любил наезжать и подолгу гостить в этом своем детище.

* * *

Еще одним уникальным архитектурным творением Ирода стал загородный дворец Иродион, воздвигнутый, по сути дела, внутри высокого холма, неподалеку от того самого места, где в 40 году до н. э. бежавший из Иерусалима Ирод принял бой с посланными на его перехват воинами Антигона. Само это место невольно будило в царе воспоминания о победе в той битве, вселившей в него надежду на конечную победу над Антигоном и исполнение самых заветных чаяний. Причем воспоминания эти были настолько для него важны, что и мавзолей, где ему

предстояло упокоиться, Ирод построил именно у подножия Иродиона.

И сегодня, поднявшись по останкам древней лестницы на вершину Иродиона, мгновенно понимаешь всю стратегическую важность этой крепости, с которой легко просматривается вся округа и к которой крайне трудно подступиться для штурма.

На верхних этажах Иродиона располагались покои самого царя и его приближенных, а дальше начинался кажущийся бесконечным спуск вглубь горы и открывались все новые и новые комнаты для гостей, для челяди, для купания — с роскошными каменными и мраморными ваннами, размеры которых и не снились детям сугубо утилитарных XX и XXI столетий. И само собой, в Иродионе были кухни, склады для припасов и т. д.

Благодаря тому, что дворец был, как уже сказано, упрятан вглубь горы, в нем всегда царила приятная прохлада, а хорошо продуманная система освещения и вентиляции способствовала тому, что во всех комнатах было свежо и светло.

Вдобавок ко всему Ирод подвел к Иродиону воду, что позволило не только принимать ванны и наслаждаться баней (как же без этого!), но и разбить вблизи парк с фонтанами и амфитеатром.

В наши дни, когда Ирод ион окончательно раскопан, он является одной из важнейших достопримечательностей Иудеи, поражая и фантазией своего архитектора, и техническими знаниями и мастерством тех, кому довелось воплощать эту фантазию в жизнь.

И все же все грандиозные проекты Ирода по масштабу и сложности архитектурной и инженерно-строительной задачи меркнут перед его самым выдающимся деянием — перестройкой, а по сути дела, и строительством заново Второго иерусалимского храма.

Глава шестая. Строитель Храма

Согласно талмудической легенде, Ирод в итоге казнил всех членов синедриона, которые когда-то осмелились вызвать его на суд, оставив в живых только одного из них — Баву бен Буту.

Но это вовсе не означает, что Ирод пощадил этого мудреца. По его приказу Баве бен Буте выкололи глаза, затем подвергли жесточайшим пыткам, исколов его голову и облепив ее пиявками.

Слепого и ослабленного, его поселили в одной из крепостей Ирода, будучи формально свободным, но де-факто приговоренным к пожизненному заключению.

Но однажды дверь в хижину Бавы бен Буты распахнулась, и под видом случайного гостя вошел сам Ирод.

«Пришел Ирод, сел против него и сказал:

— Видел ли ты, что этот жестокий раб сделал?

— Что же я в силах сделать в отношении его? — спросил слепой Бава.

— Прокляни его!

— В Писании сказано: “Даже в помыслах не кляни царя”.

— Сказано “начальника в народе твоем не проклинай”, то есть преданного народу. Этот же —

враг народу! — И ты не бойся проклясть его: ведь кроме меня и тебя здесь нет никого.

— “Птица небесная может слово перенести и крылатая речь пересказать”.

— Знай же, это я, Ирод, говорю с тобою. И признаюсь: знай я, что иудейские ученые — люди столь строгой нравственности, я не казнил бы их. Ныне же чем я могу искупить преступление свое?

На это Бава ответил так:

— “Заповедь — светильник, и закон — свет”. Погасивший свет мира [казнью мудрых] пусть зажжет свет мира [восстановлением Храма]»[53].

Этот разговор, согласно Талмуду, и подвиг Ирода на перестройку Храма — таким образом он решил искупить свои грехи за жестокие деяния.

Понятно, что речь идет не более чем о легенде. Вопрос о том, какими именно мотивами руководствовался Ирод, затевая в 22 году до н. э. это грандиозное строительство, до сих пор вызывает ожесточенные споры между исследователями той эпохи.

Арье Кашер, к примеру, убежден, что Ирод, будучи одержим жаждой увековечить свое имя в истории, отождествлял себя с царем Соломоном и даже втайне считал себя его реинкарнацией. И так же как Соломон прославился прежде всего строительством Храма и царского дворца, Ирод, уже построивший два дворца в Иерусалиме, возмечтал воздвигнуть в столице Храм, который по своим размерам и великолепию не уступал бы Храму Соломона.

Не исключено, что именно отождествление с Соломоном и помогало Ироду находить самооправдание строительству языческих храмов, ведь царь Соломон, согласно Библии, тоже проявлял «религиозную терпимость» и построил множество храмов языческим богам для своих жен-нееврек.

Авраам Шалит в фундаментальной монографии «Ирод: Личность и деятельность»[54] идет еще дальше. Он выдвигает версию о том, что, начиная строительство Храма, Ирод был болен самой настоящей манией величия: он уверился в том, что является мессией, спасителем, или, если использовать греческий аналог ивритского слова «гоэль», Христом, пришествие которого предсказывали еврейские пророки. А в число тех деяний, которые должен совершить мессия, как известно, входит строительство Третьего храма. Первый храм был построен царем Соломоном, второй воздвигли евреи по возвращении из Вавилона — вот и выходит, что храм Ирода был третьим. Подтверждение своей гипотезы Шалит ищет в Новом Завете. По его версии, «иродиане», о которых упоминается в Евангелиях от Матфея (Мф. 22:16) и от Марка (Мк. 3:6; 12:13), — это как раз те, кто считал Ирода мессией.

При этом Шалит пытается объяснить, что сама трактовка Иродом понятия «мессия» в силу того, что он находился в сфере притяжения греко-римской культуры, отличалась от традиционной еврейской. Ирод якобы был убежден, что установленный Августом мировой порядок и стабильность являются незыблемыми, а значит, мессианские времена, предсказанные пророком Исайей, когда народы перекуют мечи на орала и лев уляжется рядом с ягненком, уже наступили. Его роль как мессии, таким образом, заключалась в том, чтобы превратить Иерусалим наряду с Римом в мировую столицу и принести мир и благоденствие еврейскому народу. И что самое интересное, он искренне верил, что принес такой мир и благоденствие — как опять-таки верили в это и такие диктаторы, как Сталин, Франко, Пиночет, Саддам Хусейн, Муамар Каддафи и др. Ирод, продолжает Шалит, возможно, считал, что, как и

Август, обладает не только человеческой, но и божественной природой. Сознавая, какое возмущение подобная идея может вызвать у евреев, он не решался ее оглашать, но за пределами Иудеи, если верить Флавию, согласился на то, чтобы его статуя была установлена в храме богини Сии возле города Канты.

Версия эта, безусловно, интересная, но, увы… совершенно неправдоподобная. Начнем с того, что статуи Ирода на развалинах Канты не обнаружено, и потому эти утверждения Флавия не заслуживают доверия. К тому же у нас нет не только материальных артефактов, но и каких-либо письменных источников, подтверждающих, что Ирод считал себя мессией.

Те же, кого Евангелия называют «иродианами», — это, по всей видимости, всего лишь придворные, причем отнюдь не Ирода Великого, а скорее всего, его внука Ирода Агриппы I. Нигде из текстов Евангелий нельзя понять, что «иродиане» считали Ирода мессией.

Наконец, самое главное заключается в том, что если бы Ирод и в самом деле считал себя Спасителем, он должен был пытаться обосновать эти претензии сведением своего родословия к царю Давиду, потомком которого, согласно пророкам, должен быть подлинный Мессия. Флавий, как уже говорилось, упоминает, что Николай Дамасский состряпал Ироду фальшивую биографию, в которой доказывалось, что он происходит не из идумеев, а от вернувшихся из Вавилона евреев. Но если Ирод и в самом деле имел мессианские претензии, что помешало бы тому же Николаю заявить, что его семья ведет свое происхождение от царя Давида?! Однако об этом у Флавия нет и речи.

Одна из ранних христианских легенд утверждает, что Ирод намеренно уничтожил архивы с родословными знатных иудеев, чтобы никто из них не мог кичиться своим происхождением и тем более доказать принадлежность к царской династии — идет ли речь о потомках Давида или о потомках Хасмонеев.

Есть исследователи, полагающие, что в основу легенды легли некие реальные события. Но если это так, то что опять-таки могло помешать Ироду сфабриковать какую угодно родословную, возводящую его корни к роду Давида?! И снова легенда ничего не говорит по этому поводу.

Словом, какой бы безумной ни казалась гипотеза Авраама Шалита, видимо, она все же недостаточно безумна, чтобы быть правильной.

Поэтому куда более убедительной кажется позиция того же Арье Кашера, Пола Джонсона и других авторов, считающих, что Иродом при принятии решения о перестройке Иерусалимского храма, помимо желания сравниться с Соломоном и оставить о себе вечную память, двигали вполне рациональные мотивы.

Согласно Джонсону[55], строительство Храма было частью все того же плана «интернационализации» Иерусалима и превращения его не только в столицу Иудеи, но и в духовно-культурный центр всего еврейского народа, к тому времени уже сильно разбросанного по многим странам мира. Ему было крайне важно, чтобы евреи диаспоры по меньшей мере три раза в год, как это предписано законом, совершали паломничество в Иерусалим, закупали бы жертвенных животных в Храме, делали бы пожертвования, ночевали в столичных гостиницах и т. д. — ведь все это приносило в казну колоссальные доходы. Но чтобы привлечь евреев в Иерусалим, город должен был по своему великолепию не уступать Риму и Александрии, а Иерусалимский храм должен был превосходить все известные языческие храмы — так, чтобы в Иерусалим стоило приехать только для того, чтобы посмотреть на него. Кроме того, Храм своим великолепием должен был привлекать и инородцев, проще говоря, способствовать

развитию международного туризма в Иудею, что тоже приносило немалые доходы.

Вне сомнения, одной из целей строительства Храма было и стремление Ирода таким образом «уравновесить» строительство им языческих храмов и других, чуждых еврейской культуре объектов. Вместе с тем Ирод понимал, что из-за ненависти, которую испытывает к нему значительная часть нации, это начинание может быть превратно истолковано как попытка разрушить Храм.

Поэтому прежде чем начать перестройку, Ирод собрал на построенном им городском стадионе лидеров фарисеев и саддукеев, крупных купцов и землевладельцев, а также открыл вход на стадион для всех желающих. Джонсон называет это собрание «Национальной ассамблеей», и, видимо, это в какой-то мере соответствует действительности.

По одной из версий, Ирода в тот день мучили страшные боли в спине (возможно, это были боли в почках — предвестники его будущей смертельной болезни), но он решил не откладывать столь важного мероприятия, попросил внести его на стадион на носилках и обратился к собравшимся, возлежа на кушетке.

Эта его речь в передаче Иосифа Флавия, как и речи перед армией и перед Августом, стала еще одним подтверждением незаурядного дара оратора.

«Дети моего народа!» — именно с этих слов, а не со слова «сограждане», используемого в каноническом переводе «Иудейских древностей» Г. Г. Генкелем, начал эту свою речь Ирод.

Эта фраза была крайне важной — Ироду необходимо было подчеркнуть свою принадлежность к евреям, заставить их этими словами пусть ненадолго забыть о его идумейском происхождении. В продолжение своей речи он еще раз прибегнет к этому приему, заявив, что Второй храм построили по возвращении из Вавилона «отцы наши» — именно «наши», хотя идумеев среди строителей этого Храма точно не было.

«…Говорить о всем, что сделано мною во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для своей собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И после того как я не забывал о вас в многоразличных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне с помощью и по желанию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, вы это сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколько поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение, приступить к которому я теперь имею в виду. Этот Храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей (30 метров. — *П. Л.*) в вышину, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспом, которым и потомкам которых были подвластны наши предки, равно как впоследствии они были подчинены македонянам. Поэтому они не имели возможности построить Храм такой высоты, какой бы требовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божией, правлю [самостоятельно], наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен,

объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Предвечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми он осыпал меня во время этого моего царствования».

Итак, как мы видим, на протяжении всей речи Ирод всячески стремится подчеркнуть свою связь с иудаизмом и верность ему; важно было убедить народ в том, что его правление угодно Богу и он действует исключительно по воле Бога. Таким образом он как бы отметает все обвинения в связи с язычеством и одновременно акцентирует внимание, что все его строительные проекты были направлены на благо нации и обеспечение безопасности страны.

Как уже отмечалось, в этом была немалая доля правды, так как построенные им крепости и дворцы в числе прочего способствовали укреплению обороноспособности Иудеи, подготавливая страну к отражению удара любого, самого сильного врага — включая парфян и не говоря уже о Набатее и других окрестных государствах.

Но вот слова Ирода о том, что он довел население страны «до такого цветущего состояния, которого раньше не достигал народ иудейский», — это был уже явный перебор. Ирод подобно царю Соломону и в самом деле подарил евреям несколько десятилетий мира и стабильности, и это отчасти действительно привело к некоторому повышению уровня жизни, особенно в крупных городах. Однако при этом он явно «забыл», что именно при нем резко возросли налоги; сельское население и население иудейской глубинки нищало, да и саму атмосферу в стране трудно было назвать нормальной.

«Цветущее благосостояние» было той иллюзией, в которую верил сам Ирод и которую ему очень хотелось внушить другим. Так что эта его фраза невольно заставляет вспомнить известный анекдот советской эпохи, передающий впечатления одного из делегатов съезда КПСС: «На съезде говорили: “Все во имя человека, все для блага человека!” Я даже видел этого человека!»

Но цель, которую поставил Ирод, — восстановить Храм в тех размерах и в том великолепии, каким он был во времена Соломона, — и в самом деле захватила и воодушевила всех участников Национальной ассамблеи.

Правда, когда первое впечатление от речи царя прошло, у многих из собравшихся возникли вопросы, которыми, судя по всему, они тут же забросали Ирода. Тон дискуссии задали все те же фарисеи, заявившие, что они выступают категорически против разрушения действующего Храма, так как разрушать — не строить, а после того как Храм будет разрушен, еще неизвестно, сможет или захочет Ирод строить новый. Более трезвые головы напрямую спросили Ирода: сознает ли он всю грандиозность такого проекта, хватит ли у него для этого материальных и человеческих ресурсов?

Но Ирод, похоже, был к такого рода вопросам готов. Более того, как любого одержимого мегаломанией человека, его пьянили именно масштабы его замысла.

Поэтому он поспешил ответить, что Храм будет продолжать действовать на протяжении всего времени строительства, и каждая его часть будет сноситься лишь после того, как все будет готово к ускоренному строительству ее аналога. Вслед за этим Ирод добавил, что у него есть предельно четкий план перестройки Храма с конкретными расчетами всего, что для этого необходимо.

И, судя по всему, так оно и было.

* * *

Чрезвычайно любопытно, что при перестройке Храма Ирод отказался от какого-либо принудительного труда. Вместо этого он нанял десять тысяч строителей, каменотесов, резчиков по камню, плотников и т. д., которые получали регулярную зарплату. В зависимости от квалификации зарплата рабочего составляла от одного до двух с половиной динаров в день. Так как внутрь самого Храма было запрещено входить кому-либо, кроме священнослужителей-коэнов, Ирод решил организовать, как сейчас бы сказали, курсы переквалификации, на которых тысяча коэнов обучалась различным строительным специальностям, с тем чтобы потом вести работы в сакральных частях Храма. Кроме того, он подарил каждому из коэнов новую рабочую одежду.

Если исходить из того, что всех строителей Храма Ирод поселил либо в Иерусалиме, либо в его окрестностях, и предположить, что каждая семья строителя состояла в среднем из четырех человек (хотя на самом деле семьи тогда были куда большими), то это означает увеличение населения города на 40 тысяч человек. В связи с этим возникает вопрос: какой же на тот момент была общая численность населения Иерусалима, если он с такой легкостью «проглотил» подобную массу людей? По этому поводу между историками ведутся ожесточенные споры. Некоторые считают приведенные Флавием цифры завышенными. Другие напоминают, что в то время в Иудее жило порядка двух миллионов человек, а потому не стоит удивляться тому, что в столице обреталось несколько сотен тысяч. Вдобавок город был подготовлен к приему на праздники множества паломников, так что увеличение его населения на 40–50 тысяч человек было хоть и заметным, но отнюдь не драматическим событием.

Для перевозки камней к Храму Ирод заготовил тысячу подвод и десятки тысяч голов тяглового скота, в первую очередь быков. Для строительства Ирод использовал камни различных размеров, от небольших (0,4x0,2x0,2 метра), которые укладывались вручную, до камней длиной 2,5 метра и весом до 50 тонн, которые сегодня можно увидеть у остатков южной стены Храма — так называемой Стены Плача.

В среднем же вес камней, использованных при строительстве, составлял от двух до пяти тонн. Камень на стройку доставлялся из местных каменоломен. Это был обычный известняк, но каменотесы так искусно обрабатывали его, что из-за игры между впадинами и выпуклостями поверхность приобретала лазоревый оттенок.

Талмуд утверждает, что в какой-то момент Ирод хотел позолотить внешние стены, окружающие комплекс на Храмовой горе, но мастера отговорили его, убедив, что естественная красота камня производит куда большее впечатление.

Для строительства Храма Ирод использовал фундамент, заложенный еще царем Соломоном, прочность которого обеспечивалась за счет особой технологии, разработанной в ту эпоху, то есть приблизительно в X–IX веке до н. э., — камни в фундаменте удерживались не только под действием собственной силы тяжести, но и специальными свинцовыми скрепами. Второй иерусалимский храм был построен по возвращении из Вавилона Зоровавелем на том же самом месте, где стоял Храм царя Соломона, и по тому же плану. Здесь же осуществлял все свои реконструкционные работы и Ирод, очевидно, пользуясь тем же планом. Площадь той части Храма, на которую был разрешен вход только евреям[56], осталась при нем практически неизменной и составляла 250x250 метров. Однако Ирод расширил общую территорию Храмового комплекса на 485 метров на запад, 280 метров на юг, 460 метров на восток и 315 метров на север. Причем все рвы и овраги вокруг Храма были засыпаны, превратившись в ровную площадку. На созданной дополнительной площади было значительно расширено женское отделение, построены великолепные здания для храмовой казны, архива, складов и других нужд, а также множество микв — ритуальных бассейнов, в которые евреям предписывается окунаться перед посещением Храма. Весь комплекс, как уже упоминалось,

был обнесен массивной стеной шириной в 6 и высотой в 20 метров.

Ирод также значительно увеличил размеры Храма. Если высота главной башни Храма, построенной Зоровавелем, составляла порядка 30 метров, то Ирод увеличил ее до 63 с лишним метров (120 локтей), то есть сделал по размеру точно такой же, как при Соломоне. Длина и ширина перестроенного Иродом основного здания Храма составляли свыше 50 метров (при Соломоне длина была чуть больше 30 метров, ширина — 10,5 метра).

Но главное заключалось не столько во внушительных размерах Храма, сколько в его внешнем великолепии: «Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпицами, для того чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнить его. Каменные глыбы, из которых он был построен, имели до сорока пяти локтей длины, пяти — толщины и шести — ширины. Перед ним стоял жертвенник вышиной в пятнадцать локтей, тогда как длина и ширина его были одинакового размера в пятьдесят локтей. Он представлял собою четырехугольник и имел на своих углах горообразные выступы: с юга вела к нему слегка подымавшаяся терраса. Он был сооружен без железного инструмента и никогда железо его не коснулось. Храм вместе с жертвенником были обведены изящной, сделанной из красивых камней решеткой около локтя вышины, которая отделяла священников от мирян» (ИВ. Кн. 5. Гл. 5:6. С. 404–405).

С севера к Храму примыкали старый дворцовый комплекс Хасмонеев Варис и относительно новая Антония, подземные ходы от которой вели на территорию Храмового двора. Вместе они составляли гигантский оборонительный комплекс, способный выдержать долгую осаду, и именно этому комплексу предстояло стать последним оплотом защитников Иерусалима в 70 году н. э.

Архитектуре, внутреннему убранству и процессу строительства Храма посвящены сотни монографий и научных исследований; уже давно подробно высчитано, сколько квадратных метров камней различного вида было употреблено при строительстве, разъяснена техника их укладки и подъема, и автору лишь остается отослать читателей, интересующихся этим кругом вопросов, к соответствующим сочинениям[57].

Мы же отметим, что из приведенных выше данных легко понять, что строительство Иерусалимского храма было достойным Ирода грандиозным инженерным проектом, требующим хорошо отлаженной организации работ.

Не случайно более двух лет у Ирода ушло только на подготовку к строительству. Само главное храмовое здание было перестроено в рекордные для той эпохи сроки — в течение полутора лет, но еще восемь лет Ирод занимался обустройством Храмового двора, возведением на нем новых зданий и типичной для римской архитектуры тройной колоннады. Причем, согласно талмудическому преданию, в течение всего времени перестройки Храмового комплекса дожди в Иерусалиме шли только по ночам и таким образом не мешали работе. В народе это было воспринято как явный знак того, что эта деятельность Ирода была угодна Всевышнему. Освящение нового главного здания Храма было, по всей видимости, отпраздновано в 17 году до н. э., причем Ирод превратил эту дату в двойной праздник, приурочив ее к двадцатилетней годовщине своего восшествия на престол.

Другие основные работы по строительству Храма продолжались до 10 года до н. э., но, по сути

дела, они велись еще многие годы преемниками Ирода и окончательно были завершены лишь в 67 году до н. э., с тем чтобы спустя три года римляне разрушили Храм до основания.

О красоте отстроенного Иродом Храма свидетельствует не только Флавий. Талмуд утверждает, что тот, кто не видел этот Храм, перестроенный Иродом, не видел подлинно красивого и великолепного здания, а значит, не может и осознать, что такое подлинная красота и великолепие в архитектуре. Свидетельства этому можно найти и в Новом Завете: «И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!» (Мк. 13:1). Даже Тацит, будучи патологическим ненавистником евреев, называл Иерусалим в своей «Истории» «достославным городом», правда, при этом делая особый упор на его постоянную готовность к обороне. С этой точки зрения он смотрел и на Иерусалимский храм: «Храм тоже представлял собой своеобразную крепость; его окружала особая стена, сооруженная с еще большим искусством, чем остальные, постройка которой стоила еще большего труда; даже портики, шедшие вокруг всего храма, могли быть использованы при обороне как опорные пункты. Тут же бил неиссякающий родник, в горе были вырыты подземные помещения, устроены бассейны и цистерны для хранения дождевой воды»[58].

* * *

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос: неужели римляне вплоть до Великого восстания не понимали, что Храм, особенно в том виде, в каком его преобразовал Ирод, является одновременно великолепным оборонительным форпостом? Неужели ни Августу, ни другим императорам ни разу не закралось в душу подозрение, что евреи, перестраивая Храм, готовятся к новому мятежу против Рима?!

Разумеется, подобные подозрения возникали, и неоднократно.

Именно по этой причине римляне отдали указание прекратить все работы в Храме во времена Агриппы, пожалуй, самого националистически настроенного из потомков Ирода. Но вот по поводу Ирода таких подозрений, похоже, не было, либо и Август, и его ближайший сподвижник Марк Агриппа носили их в себе, демонстрируя и на людях, и наедине с Иродом полное доверие к нему. Более того, как сообщает Филон Александрийский, Август и его жена сделали щедрые подарки Иерусалимскому храму и передали огромную сумму на закупку скота для жертвоприношений от их имени.

Возможно, отчасти это объяснялось тем, что еще за несколько лет до начала строительства Храма Ирод отправил двух сыновей от Мариамны, Александра и Аристобула, в Рим. Сразу после приезда юноши были представлены Августу, и тот предложил сыновьям царя-клиента пожить у него во дворце, однако это предложение было вежливо отклонено. Александр и Аристобул предпочли поселиться у старого друга отца, Полиона — человека сказочно богатого, вхожего в коридоры власти, но все же не императора, с которым постоянно надо быть начеку.

Официальной целью прибытия царских сыновей в Рим была учеба. Ирод и в самом деле отослал их из Иудеи, опасаясь, что здесь они подвергнутся «пагубному влиянию» еврейских националистов, и стремясь приобщить их к великой греко-римской культуре. Однако одновременно — и Август это прекрасно понимал — они были обычными заложниками, гарантией того, что Ирод ради жизни сыновей никогда не осмелится действовать во вред Риму. Другое дело, что Августу еще предстояло убедиться, насколько дешево ценит Ирод жизнь собственных детей.

Вдобавок Ирод регулярно отсылал дорогие подарки Августу, а также продолжал оказывать

римлянам при необходимости помощь военной силой, так что у Рима не было ни малейшего повода усомниться в его лояльности. Более того, Ирода в Риме называли «филокейсаром»[59] — «любящим Цезаря». Это прозвище подчеркивало и уверенность в его лояльности, и особый характер его отношений с императором.

* * *

За год до оглашения плана строительства Храма, в 23 году до н. э. произошел ряд событий, которые, с одной стороны, значительно расширили владения Ирода, а с другой — еще больше укрепили его отношения с Августом и Агриппой.

Началось все с того, что жители Авранитиды (Хаврана) и Васана (Башана) — небольших княжеств, расположенных на восточном берегу Иордана, стали жаловаться в Рим на Зенодора, правителя соседнего Трахона (Трахонитиды).

Формально Зенодор арендовал Трахон у его законного правителя Лисания и получал с него налоги. Однако так как собираемых налогов Зенодору казалось недостаточно, он разрешил нескольким местным племенам, живущим в скальных пещерах (Флавий называет их «разбойниками»), беспрепятственно грабить жителей Васана и Авранитиды при условии, что они будут делиться с ним добычей. Судя по всему, Трахон, как и Набатея, был населен протоарабскими племенами, которые позже стали называться бедуинами и для которых разбойные нападения были частью образа жизни.

Август решил проблему просто: он велел передать все три области под управление Ирода, с тем чтобы тот покончил с «разбойниками».

У Ирода, как помнит читатель, был большой опыт выкуривания еврейских партизан из галилейских пещер, и теперь он успешно использовал его, вернув местным жителям мир и спокойствие.

Зенодор, разумеется, попытался обжаловать в Риме решение Августа, но безуспешно. Тогда, все еще считая Авранитиду своей вотчиной, Зенодор продал эту область арабам за 50 талантов. Однако когда арабы попытались предъявить права на Авранитиду, они, понятное дело, встретили жесткий отпор со стороны Ирода.

Так на Восточном берегу Иордана началось новое противостояние между арабами и Иродом, в ходе которых первые то и дело совершали набеги на земли, которые считали своими владениями, а Ирод в ответ проводил «контртеррористические операции», так как получил право на Авранитиду по указу императора.

После такого подарка от Августа Ирод с полным правом мог утверждать, что он сумел расширить границы Иудейского царства так, как не удавалось ни одному еврейскому царю со времен царя Давида. Вдобавок он вернул Храму и Иерусалиму то величие, каким они обладали разве что во времена царя Соломона. Однако в глазах народа он по-прежнему был не законным монархом, а ставленником Рима, отобравшим трон у законной династии Хасмонеев.

* * *

Последнее ощущение во многом усиливалось в связи с тем, что Ирод издавал законы, нередко шедшие вразрез с лежащими в основе еврейского права законами Торы. Иосиф Флавий приводит лишь один пример: закон о продаже тех, кто был пойман на воровстве, в рабство за пределы страны.

С точки зрения еврейской традиции трудно было придумать более нелепый и жестокий закон. Согласно Пятикнижию, вор наказывается исключительно возвращением краденого и выплатой денежной компенсации за свое преступление, сумма которой не может превышать четырехкратной стоимости украденного имущества. В случае, если у вора нет таких денег, он может быть продан в рабство. Но во-первых, вор-еврей может быть продан в рабство только еврею — чтобы он мог соблюдать субботу, кашрут и другие заповеди иудаизма. А во-вторых, пребывание в рабстве не может длиться более шести лет — по наступлении седьмого, «субботнего», года все рабы должны быть отпущены на свободу.

Согласно же закону Ирода, вор продавался в рабство за пределы страны, то есть, вероятнее всего, в руки неевреев, и пожизненно.

Неудивительно, что новое постановление было воспринято в народе как еще один акт царя-тирана, попирающего законы, данные еврейскому народу Богом.

Исследователи эпохи Ирода при этом задаются вопросом: почему из всех законодательных актов, оскорблявших национальные традиции евреев (а их, судя по всему, было немало), Флавий решил рассказать именно об этом?

Дело, видимо, заключалось в том, что хотя официальной целью данного закона была борьба с преступностью, он позволял Ироду расправляться с инакомыслящими. Если одних иудейских диссидентов того времени ждали казематы и пыточные камеры Александриона и Гиркании, то других попросту обвиняли в воровстве и продавали в пожизненное рабство далеко за пределы родины.

Если это было так, то данный закон и в самом деле должен был вызвать в народе утроенную ярость. Хотя самые страшные деяния Ирода были еще впереди…

Часть третья. «Шизофрения, как и было сказано»

Глава первая. Отец и сыновья

В 16–17 годах до н. э. Ирод неожиданно отправился в Рим, чтобы убедить Августа отпустить домой Аристобула и Александра, уже вступивших в пору юности. Формальным поводом для этого стало окончание ими учебы, но напомним, что два этих сына Ирода, рожденных ему царицей Мариамной, находились в Риме в качестве своего рода заложников.

Август принял Ирода как лучшего друга и без всяких оговорок поспешил удовлетворить просьбу гостя. Тем самым он показал, что, когда речь заходит об Ироде, в заложниках нет никакой нужды.

Но что двигало самим Иродом, когда он решил вернуть сыновей домой?

Конечно, можно предположить, что это была родительская любовь. Более того, хочется верить, что в Ироде еще сохранились живые человеческие чувства, в том числе и столь естественное чувство, как любовь к детям. Это кажется тем более вероятным, что Аристобул и Александр были внешне очень похожи на мать и сам их облик должен был будить в Ироде воспоминания о самой любимой из всех его женщин.

Но с другой стороны, это же обстоятельство должно было одновременно будить в нем и чувство вины, а вместе с ним и ненависть…

Но увы, именно эта версия вызывает наименьшее доверие — по той причине, что психология всех тиранов приблизительно одинакова и в ней крайне редко остается место для родительских чувств. Вспомним хотя бы, что пишет Д. А. Волкогонов о Сталине, и по психологии, и по самой судьбе во многом напоминавшем Ирода: «Раньше он почти никогда не думал о детях. Было просто не до этого. Он их, по сути, и не знал. Со смертью Якова исчезло куда-то вечное раздражение, когда он слышал имя старшего сына. С Василием спокойно разговаривать не мог… Впрочем, о дочери он знал гораздо меньше, чем знают нормальные отцы. Пожилые люди любят внуков, им они отдают всю нерастраченную на детей любовь… Сталин не хотел видеть внуков и половины из них совсем не знал. Человеческие чувства — сыновняя, отеческая, стариковская любовь — были ему неведомы. Диктатор потому и становится им, что он не только многое приобретает, но и еще больше теряет. Прежде всего — из сокровищницы общечеловеческих чувств»[60].

Все это можно повторить и про жившего за две тысячи лет до Сталина Ирода: он вряд ли когда-либо думал о детях и, уж что совершенно точно, до определенного возраста почти с ними не общался.

Возможно, одним из мотивов, побудивших его вернуть сыновей Мариамны в Иудею, были дошедшие до него слухи, что мальчики, вопреки ожиданиям, предпочитают общаться не с римлянами, а со своими соплеменниками, регулярно ходят в синагогу, где им внушают, что они должны отомстить отцу за убийство матери.

Впрочем, нельзя исключать, что в Ироде боролись оба этих чувства — любовь к сыновьям и страх, что они могут устроить в Риме заговор с целью его свержения.

Несомненно одно: народ встретил возвращение Александра и Аристобула с восторгом. Жители Иерусалима мгновенно обратили внимание на фамильное сходство двух высоких, статных юношей с Хасмонеями. Их право на престол не вызывало сомнений, а значит, оставалось только дождаться смерти ненавистного узурпатора и восшествия одного из детей Мариамны на трон.

Но то, что вызвало такое ликование в народе, вселяло страх и ненависть в черную душу их тетки Саломеи. С появлением во дворце юных царевичей ее давняя, почти патологическая неприязнь к их матери вспыхнула с новой силой — и, разумеется, перенеслась на племянников. Кроме того, и Саломея, и ее челядь не могли не понимать, что Александр и Аристобул в год казни матери были достаточно большими, чтобы вникать в разговоры взрослых и осознавать, кто именно является главным виновником их сиротства. А если даже сами они до этого не додумались, то, вне сомнения, нашлись «добрые люди», которые им это разъяснили.

Таким образом, ни у Саломеи, ни у ее приближенных не было ни малейшего сомнения, что если один из сыновей Мариамны станет царем, с плеч в первую очередь полетят их головы. А значит, такой сценарий надо было предотвратить любой ценой.

В поисках путей достижения этой цели Саломея сначала попыталась внушить брату, что он привез в Иерусалим своих будущих палачей, что юноши видят в нем не столько отца, сколько убийцу матери, но, к ее разочарованию, эти доводы в тот момент не вызвали у Ирода ожидаемого отклика.

Кто знает, может, Флавий и прав, когда пишет, что в те дни у царя «чувство родительской любви было еще сильнее всякой подозрительности и клеветы».

Потерпев первую неудачу, Саломея решила действовать более тонко: ее наймиты стали

распространять по Иерусалиму слухи, что юные царевичи тяготятся обществом отца, ненавидят его и мечтают лишь о его смерти, а затем шпионы Ирода докладывали ему об этих слухах как о «гласе народа».

Однако любопытно, что у Ирода тогда вновь достало ума понять, кто именно инспирирует эти слухи. Понял он и опасения сестры, а потому, желая установить мир в собственном доме, придумал замечательный, как ему казалось, выход: женил Аристобула на своей племяннице, дочери Саломеи Беренике. Теперь тетка стала одновременно и тещей Аристобула и, казалось, должна была ради дочери быть кровно заинтересована, чтобы ее зять стал наследником престола. Впрочем, те, кто знал Саломею, понимали всю шаткость подобных расчетов Ирода: если эта женщина кого-то ненавидела, то ненавидела до конца, до исступления, до смерти, и никакие родственные отношения не могли этому помешать. Она уже отправила на плаху двух мужей, так что ей стоило проделать то же самое с племянниками, рожденными ненавистной золовкой?!

Между тем свадьбу Аристобула и Береники все восприняли как однозначное свидетельство того, что Ирод сделал выбор наследника престола. Это же, казалось, подтверждал и следующий его шаг: чтобы избежать борьбы между братьями за власть, он женил Александра на Глафире — дочери царя Каппадокии Архелая, обеспечив тем самым трон и этому сыну.

* * *

Вскоре важные государственные дела надолго отвлекли Ирода от семейных дрязг.

В 15 году до н. э. на Восток вновь прибыл Марк Випсаний Агриппа, зять и ближайший сподвижник Августа, и Ирод немедленно помчался навстречу гостю, чтобы зазвать его в Иудею — ведь это была уникальная возможность еще больше сблизиться и укрепить отношения со вторым после императора человеком в Риме. Кроме того, Ироду не терпелось показать Агриппе, как преобразилась страна за время его правления, похвастаться своими грандиозными стройками, которые по достоинству могли оценить лишь люди с подлинно имперским мышлением, а Агриппа был как раз из их числа.

Как и в предыдущий раз, Ирод принял Агриппу с царскими почестями и сразу после прибытия повез в обзорную поездку по стране.

Для начала он показал ему все еще строившуюся и с каждым днем все более хорошеющую Себастию, затем Иродион, Гирканию, Александрион и уже оттуда повез в Кейсарию. Агриппа не скрывал своего восхищения, одновременно, возможно, подсчитывая в уме, во сколько Ироду могли обойтись все эти гигантские стройки и откуда тот взял на это деньги.

И все же самый большой сюрприз его ждал в Иерусалиме: и дворец Ирода, и отстроенный им Храм буквально ошеломили много повидавшего на своем веку римлянина.

При этом Ирод тщательно продумал все детали приема Агриппы в столице. На улицах его встречали ликующие толпы народа, согнанные стражниками, чтобы продемонстрировать любовь и верноподданнические чувства иудеев к Риму, которых на деле не было и в помине. Правда, когда евреи увидели, с каким уважением высокий римский гость относится к Храму, заметили проявляемое им уважение к еврейским обычаям, показная радость сменилась симпатией. Симпатия эта особенно усилилась, когда стало известно, что Марк Агриппа, во-первых, сделал щедрые пожертвования Храму, во-вторых, дал деньги на то, чтобы в течение всего времени его пребывания в Иерусалиме в Храме приносились благодарственные жертвы от его имени, а в-третьих, велел накрывать в городе столы с бесплатным угощением для всех

желающих.

Повсюду, где он появлялся, Агриппу сопровождал Ирод, и оба они не скупились на комплименты друг другу. Судя по всему, Флавий не сильно преувеличивает, когда пишет, что Ирод в то время «мог считать себя первым любимцем Августа после Агриппы и любимцем Агриппы после Августа» (ИВ. Кн. 1. Гл. 20:4. С. 89–90).

Впечатление, оставленное Марком Агриппой в Иерусалиме, было так велико, что народ даже не особенно возражал, когда Ирод решил назвать в его честь одни из городских ворот (по другой версии — одни из ворот Храма), а Филон Александрийский спустя несколько десятилетий вспоминал о нем в своем сочинении «О посольстве к Гаю»:

«Вот Марк Агриппа, твой дед по матери: он прибыл в Иудею в царствование Ирода, моего деда, Агриппа решил, что нужно подняться от моря в столицу, вглубь материка; увидев храм, облачения священников и обряды, благоговейно творимые местными жителями, он восхитился и решил, что увидал что-то такое, чье священное великолепие выше человеческого понимания; и с теми, кто был тогда при нем, он говорил только о Храме, превознося его и все связанное с ним. И сколько дней он оставался в Иерусалиме из любезности к Ироду, столько дней он приходил к святилищу и с наслаждением наблюдал и приготовления к обряду, и жертвоприношения, и порядок богослужения, и величественного первосвященника, который в священном одеянии творил священный обряд.

Украсив Храм всеми подобающими дарами, осыпав жителей всеми возможными — но только не во вред! — благодеяниями, щедро обласкав Ирода и будучи в ответ обласкан сам еще щедрее, Агриппа был препровожден до гавани, и провожал его не один город, но вся страна, и благочестие его стало предметом нескончаемого восхищения»[61].

Между тем близилась зима, и Агриппа заторопился в Ионию, чтобы оттуда начать поход на Крым, где снова начались антиримские волнения. Ирод, как и предписывал обычай, проводил Агриппу до самой границы Иудеи, не забыв осыпать подарками не только самого гостя и его супругу, но и всю их свиту. А с наступлением весны Ирод неожиданно для всех и, возможно, для самого себя решил сопровождать Агриппу в его морском походе — может, еще и потому, что его слишком тяготили семейные распри и хотелось хоть немного развеяться.

Поначалу Ирод со своей небольшой военной флотилией рассчитывал нагнать Агриппу у Лесбоса, но начавшаяся буря заставила его пришвартоваться к Хиосу, где он начал осыпать деньгами местных жителей и заодно выделил необходимые средства на восстановление общественных зданий, разрушенных несколько десятилетий назад во время войны с Митридатом.

Догнать Агриппу получилось лишь на Черном море, возле Синопа, и, по словам Флавия, внезапное появление Ирода с подкреплением доставило Агриппе удовольствие — римлянин увидел в этом жест истинного друга, решившего ради оказания ему помощи отложить в сторону важные государственные дела.

Надо заметить, что поход на Босфор — один из самых загадочных походов Агриппы. Мы весьма смутно представляем как его цели, так и то, о каких именно боях говорит Флавий, рассказывая о том, как Ирод во время них неотлучно находился при Агриппе, будучи ему и союзником, и советником, и другом. Если такие бои и были, то их было немного, и вскоре Агриппа с Иродом засобирались назад, но уже не морем, а посуху — через десятки подвластных Риму государств, лежащих на берегах Черного и Средиземного морей.

Почти в каждом городе, где они оказывались, Ирод сорил деньгами, одаривая ими местное население, выделяя огромные суммы на общественные нужды. Бывало и так, что он гасил долги этих городов Риму по налогам и выступал в качестве заступника туземного населения перед Марком Агриппой.

Флавий пишет об этом и в «Иудейских древностях», и в «Иудейской войне», причем в последней он дает как бы обзор тех благодеяний, которые Ирод сделал для различных стран и областей Римской империи: «После всех этих многочисленных строений Ирод начал простирать свою княжескую щедрость также и на заграничные города. В Триполисе, Дамаске и Птолемаиде он устроил гимназии; Библос получил городскую стену; Берит и Тир — колоннады, галереи, храмы и рынки; Сидон и Дамаск — театры; морской город Лаодикея — водопровод, Аскалон — прекрасные купальни, колодцы и, кроме того, колоннады, возбуждавшие удивление своей величиной и отделкой; другим он подарил священные рощи и луга. Многие города получили от него даже поля и нивы, как будто они принадлежали к его царству. В пользу гимназий иных городов он отпускал годовые или постоянные суммы, обусловливая их, как например в Кое, назначением в этих гимназиях на вечные времена состязательных игр с призами. Сверх всего этого он всем нуждающимся раздавал даром хлеба. Родосцам он неоднократно и при различных обстоятельствах давал деньги на вооружение их флота. Сгоревший Пифийский храм он еще роскошнее отстроил на собственные средства. Должно ли еще упомянуть о подарках, сделанных им ликийцам или самосцам, или о той расточительной щедрости, с которой он удовлетворял самые разнообразные нужды всей Иоппии? Разве Афины и Лакедомония, Никополис и Мизийский Пергам не переполнены дарами Ирода? Не он ли вымостил в Сирийской Антиохии болотистую улицу длиной в 20 стадий гладким мрамором, украсив ее для защиты от дождя столь же длинной колоннадой?

Можно, однако, возразить, что все эти дары имели значение лишь для тех народов, которые ими воспользовались. Но то, что он сделал для жителей Илиды, было благодеянием не для одной Эллады, а для всего мира, куда только проникала слава Олимпийских игр. Когда он увидел, что эти игры вследствие недостатка в деньгах пришли в упадок и вместе с ними исчезал последний памятник древней Эллады, Ирод в год Олимпиады, с которым совпала его поездка в Рим, сам выступил судьей на играх и указал для них источники дохода на будущие времена, чем и увековечил свою память как судьи на состязаниях. Я никогда не приду к концу, если захочу рассказать о всех случаях сложения им долгов и податей; примером могут служить Фазаелида [Фасаилида] и Валанея, а также города на киликийской границе, которым он доставлял облегчение в ежегодных податях. В большинстве случаев его щедрость не допускала даже подозрения в том, что, оказывая чужим городам больше благодеяний, чем их собственные властители, он преследует этим какие-либо задние цели» (ИВ. Кн. 1. Гл. 21:11–12. С. 96–97).

Такая расточительность не могла не вызвать возмущения в народе, убежденном, что царь тратит на чужеземцев те самые деньги, которые он собрал с помощью грабительских налогов со своих соотечественников. Не случайно, когда уже после смерти Ирода представительная еврейская делегация направилась в Рим, ее члены заявили Августу: «Не царя мы имели в Ироде, а лютейшего тирана, какой когда-либо сидел на троне. Он убил бесчисленное множество граждан, но участь тех, кого он пощадил, была такова, что они завидовали умершим, ибо он пытал своих подданных не только поодиночке, а мучил целые города. Иностранные города он разукрашивал, а свои собственные злоупотреблял. Он чужим народам дал подарки, к которым прилипла кровь иудеев».

Однако и в данном случае все не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Ирода, конечно, можно было обвинить в том, что он потакал язычеству, однако при этом

подозрения, что он сам был тайным язычником, явно не состоятельны. Результаты археологических раскопок дворцов Ирода однозначны: ни в одном из них не было найдено до сих пор изображений человека или животных, то есть в личной жизни Ирод однозначно следовал заповеди «Не сотвори себе кумира». На выпущенных им в разные годы монетах (а Ирод имел право чеканить только пруты — мелкие брозовые монеты небольшого номинала) мы находим надпись на греческом «Базилевс Ирод», якоря, пальмовые листья и виноградные лозы, но никогда — профиля правителя или изображения человека в рост, что было распространено во всем Древнем мире. Таким образом, и здесь никак нельзя упрекнуть Ирода в тяготении к язычеству…

Вне сомнения, соря деньгами за пределами Иудеи, Ирод тешил свое тщеславие и способствовал умножению своей популярности в окрестных странах. Однако не стоит забывать о том, что в большинстве этих стран жила большая еврейская диаспора и местное население нередко относилось к евреям враждебно. Дело было не только в том, что монотеизм, еврейская религия были для остальных народов чужды и загадочны, а окружавшие жизнь евреев многочисленные запреты и ограничения вызывали неприязнь. Дело было еще и в том, что, живя в этих странах, евреи отнюдь не спешили слиться с соседями, продолжали жить наособицу и по-прежнему считали своей родиной Иудею, оставаясь связанными с ней тысячами незримых нитей. Ежегодно многие из них совершали предписанное законом паломничество в Иерусалим и отправляли в Иерусалимский храм огромные пожертвования, в то время как, по мнению их соседей, эти деньги можно было потратить на строительство гимнасий, бань, театров и другие цели в местах их проживания. Таким образом, коренное население средиземноморских стран, по сути, предъявляло живущим среди них евреям те же претензии, которые евреи Иудеи предъявляли Ироду.

Вдобавок местное население нередко раздражали привилегии, которые были дарованы евреям римлянами, — например, с учетом религиозных предписаний евреи были освобождены от обязательного участия в государственных римских праздниках и сопровождавших их церемониях в храмах римских богов.

Между тем текущие в Иерусалимский храм пожертвования из-за рубежа составляли огромные суммы, и не исключено, что Ирод если не постоянно, то время от времени пользовался храмовой казной для реализации тех или иных своих строительных проектов. Поэтому он был крайне заинтересован в том, чтобы еврейские общины приморских стран процветали и чувствовали себя как можно более комфортно, и трудно было придумать для этого лучшее средство, чем щедрые пожертвования от имени иудейского царя (а значит, и от имени всех иудеев) на общественные нужды.

Таким образом, Ирод с помощью этих пожертвований, по сути дела, откупался от туземного населения, гася страсти и обеспечивая местным евреям мирное и безопасное существование. Этим по большому счету и объясняется то, что евреи, жившие за пределами Иудеи, относились к Ироду гораздо лучше своих соплеменников, проживавших на земле предков.

О том, насколько остро в провинциях Римской империи стояла проблема антисемитизма (давайте называть вещи своими именами), позволит понять рассказ Флавия о тех жалобах, с которыми обратились евреи к Марку Агриппе и Ироду, едва те прибыли в Ионию. По словам ионийских евреев, местные власти не только лишили их полученных от римлян привилегий, но и всячески притесняли и заставляли отдавать отложенные для пожертвований на Иерусалимский храм деньги.

Агриппа в ответ назначил официальное разбирательство жалобы ионийских евреев, хотя изначально было понятно, что он поддерживает соплеменников Ирода и намерен

удовлетворить их просьбы. Однако для него было крайне важно соблюсти все требования закона, и потому в назначенный день во дворце римского наместника в Ионии собрались как лидеры местной еврейской общины, так и римские чиновники, а заодно царьки и властители разбросанных по побережью Эгейского моря карликовых греческих государств.

Любопытно, что интересы евреев на этом разбирательстве было поручено представлять нееврею — Николаю Дамасскому, который поистине блестяще справился с поставленной задачей, проявив себя знатоком и римского права, и еврейской традиции.

Николай начал с того, что если привилегии, дарованные римлянами евреям, так велики, как об этом говорят туземцы, значит, евреи этого заслужили и те, кто пытается их отобрать, нарушают принцип справедливости. Если же они, как уверяют некоторые, настолько незначительны, что вопрос об их отмене не заслуживает обсуждения, то тем более гнусно не давать евреям спокойно ими пользоваться.

Далее Николай заметил, что стремление евреев сохранить обычаи и традиции предков и следовать им, в принципе, естественно для любого народа, и ни один народ не готов поступиться этим правом. Но тот, кто хочет отобрать это право у других, в данном случае у евреев, должен быть готов к тому, что это право отберут и у него.

И в заключение Николай напомнил, что привилегии были даны евреям Великим Римом, а значит, те, кто на них посягает, одновременно посягают и на Рим и могут считаться бунтовщиками…

Словом, это была, возможно, чуть затянутая, но хорошо продуманная, обоснованная, поистине замечательная речь, на которую и возразить-то было нечего.

Греки и не собирались спорить с приведенными Николаем фактами и доводами, понимая бессмысленность этого занятия. Поэтому они ограничились характерными для антисемитов всех времен и народов выкриками, что евреи, мол, заполонили их государство и вскоре смогут отобрать его у коренного населения; что евреи сами зачастую позволяют себе несправедливое поведение по отношению к чужакам и т. д. Евреи не остались в долгу и стали утверждать, что их верность религии и обычаям своего народа никому не вредит, и подобные обвинения не более чем выдумки и клевета.

Наконец Марк Агриппа встал, чтобы огласить вердикт, и в зале установилась тишина. Решение, как и ожидалось, оказалось в пользу евреев. Именем Рима Марк Агриппа провозгласил, что признает иудеев потерпевшей стороной, объявляет законными и сохраняет за ними все ранее данные права и привилегии и даже готов выслушать и выполнить другие их просьбы — если не сочтет их вредящими интересам Рима.

После этих слов Марк Агриппа дал знать, что собрание окончено. Расчувствовавшийся Ирод подошел к нему, чтобы заключить в объятия, и друзья на виду у всех обнялись и расцеловались.

Всем было ясно, что вердикт Агриппы в немалой степени продиктован теми дружескими чувствами, которые тот испытывает к Ироду, и евреи Греции не скрывали своей благодарности царю Иудеи.

Таким образом, Ирод возвращался в Иерусалим царем не только Иудеи, но и всех иудеев — огромной еврейской диаспоры, разбросанной от края до края Римской империи. Это было, вне сомнения, еще одним его выдающимся политическим достижением.

По возвращении в Иерусалим Ирод, как и перед началом строительства Храма, решил созвать некое подобие Национальной ассамблеи, чтобы отчитаться перед народом об итогах своего зарубежного турне. Рассказывая перед собравшимися, как ему удалось добиться для всех евреев Малой Азии полной свободы в соблюдении заповедей Торы и культурной автономии, Ирод не преминул подчеркнуть, что главное, чем он руководствовался в своей деятельности во время столь долгого путешествия, — это благо еврейского народа.

В сущности, это был не только отчет, но и еще одна мольба о признании его законным царем и полноценным евреем, но если она и была услышана, то ненадолго. Как недолгой была и радость об объявлении Иродом сокращения на четверть налогов за 14 год до н. э. — слишком уж велики были эти налоги сами по себе.

По возвращении же во дворец Ироду снова немедленно пришлось окунуться в семейные дрязги. Все старое начиналось сызнова, и тут воистину было от чего сойти с ума.

Глава вторая. Действующие лица и исполнители

Семейная драма Ирода больше всего напоминает сюжет плохого телесериала, в котором характеры героев слишком плоски и однозначны, их поступки легко предсказуемы, а страсти кажутся фальшивыми и надуманными.

Самое страшное заключается в том, что в жизни все именно так и было, а бурные театральные страсти в итоге оборачивались вполне реальными казнями и смертями.

Одной из главных героинь этого грустного исторического «сериала», безусловно, является сестра Ирода Саломея. Злой гений Хасмонеев, а затем и Ирода, «черная королева», само воплощение образа злобной мачехи из народных сказок, она начинает предпринимать все возможное, чтобы свести в могилу юных племянников и таким образом искоренить само семя благородного рода Хасмонеев. То, что один из этих племянников стал мужем ее дочери и у этой дочери появился шанс стать в будущем царицей, как уже было сказано, ее не останавливает. Она продолжает интриговать и думать, как убедить своего психически неуравновешенного, возможно, даже душевнобольного брата принять решение о казни двух его замечательных сыновей.

Да, ее страх, что после прихода к власти братья сведут с ней счеты за мать, понятен. И все же из вышеописанного портрета следует, что мы имеем дело в лучшем случае с совершенно аморальной психопаткой, а в худшем — с психически больной женщиной, одержимой навязчивой идеей и, увы, обладающей достаточным влиянием на царя, чтобы претворить эту идею в жизнь.

За время отсутствия Ирода в стране Саломея не теряла даром времени, а продолжала плести интриги, создавая внутри дворца собственную партию, призванную настроить брата против его сыновей и отдать их в руки палача, — на меньшее Саломея была не согласна.

Одним из ее достижений на этом пути стало привлечение на свою сторону младшего брата Ферроры. Видимо, Саломея убедила его, что если один из братьев станет царем, то он расправится и с ним, и со всеми его домочадцами, а потому внутрисемейную войну следует вести именно на полное уничтожение всех потомков Хасмонеев.

Вторую партию во дворце составляли, разумеется, сами братья Александр и Аристобул и их сторонники. Их фигуры, безусловно, не так однозначны, как фигуры дяди и тетки, и в этом «сериале» они скорее играют роль жертв и благородных героев.

Получив воспитание в Риме, братья усвоили римские идеалы о чести и благородстве и следовали им в жизни даже с большим рвением, чем сами римляне. А так как эти идеалы предписывали говорить в лицо врагам то, что ты о них думаешь, то братья честно говорили и о своей гордости за принадлежность к роду героев-Хасмонеев, и о любви к покойной матери, и о своем убеждении в ее полной невиновности, и о ненависти к тем, кто стал причиной ее гибели. Не имея никакого опыта в дворцовых интригах, ведя борьбу с такой гениальной интриганкой, как Саломея, с открытым забралом, они изначально были обречены на поражение.

Зная Ирода, сразу после его возвращения домой Саломея и Феррора поспешили к брату, чтобы сообщить, что в его дворце зреет заговор, подготовленный его собственными сыновьями от «преступной хасмонейки». По их версии, стремясь отомстить за смерть матери, братья собираются отправиться в Рим и потребовать у Августа судить отца за это преступление. А чтобы убедить императора осуществить такой суд, они намерены прибегнуть к помощи тестя Александра — царя Архелая, который обладает в Риме не меньшими связями, чем Ирод, и так же дружен с Августом.

Все это звучало довольно убедительно, и Ирод задумался. Более того, не исключено, что он тогда же и поверил в эту версию. А, как уже говорилось, стоило ему увериться в чьей-то враждебности, переубедить его было уже практически невозможно. Тем не менее Ирод решил для начала послушать, что говорят другие придворные и городские соглядатаи, но и те и другие были тщательно подготовлены Ферроpой и Саломеей.

Нет, напрямую они не подтверждали версии о заговоре, но зато рассказали, что царевичи ведут себя крайне заносчиво, непрестанно жалуются, что им приходится жить в одном дворце с убийцами матери, подчеркивают свое право на престол в силу того, что в их жилах течет кровь Хасмонеев, и явно ждут не дождутся часа, когда смогут водрузить на голову царский венец.

И паранойя Ирода, на время задремавшая в темных тайниках и закоулках его души, проснулась и вспыхнула с новой силой. Он вновь ощутил себя окруженным со всех сторон врагами, причем на этот раз ими стали его сыновья и те, кто им сочувствовал (а таких в самом деле было немало). Но, отложив расправу с сыновьями на потом, Ирод (возможно, опять-таки по совету коварной Саломеи) для начала нанес им крайне болезненный удар. Он решил показать Александру и Аристобулу, что их право на трон отнюдь не абсолютно и при желании он с легкостью может назначить другого наследника.

Так в нашем историческом «сериале» возникает «карамазовская» тема, и в «на экране» появляется архетип Смердякова — Антипатр, первенец Ирода от его брака с Дорис. Ирод призывает старшего сына во дворец, обласкивает и дает всем понять, что видит в нем потенциального наследника престола в не меньшей степени, чем в Александре и Аристобуле.

Это было нарушением того клятвенного обещания, которое Ирод дал Александре и Мариамне, но мало ли что он обещал покойницам! Одной из особенностей всех диктаторов, как известно, является то, что они никогда не обещают выполнять свои обещания.

При этом Ирод, по всей видимости, был убежден, что, выросши вдали от дворцовой роскоши, по сути дела, в бедности и изгнании, Антипатр сумел сохранить простодушие и чистое сердце, а за возвращение во дворец немедленно воспылает благодарностью и любовью к отцу.

На деле всё было с точностью до наоборот. Все эти годы Антипатр копил черную злобу, считая себя обделенным судьбой и ненавидя Ирода за недостойное отношение к нему с матерью. Одновременно он тайно мечтал, что однажды произойдет некое чудо, все коренным образом

изменится и судьба возведет его из небытия на царский трон, так же как она когда-то возвела отца. И вот это чудо и в самом деле свершилось: Антипатр оказался во дворце и теперь не желал упускать представившегося шанса.

Ему было ясно, что для достижения заветной цели следует уничтожить двух единокровных братьев, и он был не просто готов это сделать, но и с наслаждением воображал, как станет свидетелем казни Александра и Аристобула. Словом, лучшего союзника для Саломеи и Ферроры трудно было представить.

Очень скоро выяснилось, что острый, но извращенный ум Антипатра отлично подходит для дворцовых интриг. Следуя разработанной им тактике, Антипатр старательно играл перед Иродом роль любящего, безмерно благодарного сына, который вне себя от счастья, что вернулся в лоно семьи. Чуть наивный в силу особенностей своего воспитания, честный, не таящий своих чувств и в то же время отнюдь не глупец — таким представал Антипатр в глазах Ирода.

Но в кулуарах дворца Антипатр стал сколачивать из придворных партию сторонников и изрядно в этом преуспел. Доводы, которые он приводил в пользу присоединения к своей партии, звучали вполне убедительно: Ирод разочаровался в сыновьях от Мариамны, подозревает их в заговоре, и это значительно повышает его, Антипатра, шансы на престол. Значит, нужно просто ускорить падение Александра и Аристобула, а уж он, Антипатр, когда окажется на троне, не забудет об оказанных услугах и щедро одарит и возвысит всех, кто ему помогал.

Эти придворные и делали за Антипатра черную работу, ежедневно докладывая Ироду о вызывающем поведении двух младших сыновей и уверяя, что делают это исключительно из верноподданнических чувств. Самое печальное заключалось в том, что Александр и Аристобул сами давали повод к таким докладам, не скрывая презрения к Антипатру и открыто заявляя, что его возвышением царь нарушил клятву, данную их матери.

Таким образом, раздражение Ирода по поводу двух царевичей постоянно росло, а вот позиции Антипатра, ни разу не промолвившего при отце дурного слова о братьях, укреплялись. Ирод все чаще обдумывал возможность провозглашения Антипатра официальным наследником и в письмах Августу стал осторожно нахваливать этого сына.

Еще одним признаком все большего сближения Ирода с Антипатром стало то, что он внял просьбе сына и вернул во дворец его мать Дорис. Более того, он разрешил первой жене поселиться в покоях Мариамны.

Если Александром и Аристобулом это было воспринято как пощечина, то в глазах придворных — как еще один знак, что, поддержав Антипатра, они сделали правильный выбор.

Настал день, когда Ирод окончательно пришел к решению лишить Александра и Аристобула права на престолонаследие и передать его своему первенцу. Узнав, что Марк Агриппа возвращается из Малой Азии в Рим, Ирод попросил того взять с собой Антипатра, вручив при этом старшему сыну богатые подарки для императора. При этом он снабдил сына письмами ко всем своим многочисленным римским друзьям с просьбой оказать тому гостеприимство, а также тайным письмом к Августу — о том, что его планы, касающиеся завещания, изменились и теперь он видит наиболее достойного наследника иудейского престола в представшем пред императором Антипатре.

* * *

Оказавшись в Риме, Антипатр передал рекомендательные письма отца, был немедленно обласкан друзьями Ирода и стал проводить время в пирах и оргиях. Такая жизнь ему в годы, когда он жил с матерью в изгнании, разумеется, и не снилась. Вместе с тем Антипатр не мог не обратить внимания на ту холодность, с какой его принял Август. Император слишком хорошо помнил Александра и Аристобула: в период пребывания в Риме они время от времени появлялись при его дворце, и их скромное поведение, благородные манеры и несомненный ум вызвали у него симпатию. Август не понимал, что побудило Ирода лишить этих юношей права на престол, но, обладая острым умом и знанием человеческой натуры, мгновенно «разгадал» Антипатра, и тот стал ему неприятен.

Сам же Антипатр больше всего опасался, что за время его пребывания в Риме отец под чьим-либо влиянием изменит отношение к нему и вернет благосклонность сыновьям от Мариамны. Поэтому все свободное от пиров время он проводил, составляя письма отцу и верным ему придворным.

В письмах Ироду Антипатр рассыпался в благодарностях за рекомендации, которые тот ему дал, и подробно рассказывал о своем житье-бытье, но не упускал случая добавить, что среди римских евреев бродят слухи о готовящемся в Иудее перевороте, в результате которого к власти придет «законный» царь — либо Александр, либо Аристобул, но скорее все же первый. Каким путем, добавлял Антипатр, заговорщики намерены осуществить этот переворот, он не ведает, но не исключено, что они намерены тем или иным способом убить царя, и это вызывает у него сильное беспокойство за жизнь отца.

В письмах своим сторонникам среди придворных Антипатр наказывал всячески муссировать слухи о готовящемся покушении на царя и доносить эти слухи до сведения последнего.

В итоге всё это сработало. Как пишет Флавий, «в конце концов ему (Антипатру. — *П. Л.*) удалось довести Ирода до такого гнева и злобы, что последний окончательно возненавидел юношей».

В сущности, тогда же он и принял окончательное решение о казни обоих сыновей, но в последний момент отказался от немедленного приведения его в исполнение. Вместо этого Ирод решил ехать в Рим, чтобы пожаловаться Августу на Александра и Аристобула и предоставить последнему решать их судьбу.

Флавий объясняет это тем, что Ирод неожиданно вспомнил, сколько ошибочных поступков он совершил по своей поспешности в прошлом, и решил на этот раз не пороть горячку. Но в том-то и заключаются особенности поведения таких неуравновешенно-импульсивных натур, к которым относился Ирод, что в гневе (а он, напомним, был доведен Антипатром до «гнева и злобы») они не в состоянии контролировать свои поступки. Кто-то должен был удержать Ирода от этого «опрометчивого» шага. А если учесть, что текст Флавия во многом основан на сочинениях Николая Дамасского, то нетрудно догадаться, кто именно это сделал.

Николай, будучи не только личным секретарем царя, но и его ближайшим советником и другом, принадлежал к числу тех, кто не примкнул к партии Антипатра и откровенно симпатизировал братьям-царевичам. Вероятнее всего, именно его опасался Антипатр, живя в Риме, так как знал, какое огромное влияние Николай имеет на отца.

Как видим, Антипатру на время удалось переиграть Николая в политических шахматах, но переиграть исключительно потому, что этот грек был в отличие от первенца Ирода глубоко порядочным человеком. Подлость, увы, не в первый раз в истории одержала временную победу над порядочностью, беспринципность — над честностью.

Тем не менее Николаю на правах советника удалось убедить Ирода, что немедленная казнь сыновей без суда и следствия может вызвать не просто непонимание, а возмущение в Риме и в итоге оттолкнуть от него императора — и тогда не помогут никакие прежние заслуги. Чтобы все было законно и после казни Ирод мог сохранить добрые отношения с Августом, говорил Николай, надо ехать в Рим, и Ирод принял этот совет.

Август в тот момент находился в своей резиденции на Севере Италии, в Аквилее, и Ирод поспешил туда. Не исключено, что Николаю, сопровождавшему царя в этой поездке, удалось встретиться с кем-то из приближенных императора раньше, передать им свое видение ситуации и попросить о заступничестве для царевичей перед Цезарем. Во всяком случае, предположение, что такая встреча состоялась, во многом объясняет все последующие события.

* * *

Ирод явился на встречу с Августом, если верить «Иудейским древностям», в сопровождении трех сыновей — Антипатра, Александра и Аристобула и без обиняков обвинил двух последних в намерении умертвить его «и таким безбожным образом овладеть царским престолом».

— Как известно, — продолжил Ирод, — мне самим Цезарем даровано право самому определить себе в наследники любого из сыновей. Если это так, то я не желаю видеть наследником ни одного из этих двоих! Но если бы ими двигала только жажда власти! Нет, в своей ненависти ко мне они дошли до такой степени, что готовы умереть, лишь бы убить меня! Долгое время я таил все это в себе, и, поверь, Цезарь, мне крайне неприятно выплескивать на тебя мои семейные проблемы и оскорблять тем самым твой слух, но обстоятельства не оставили мне иного выхода. Пусть же эти двое, жаждущие моей крови, скажут, был ли я когда-нибудь с ними жесток? Отказывал ли я им когда-либо в чем-то? Нет! Они получали все, что только могут получить царские дети, и даже более того! Они живут, не зная ни в чем отказа, я позаботился о их будущем, женив одного из них на своей племяннице, а другого — на каппадокийской царевне. Как же они смеют после всего этого посягать на власть, которая досталась мне ценой таких трудов и опасностей?! Тем не менее я решил не воспользоваться в данном случае царской и отцовской властью, а, зная твою справедливость, привезти их к тебе на суд. Я прошу тебя, Цезарь, защитить мои права и не допустить, чтобы я и дальше жил в постоянном страхе за себя, и надеюсь, что ты не оставишь в живых тех, кто вынашивает в душе такие ужасные замыслы!

Если отбросить в этой речи словесную шелуху и патетику, то смысл ее прост: Ирод просил у Августа вынести смертный приговор Александру и Аристобулу — так, чтобы не оставалось никаких сомнений в его законности.

Все время, пока Ирод говорил, оба царевича словно окаменели, не в силах шелохнуться от охватившего их страха и осознания, что они практически никак не могут доказать своей невиновности, ведь отец не представил ни одного факта, который они могли бы опровергнуть. А домыслы на то и есть домыслы, что они недоказуемы, но одновременно, как правило, и неопровержимы.

И от растерянности, и от возмущения возведенной на них клеветой, и от страха молодые царевичи лишь молча стояли и плакали, одновременно понимая, что их затянувшееся молчание может быть воспринято как знак того, что им нечего возразить на выдвинутые против них обвинения. И тогда Александр сделал шаг вперед и обратился не к Августу, а к Ироду.

Вот как звучит его речь в изложении того же Иосифа Флавия: «Отец! Расположение твое к нам

подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замышлял против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его [императора] во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того, убить кого имеет в виду, в святилища и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться долее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность единовременно убедить тебя в своей невинности и избегнуть грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы, запятнанные подозрением? Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению к таким молодым людям, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то, не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях. Ведь ничто никогда не мешает царю, у которого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случилось нечто такое, в силу чего при всем легковерии [людей] нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или в совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом клеветы. Правда, отсутствие единодушия в царской семье является крупным несчастьем, и та власть, которую ты называешь наградою за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных наклонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устранит клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то во всяком случае это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем, которые не умалчивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремимся к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не несла бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный Храм, тобою же сооруженный? Далее, наконец, оставя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уверенности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба не могла нас восстановить [против тебя], а лишь сделать нас более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого, так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьею между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжких — быть ложно

обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай себе меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не так дорога, чтобы сохранять ее ценою беспокойства того, кто даровал нам ее» (ИД. Кн. 16. Гл. 4:3–4. С. 148–149).

Как видим, эта речь была эмоциональной и хорошо аргументированной одновременно. С одной стороны, Александр высказывает благодарность отцу… за то, что тот не употребил своей власти и не казнил их сразу, а привез в Рим и решил привлечь к разбирательству императора, дом которого (и это была очень тонкая лесть) царевич приравнял к храму правосудия. Далее он показывает, как легко состряпать против него и брата ложное обвинение, учитывая трагические перипетии судьбы их матери и их собственной сиротской судьбы. Но Александр тут же обращает внимание, что нет никаких доказательств возведенной на них клеветы и что сама клевета эта порождена «отсутствием единодушия в царской семье и ее как раз и породила жажда власти “гнуснейшими людьми”», — в этот момент Александр явно намекает на Антипатра.

И завершается эта речь выражением полной покорности воле отца и готовностью принять его решение, каким бы оно ни было.

Историки обращают внимание на то, что мастерская речь Александра была выдержана по всем правилам греческой риторики: в ней есть диалектика, теза, антитеза, синтез и все остальные элементы, на которых должна строиться идеальная речь оратора. На этом основании они приходят к выводу, что на самом деле эта речь была сочинена и вставлена в жизнеописание Ирода Николаем Дамасским, а затем была еще и отредактирована Иосифом Флавием — настоящая же речь Александра, дескать, звучала совсем по-другому.

Но с другой стороны, не стоит забывать, что Александр и Аристобул получили в Риме самое блестящее образование, какое только можно было получить в то время. Нет никакого сомнения, что среди изучаемых ими дисциплин была и риторика — так почему же Александр не мог произнести подобной или очень близкой к подобной речи, не прибегая к посторонней помощи?!

Флавий подчеркивает, что уже в момент речи Ирода симпатии всех присутствующих в зале были на стороне царевичей. Всем было очевидно, что у Ирода «просто поехала крыша», что он так ослеплен злобой, что готов поверить любой клевете. Вдобавок само требование казни на почве совершенно бездоказательных объявлений противоречило римскому праву и, с точки зрения римлян, отдавало варварской жестокостью — в конце концов, Ирод мог просто ограничиться высылкой сыновей из страны.

Но самое главное — на протяжении всей речи Ирода Август, который, повторим, за многие годы приобрел прекрасное знание человеческой натуры, внимательно наблюдал за царевичами и чем дальше, тем больше уверялся в их невиновности. Речь Александра окончательно утвердила его в этом мнении. Впрочем, видимо, она произвела впечатление и на Ирода, и у того (пусть и на время) появились сомнения в навеянных Антипатром подозрениях.

Наконец император поднялся, чтобы провозгласить вердикт, отразивший мнение всех, кто находился в зале, — за исключением разве что Ирода и Антипатра. Август счел обвинения Ирода необоснованными и выразил уверенность, что у Александра и Аристобула никогда не было тех мыслей, в которых обвинял их Ирод. Вместе с тем, продолжил император, видимо, и молодые люди вели себя не совсем верно, если у их отца появился повод к подобным подозрениям.

— Так примиритесь же! — воскликнул Август. — Пусть примирение заставит всех вас забыть случившееся, и постарайтесь любить и проявлять преданность друг другу!

В этот момент император осторожно подал рукой знак царевичам, и те (возможно, тоже по предварительной договоренности с Цезарем) попытались броситься к ногам отца, но Ирод остановил их, обнял и стал осыпать их головы поцелуями.

Сцена была и в самом деле весьма сентиментальной, так что многие ее зрители не выдержали и прослезились.

После этого царским сыновьям был дан знак удалиться.

На обратном пути из дворца Антипатр вновь и вновь твердил единокровным братьям о том, как он рад, что все так хорошо закончилось и в их замечательной семье снова установился мир. Но в душе у него все клокотало: ведь он был буквально на волосок от цели!

Ирод же, оставшись в зале Аквилейского дворца, принес в дар Цезарю 300 талантов, пришедшихся тем более кстати, что Август как раз устраивал для народа большие игры и раздачу хлеба. В благодарность император поручил Ироду управление медными рудниками на Кипре[62] в обмен на половину доходов с них, а также подтвердил его право самому выбирать себе наследника.

Надо заметить, что в «Иудейской войне» Флавий представил несколько иную версию поездки Ирода в Рим, согласно которой царь отправился туда с одним Александром и обвинил последнего перед Августом в попытке его отравить. Но все остальные детали в двух книгах почти совпадают.

По дороге домой Ирод с сыновьями заехали в гости к свояку — царю Каппадокии Архелаю. Многоопытный Архелай подробно расспросил гостей о происходившем в Риме. Он не скрывал своей гордости за зятя, произнесшего столь блистательную речь. Выразив радость по поводу примирения Ирода с сыновьями, Архелай одновременно заверил высокого гостя, что ни Александр, ни его дочь Глафира никогда не обращались к нему с просьбами предпринять какие-либо действия против Ирода в Риме, и заодно осторожно выразил мнение, что царь иудейский стал жертвой интриг и клеветы.

В заключение встречи, прошедшей, как принято в таких случаях говорить, в теплой, дружественной обстановке, цари по традиции обменялись богатыми дарами, после чего Ирод отплыл домой.

В Иерусалиме Ирод поспешил собрать народ в Храме и произнес речь, в которой сообщил о примирении с сыновьями в Риме и объявил, что назначает своими наследниками всех троих сыновей, но в качестве первого наследника назвал Антипатра, а затем уже Александра и Аристобула. Одновременно Ирод подчеркнул, что не собирается прежде времени отрекаться от престола; что, несмотря на возраст, он еще полон сил и жестоко покарает любого, кто попытается служить не ему, а кому-либо из его сыновей в надежде на его смерть.

«Император предоставил мне полную власть в государстве и выбор преемника. Стремясь теперь, без ущерба для моих интересов, действовать в духе его начертаний, я назначаю царями этих трех сыновей и молю прежде Бога, а затем вас присоединиться к этому решению. Одному старшинство, другим высокое происхождение дают право на престолонаследие, а обширность государства могла бы дать место еще для некоторых. Император помирил их, отец вводит их во власть. Примите же этих моих сыновей, даруйте каждому из них, как повелевает долг и

обычай, должное уважение по старшинству; ибо торжество того, который почитается выше своих лет, не может быть так велико, как скорбь другого, возрастом которого пренебрегают. Кто бы из родственников и друзей ни состоял в свите каждого из них, я всех утвержу, но эти должны ручаться мне за сохранение солидарности между ними; ибо я слишком хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих; когда же последние действуют честно, тогда они сохраняют любовь. При этом я объявляю мою волю, чтобы не только мои сыновья, но и начальники моего войска пока еще повиновались исключительно мне, потому что не царство, а только честь царства я передаю моим сыновьям: они будут наслаждаться положением царей, но тяжесть государственных дел будет лежать на мне, хотя я и не охотно ношу ее. Пусть каждый подумает о моих годах, моем образе жизни и благочестии. Я еще не так стар, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губит и молодых людей, а Божество я всегда так чтил, что могу надеяться на самую долговечную жизнь. Кто с мыслию о моей смерти будет льстить моим сыновьям, тот в интересах же последних будет наказан мною. Ведь не из зависти к ним, выхоленным мною, я урезываю у них излишние почести, а потому, что я знаю, что лесть делает молодых людей надменными и самоуверенными. Если поэтому каждый из их окружающих будет знать, что за честное служение он получит мою личную благодарность, а за сеяние раздора он не будет вознагражден даже тем, к кому будет отнесена его лесть, тогда, я надеюсь, все будут стремиться к одной цели со мною, которая вместе с тем и есть цель моих сыновей. И для этих последних полезно, чтоб я остался их владыкой и в добром согласии с ними. Вы же, мои добрые дети, помните прежде всего священный союз природы, сохраняющий любовь даже у животных; помните затем императора, зиждителя нашего мира, и, наконец, меня, вашего родителя, который просит вас там, где он может приказывать, — оставайтесь братьями!» — так передает эту речь Ирода Флавий.

К сожалению, если примирение Ирода с сыновьями и было искренним, то оно длилось несколько недель, в лучшем случае месяцев. Очень скоро к царю вернулись прежние подозрения. И это было ожидаемо, так как, повторим, будучи параноиком, один раз уверовав в существующий против него заговор, Ирод уже был не в состоянии избавиться от своих подозрений. Он был обречен возвращаться к мыслям о заговоре вновь и вновь, и тем, кто ненавидел Александра и Аристобула, оставалось лишь этим пользоваться.

Глава третья. «Прогнило что-то в датском королевстве...»

В 10—9 году до н. э. Ирод завершил строительство Кейсарии в соответствии с задуманным им планом. В честь этого события был устроен грандиозный праздник и учреждены новые игры, которые Ирод, разумеется, посвятил Цезарю и повелел проводить раз в пять лет.

Многие окрестные страны прислали на эти торжества свои делегации, так что общее количество гостей, собравшихся в Кейсарии, составляло десятки, а возможно, и сотни тысяч человек.

Празднества продолжались в течение нескольких недель. Забеги колесниц сменялись боями гладиаторов и их схватками с дикими зверьми, в амфитеатрах давались театральные представления, на улицах всем желающим бесплатно разливали вино и давали свежую выпечку. По ночам Кейсария освещалась тысячами факелов, на улицах играли музыканты и выступали шуты и фокусники. Даже те, кто не раз бывал в Риме и присутствовал там на играх в Колизее, вынуждены были признать, что Ирод все организовал с не меньшим, а может, даже и с большим размахом, чем это было принято у римлян.

«Во всех своих предприятиях Ирод старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его

великодушия и что он достоин быть царем Сирии и Египта» (ИД. Кн. 16. Гл. 5:1. С. 151).

Трудно поверить, что Август и Агриппа и в самом деле позволяли себе подобные высказывания, но даже если и позволяло ли, то у них не могло быть ни малейшего намерения претворить их в жизнь. Рим попросту не мог допустить подобного усиления ни одного царя-клиента, каким бы верноподданным тот ни был. Однако Ирод, безусловно, строил себя как правителя региональной сверхдержавы внутри Римской империи, чье имя должно быть впечатано в века, и поэтому, как говорит Флавий, «осыпал благодеяниями города Сирии и Эллады, равно как и другие местности, куда ему доводилось заезжать во время своих путешествий».

Любопытно, что сразу после рассказа об играх Флавий вновь перечисляет те города и крепости, которые построил Ирод (Кафарсаву, Антипатриду, Кипрон, Фасаилиду), а также приводит список подарков, сделанных им в других странах, — строительство Пифийского храма и деньги на содержание флота на Родосе, строительство общественных зданий в Никополисе, два ряда портиков на центральной улице Антиохии, возрождение Олимпийских игр в Греции, за что Ирод был записан в их почетные пожизненные председатели…

Отчасти, как уже говорилось, Ирод делал эти пожертвования, чтобы уменьшить враждебное отношение местного населения к еврейским общинам и обеспечить им благоволение римских наместников и самого Рима. Эта политика, безусловно, приносила свои плоды — Флавий приводит постановления Августа, предписывающие римским властям и местным правителям Кирен, Сард, Эфеса и других городов не чинить никаких препятствий евреям в исполнении их традиций и сборе денег для отправки в Иерусалимский храм. Но в значительной степени все эти «благодеяния» объяснялись и непомерным тщеславием Ирода, его неуемной жаждой почестей и восхвалений. И если он не мог получить таких восхвалений у себя в Иудее, то получал их за ее пределами.

Понятно, что все перечисленные Флавием деяния Ирода отнюдь не пришлись на 10—9 годы до н. э. — они осуществлялись в течение десятилетий. Флавию же важно было показать, что деятельность Ирода предполагала поистине грандиозные расходы и игры в честь окончания строительства Кейсарии в этом смысле не были исключением. Наоборот, они окончательно опустошили царскую казну, и даже присланных Августом и его супругой Юлией 500 талантов (астрономическая по тем временам сумма!) не хватило, чтобы покрыть все траты. А налоги, как было сказано, дальше уже повышать было некуда.

Испытывая катастрофическую потребность в деньгах, Ирод решился на ограбление могилы царей Давида и Соломона, в которой, по преданию, хранились огромные сокровища. Он прекрасно сознавал, какое чудовищное святотатство совершает и какой взрыв возмущения мог вызвать этот его поступок в народе. Поэтому он посвятил в свои планы только нескольких самых верных телохранителей и в одну из ночей велел взломать гробницу легендарных еврейских царей.

Денег, разумеется, в гробнице Ирод не нашел — по той простой причине, что денег в нынешнем понятии в эпоху Давида и Соломона еще не было (как во времена Ирода не было ни купюр, ни кредитных карточек). Зато он собрал там множество золота и всяких драгоценностей, которые вполне можно было обратить в золотые монеты.

После этого Ирод якобы захотел увидеть и сами могилы великих царей, но неожиданно испугался и велел для начала спуститься вглубь склепа двум воинам. Однако, когда те стали продвигаться вперед, неожиданно из глубины гробницы вырвался сноп пламени и сжег дотла святотатцев.

Увидев это, Ирод в ужасе выскочил из гробницы и, чтобы искупить совершенный им грех, воздвиг над ней новый памятник из белоснежного мрамора, стоимость которого была вполне соизмерима со стоимостью похищенных сокровищ.

Флавий подчеркивает, что в данном случае попросту пересказывает историю, вычитанную им у Николая Дамасского, а последний, как и положено придворному историку, всегда старался обелить и возвеличить Ирода.

Для оправдания своего повелителя Николай и напомнил читателям, что первым, задолго до Ирода, гробницу Давида и Соломона ограбил царь Иоханан Гиркан I, вынеся оттуда три тысячи талантов золота.

Однако любой, кто знаком с еврейской историей, понимает, что речь идет о двух совершенно несопоставимых поступках. Гиркан I вынужден был проникнуть в гробницу, чтобы найти средства, позволявшие откупиться от осадившего Иерусалим Антиоха Сидета — когда он понял, что продолжение осады приведет к массовой гибели иерусалимцев от голода.

Хотя Иоханан Гиркан I и не афишировал, но и не особенно скрывал своего деяния, которое в целом было оправдано народом.

Но если Гиркану сокровища Давида и Соломона нужны были для спасения столицы и ее населения от гибели, то Ироду — для покрытия собственной расточительности, на оплату языческих игрищ, которые не только не имели ничего общего с народными интересами, но сами по себе противоречили иудаизму и воспринимались еврейским населением как плевок в лицо. Ирод прекрасно отдавал себе отчет, что совершает преступление, и потому действовал, как и полагается любому вору, — тайно, ночью.

Надо заметить, что если теологи и мистики в вырвавшемся из глубины могилы пламени видят доказательство ее сакрального характера, то историки, стоящие на рационалистических позициях, либо вообще сомневаются в правдивости истории об ограблении царской гробницы, либо считают, что все происходило по меньшей мере не совсем так. Отказываясь верить в сверхъестественное пламя, которое сожгло дотла телохранителей Ирода, они предполагают, что последний попросту отдал приказ убить их, чтобы избавиться от ненужных свидетелей.

Однако ограбление могил считалось тяжелейшим грехом и преступлением не только у евреев, но и у римлян, а потому и те и другие увидели в последующих событиях в семье Ирода наказание Свыше за это осквернение покоя мертвых.

Хотя, если задуматься, ничего неожиданного в происходившем в царском дворце не было. Напротив, это было вполне логическое продолжение все того же «сериала» о любви, коварстве и борьбе за власть.

Антипатр, как уже говорилось, не смирился, да и не мог смириться с тем, что Александр и Аристобул продолжают ходить по земле. То, что Ирод назвал их в числе своих потенциальных наследников, правда, отдав преимущество Антипатру, лишь убедило последнего, что с сыновьями Мариамны Хасмонейской следует покончить как можно скорее.

Причем в качестве первой цели он наметил Александра — и потому, что именно Александр сыграл столь активную роль на суде Августа, и по той причине, что он был зятем каппадокийского царя, обладавшего огромными связями в Риме. Александр был ведущим, Аристобул — ведомым, и Антипатр понимал, что как только он избавится от старшего брата, расправиться с младшим не составит особого труда.

При этом Антипатр продолжал придерживаться той же линии поведения, какую избрал до своей отправки в Рим. Он всячески укреплял во дворце партию своих сторонников и в конце концов склонил на свою сторону самого «хранителя печати» (то есть, выражаясь современной терминологией, министра финансов и премьер-министра) Птолемея, а также слуг Александра и Аристобула, докладывавших ему о каждом высказывании своих хозяев.

Антипатр также добился значительного усиления своего влияния на отца, а заодно способствовал и возвышению своей матери Дорис, влияние которой на Ирода также стало расти не по дням, а по часам. Эта задача в значительной степени облегчалась тем, что именно в тот период паранойя Ирода, видимо, начала постепенно переходить в параноидную шизофрению, хотя первые упоминания о том, что царь стал страдать галлюцинациями, относятся к более позднему периоду жизни.

Теперь Ирод не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с Дорис и Антипатром, и это, безусловно, не могло не выводить из себя сестру царя Саломею. Вместе с тем Саломея не могла не признать, что Дорис прекрасно справляется со своей ролью «злой мачехи» — не меньше, чем она, мечтает погубить братьев-царевичей, — и потому была вынуждена терпеть Дорис в качестве союзницы.

Старая игра продолжалась: по указанию Антипатра слуги то и дело докладывали Ироду о все новых «возмутительных» высказываниях Александра и Аристобула, перевирая и приукрашивая их так, чтобы они вновь и вновь будили подозрения в ненависти царевичей к отцу и в заговоре против него. Антипатр же по-прежнему играл роль примерного сына и благородного заступника братьев.

Ситуация усугублялась еще и тем, что царевна Глафира никак не могла поладить с женой Аристобула Береникой. Она считала ниже своего достоинства общаться со свояченицей на равных, непрестанно иронизировала по поводу ее низкого происхождения. Вдобавок у Береники не ладились и отношения с мужем, который также не упускал случая посетовать, что в отличие от брата ему в супруги досталась «плебейка».

Береника, разумеется, выплескивала свои обиды матери. Заодно она пересказывала Саломее, о чем говорят между собой братья, считающие себя в первую очередь Хасмонеями и лишь в самую последнюю — сыновьями Ирода. Вдобавок они любили порассуждать о том, как после смерти отца воссядут на троне и тогда пошлют братьев от других жен царя служить в провинцию писарями, так как на большее те, дескать, и не способны.

Саломея тут же спешила донести о рассказах дочери венценосному брату, подливая свою чашу масла в бушующий и без того огонь. Ирод же, как пишет Флавий, верил любым поклепам на сыновей, так как они лишь вновь и вновь утверждали его в уже сложившемся к ним отношении. И само собой, еще больше его озлобляли.

* * *

Тут в наш «исторический сериал» неожиданно входит новая (причем отнюдь не последняя!) любовная линия. Кто бы мог подумать, что Феррора, младший брат Ирода, будучи, в сущности, таким же интриганом, как и вся его родня, способен на глубокое и сильное чувство?! И к кому — к жалкой рабыне, юной наложнице, с которой он стал делить ночи после смерти жены!

Тем не менее так оно все и было. Любовь Ферроры к этой девушке оказалась так велика, что когда Ирод предложил брату для укрепления семейных уз взять в жены свою старшую дочь Шломцион, Феррора отказался, заявив, что предпочел бы жениться на любимой женщине.

Этот отказ глубоко оскорбил Ирода, он затаил обиду на брата и в итоге выдал дочь за племянника — сына покойного Фазаила. Спустя какое-то время Ирод предпринял вторую попытку, предложив Ферроре жениться на второй своей дочери — Кипрос.

Хранитель царской печати Птолемей понял, что если Феррора откажет царю и на этот раз, Ирод может вспылить и последствия его гнева могут быть ужасны. Поэтому он поспешил к Ферроре, чтобы убедить того, что не стоит ради какой-то рабыни рисковать не только своим положением при дворе, но и самой головой. Доводы эти звучали столь убедительно, что Феррора известил Ирода о согласии жениться на Кипрос, готовности прекратить всякие сношения с рабыней, но попросил… дать ему 30 дней на прощание с любимой женщиной.

Но это был тот самый, крайне редкий для той эпохи случай, когда любовь оказалась сильнее доводов рассудка. Спустя месяц Феррора явился к венценосному брату, чтобы заявить, что он… не готов отказаться от любимой и просит освободить от обещания жениться на Кипрос.

Надо заметить, что этот роман с рабыней начался у Ферроры давно, вскоре после смерти первой жены (кстати, сестры Мариамны Хасмонейской), и он не раз обращался к Ироду с просьбой разрешить ему жениться на возлюбленной, но каждый раз нарывался на отказ. После очередного отказа у Ирода появилось подозрение, что брат в отместку замышляет его убийство. Началось следствие, в ходе которого даже под пытками приближенные Ферроры отвергли это обвинение, но признались, что последний планировал бежать вместе с рабыней в Парфию, а Костобар, второй муж Саломеи, готов был ему в этом помочь.

Тогда Ирод решил простить брата, но теперь над его головой снова сгустились тучи, и Феррора, видимо, действительно стал подумывать о том, как бы сделать так, чтобы на тот свет отправился не он, а Ирод. При этом, не желая действовать собственными руками, Феррора решил использовать Александра, доведя его неприязнь к отцу до крайности.

В качестве рычага мести Феррора решил использовать все ту же любовь. Он знал, что Александр любит Глафиру, а у Ирода, как это порой бывает, отношения с невесткой сложились куда лучше, чем отношения с сыном. Ирод ценил Глафиру за утонченные манеры, ум и образованность и любил вести с ней светские беседы.

Этим обстоятельством и поспешил воспользоваться Феррора. Он нашептал Александру, что в своем неудержимом сластолюбии Ирод воспылал страстью к снохе и готов сделать все, чтобы либо соблазнить Глафиру, либо овладеть ею насильно.

Кровь ударила в голову Александру при этих словах. В приступе ревности, ослепленный гневом, он и в самом деле едва не стал действовать так, как от него ожидал Феррора. Однако в последний момент царевич сдержался и сделал совершенно неожиданный для Ферроры ход — направился к отцу, чтобы пересказать ему версию Ферроры и потребовать прямого ответа: правда ли, что тот решил заняться снохачеством с его Глафирой?!

Судя по всему, это и в самом деле была клевета, так как, едва выслушав сына, Ирод велел немедленно вызвать к себе и брата, и сестру.

Началась крайне неприятная семейная сцена, в ходе которой Ирод не просто обвинил Феррору в клевете, но и показал, что разгадал его замысел.

— Как ты, мерзавец, вообще посмел возводить на меня подобную напраслину?! — бушевал Ирод. — Я вижу тебя насквозь: ты хотел не просто опозорить меня, но и подтолкнуть моего сына к отцеубийству, ибо какой же сын удержался бы от покушения на отца после такого обвинения?! А если бы убийство не удалось, ты бы первым обвинил Александра в заговоре и

побудил бы меня казнить его! И как же мне, подлец неблагодарный, тебя после этого называть?!

Феррора стал оправдываться, утверждая, что лишь передал Александру то, что рассказала ему сестра. Тут настал черед Саломеи возопить, что все это — ложь и поклеп и Феррора пытается отомстить ей за то, что она отговаривала его отречься от рабыни и жениться на племяннице. Чтобы выглядеть как можно более убедительной, Саломея вдобавок била себя в грудь, рвала волосы и бросалась к ногам брата, но театральные эффекты в тот день явно не произвели никакого впечатления на Ирода.

Скандал в этом неблагородном семействе, видимо, затянулся на несколько часов, до тех пор пока Ирод не велел брату и сестре убираться, так как хочет отдохнуть.

Всем было ясно, что царь не простил Саломею и Феррору и их положение при дворе сильно пошатнулось. Особенно радовались неожиданной опале Саломеи жены Ирода. Они уже успели убедиться, что ни одному слову этой женщины нельзя верить и если она вдруг проявляет к какой-то из обитательниц царского гарема дружеские чувства, то только для того, чтобы измыслить какую-нибудь гадость против других.

Между тем в том же году в царском дворце разыгралась еще одна любовная драма, в центре которой на этот раз оказалась сама Саломея.

* * *

Саломея, уже успевшая отправить руками Ирода на тот свет двух мужей, на этот раз положила глаз на молодого арабского военачальника Селлия (Силлая), прибывшего ко двору Ирода с некоей дипломатической миссией (вероятнее всего, с просьбой об очередной ссуде).

Правивший в те дни Набатеей царь Обод был слабоволен и апатичен, и фактически всеми делами царства заправлял Селлий. Ирод в те дни симпатизировал молодому арабу — может, потому, что тот напоминал ему покойного отца Антипатра, игравшего ту же роль управляющего делами при Гиркане II. Заметив, что сестра неравнодушна к Селлию, да и тот вроде бы обратил внимание на статную, переживающую бабье лето Саломею, Ирод велел своим женам и Ферроре во время пира внимательно следить, как эти двое будут вести себя за столом. Взгляды и фразы, которыми Саломея и Селлий обменивались друг с другом, не оставляли никаких сомнений: между этой парочкой вспыхнула настоящая страсть.

Но если женщины подшучивали над довольно солидной разницей в возрасте между молодым красавцем арабом и стареющей, хотя и старающейся держать себя в форме Саломеей, то Ирода подобные мелочи мало интересовали: он просчитывал, какие политические выгоды может принести ему такой брак. Получалось, что немалые: он поможет Селлию прибрать к рукам Набатею, и вместе они могут создать новое мощное государство.

Переговорив с Селлием и получив его принципиальное согласие на брак, Ирод вызвал сестру. Сделав вид, что он забыл про недавний скандал, Ирод спросил, согласна ли та выйти замуж за Селлия, и Саломея, разумеется, согласилась.

Все, таким образом, шло к свадьбе, но возникло вполне ожидаемое препятствие: не желая лишних пересудов ни среди знати, ни в народе, Ирод потребовал, чтобы Селлий перешел в иудаизм. Но вот к такому шагу, как выяснилось, набатей готов не был, заявив, что даже если он согласится, соплеменники забьют его дома камнями.

Надо заметить, что арабы той эпохи были довольно веротерпимы и вопрос, каким богам

служить, считали личным делом каждого мужчины. Ирод об этом знал и понял, что речь идет просто об отговорке — похоже, Селлий испугался, что все обещания царя Иудеи окажутся блефом и в итоге, если кто-то и приберет к рукам Набатею и станет ее единоличным правителем, это будет именно Ирод.

Словом, Селлий и Ирод расстались крайне недовольные друг другом, а затем обитатели дворца стали замечать, что время от времени Саломея стала куда-то исчезать из Иерусалима. Феррора установил за сестрой слежку и вскоре выяснил, что та тайно встречается с Селлием и во время этих встреч они предаются любовным утехам.

Сегодня наверняка бы решили, что два вполне взрослых, свободных человека вправе заниматься тем, чем им вздумается, и посторонним не нужно совать нос в чужие дела. Но в те времена связь на стороне, будь она даже вдовой или разведенной, считалась для женщины недопустимой, а ответственность за сохранение приличий до следующего замужества несли ее отец, братья и даже бывший свекор[63].

Поэтому Ирод снова вызвал сестру (а заодно и Феррору как свидетеля) на «серьезный разговор», во время которого даже позволил себе употребить несколько грубых слов, обозначающих женщину легкого поведения. Саломея, как водится, снова стала рвать волосы и бить себя в грудь, обвиняя младшего брата в клевете, но ей никто не поверил.

Впрочем, и этот скандал закончился примирением и просьбой Саломеи к Ироду выдать его младшую дочь Кипрос за ее сына от Костобара.

Ирод поначалу согласился на этот брак, но затем в его покоях появился Феррора и осторожно напомнил брату, что в свое время он казнил Костобара. А значит, добавил Феррора, нельзя исключать, что сын Костобара вынашивает планы мести и, став царским зятем, будет опасен. Такие рассуждения вполне соответствовали логике Ирода. Он поспешил с ними согласиться, а заодно… принял предложение выдать Кипрос замуж за сына самого Ферроры, дав при этом за дочерью 100 талантов в приданое. Вся эта история лишь еще раз доказывает, что Феррора и Саломея никогда не упускали случая, чтобы утереть нос друг другу.

Прошло еще совсем немного времени — и в царском дворце грянул новый скандал — вокруг трех юных и очень красивых евнухов Ирода.

Рассказ о евнухах был подан Николаем Дамасским, а затем переписавшим его Иосифом Флавием таким витиеватым, двусмысленным языком, что докопаться до его сути крайне сложно.

Ясно, что у Ирода было три евнуха, один из которых служил виночерпием, второй распоряжался подачей блюд на царский стол как в будни, так и во время пиров, а третий был постельничим и спал с царем в его спальне. Флавий утверждает, что Ирод всех троих «крайне любил за их красоту». Однако прямо о том, что Ирод был бисексуалом, нигде не сказано, и этот вопрос как бы повисает в воздухе. Если по еврейскому закону секс с евнухом квалифицировался как обычное мужеложство (так как оскопленный считался евреями хоть и увечным, но все равно мужчиной), то арабы относили евнухов к «среднему полу» и не видели в сношениях с ними ничего предосудительного. Именно такой точки зрения, возможно, придерживался и Ирод.

Этим обстоятельством воспользовался Антипатр, лично или же через кого-то из своих прихлебателей нашептавший отцу, что Александр также оказывает знаки повышенного внимания его любимцам. Оставалось лишь понять, что именно связывает Александра с

евнухами и не готовится ли тут новый заговор — особенно если учесть, с какой легкостью эти калеки могли подмешать царю в пищу или вино яду или удавить его ночью.

Разумеется, евнухи были схвачены, допрошены, но поначалу отрицали обвинения как в любовной, так и в политической измене царю с Александром. Когда же к ним применили пытки, евнухи признались, что в последнее время действительно много общались с Александром и тот в беседах с ними говорил, что Ироду уже давно пора отправляться к праотцам, а также иронизировал по поводу того, что отец красит волосы, чтобы выглядеть моложе своих лет. Кроме того, по словам этих несчастных, Александр не раз утверждал, что независимо от того, какова будет последняя воля Ирода, он в любом случае станет царем, так как его поддерживает армия и она, если понадобится, с легкостью сбросит Антипатра с престола.

Если слова о том, что он красит волосы, вывели Ирода из себя, то сообщение о симпатии его армии к Александру вызвало у него приступ страха и ярости.

Заметим, что из показаний евнухов никак не следовало, что в армии и при дворце зреет путч — они лишь говорили об уверенности Александра, что после смерти Ирода армия займет его сторону.

Однако Ирод был настолько ослеплен своим страхом и яростью, что начал массовые репрессии как в армии, так и среди своего двора. Аресты следовали один за другим, люди под пытками нередко признавались в чем угодно, лишь бы прекратить свои мучения и получить от палача «удар милосердия». Ужас, охвативший высшие круги иерусалимского общества, был настолько велик, что люди стали доносить друг на друга — подчас для сведения старых счетов, а иногда, чтобы предупредить донос на себя. Но затем наставала очередь и доносчика, и нередко его казнили в один день с оклеветанным им человеком.

Среди прочих были арестованы и два самых преданных Ироду министра — Птолемей и Саппиний, и оба на допросах буквально соревновались в клевете друг на друга. По словам Флавия, «это было какое-то ослепление: ни защита, ни обвинение не принимались более в расчет, над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели». И вновь, согласитесь, сами собой возникают параллели между этой политикой Ирода, с одной стороны, и опричниной Ивана Грозного и сталинскими репрессиями — с другой.

Единственными из влиятельных придворных, кого Ирод решил не трогать, были Андромах и Гемелла, которые числились главными советниками царя во всем, что касалось международных отношений. Ирод ограничился тем, что отстранил их от всех дел и запретил появляться при дворе за то, что они были слишком близки с Александром: Гемелла вообще был первым воспитателем Александра и в качестве «дядьки» сопровождал его во время учебы в Риме, а сын Андромаха якобы тесно дружил с царевичем.

Решающую роль в этих репрессиях Ирода играл все тот же Антипатр. Он пользовался представившейся ему возможностью и арестовывал любого, кто подозревался в симпатии к Александру, участвовал в их допросах и пытках, и он же доставлял протоколы допросов царю.

Многие из арестованных умирали под пытками, не давая требуемых показаний и предпочитая не оговаривать ни себя, ни царевича Александра. Однако немало было и тех, кому невыносимая боль развязывала язык.

Один из придворных, к примеру, под пытками рассказал, как Александр говорил, что когда он идет рядом с Иродом, то вынужден горбиться и пригибаться, так как чувствует, что отец

завидует и ненавидит его за то, что природа наградила его красотой и высоким ростом.

После этого пытки были продолжены, и тот же придворный «вспомнил», что Александр с Аристобулом договорились убить отца во время охоты, а затем бежать в Рим и там добиться утверждения императором их права на престол.

Это были уже серьезные обвинения, и на их основании Ирод велел бросить Александра в тюрьму. К этому времени Ирод уже явно страдал психотическим расстройством с манией преследования и всеми другими его характерными признаками. Иосиф Флавий чрезвычайно точно описывает симптомы его душевного заболевания:

«Невыносимой показалась Ироду вся жизнь его, он был сильно расстроен; великим наказанием ему было никому больше не верить и от всех чего-то ожидать. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него, и он видит его подле себя с обнаженным мечом. При таком длившемся день и ночь душевном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или полному расстройству умственных способностей» (ИД. Кн. 16. Гл. 8:5. С. 162).

Но, как и у многих страдающих душевными заболеваниями людей, у Ирода бывали минуты просветления, во время которых он сознавал, что тяжко болен, и его начинала мучить совесть за множество безвинно замученных и казненных людей. В один из таких периодов Ирод осознал всю нелепость выдвинутого против Александра обвинения: какой же безумец сначала убьет отца, а затем посмеет отправиться в Рим, чтобы потребовать себе его трон?!

Словом, Ирод заколебался, и эти колебания не остались незамеченными Антипатром. Он велел арестовать одного из молодых придворных и заставил его под пыткой показать, что Александр написал друзьям в Рим письмо, в котором просит их добиться для него аудиенции у Августа. Во время этой аудиенции Александр якобы собирался сообщить Цезарю, что Ирод возмечтал стать правителем Сирии, Египта и Заиорданья и с этой целью задумал изменить Риму и заключить союз с парфянским царем Митридатом. Вдобавок этот же замученный юноша сообщил, что Александр приготовил для отца яд, который прячет в одном из дворцов Аскалона.

Яда, правда, так и не нашли, но в целом версия показалась Ироду убедительной и укрепила его подозрения в адрес сына.

И вот тут произошло нечто совершенно неожиданное: Александр написал и размножил в четырех экземплярах письмо, в котором… признавался в заговоре «с целью как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность». При этом в числе заговорщиков он назвал и Саломею, и Феррору, и все их окружение, а также Птолемея с Саппинием.

Согласно «Иудейской войне», это было даже не письмо, а целая «книга», то есть увесистый свиток с подробным изложением «теории заговора» против царя. Причем если один экземпляр этого свитка предназначался самому Ироду, то еще один — тестю Александра царю Архелаю, а два для отправки в Рим — самому Цезарю и друзьям Александра.

«Признание» Александра вызвало резкое обострение психоза Ирода и одновременно повергло его в растерянность — выходило, что все, абсолютно все вокруг желали его смерти!

Как нетрудно догадаться, по поводу того, что именно подвигло Александра написать такое признание, существует множество версий. По одной из них, хотя его и не пытали, в тюрьме царевич сломался и в припадке отчаяния решил ускорить собственный конец.

По другой — это был, наоборот, акт величайшего благородства и мужества. Поняв, что он является главной причиной обрушившихся на его ближайших друзей несчастий, всех этих бесчисленных арестов, пыток и казней, Александр решил остановить эту кровавую вакханалию. Подписывая себе этим письмом смертный приговор, он заодно, подобно библейскому Самсону, решил увести с собой в могилу и всех своих врагов — тех, кто, с точки зрения Александра, заварил всю эту кашу.

По третьей версии, «книга» Александра вообще была не признанием в соучастии в заговоре, а сатирическим памфлетом, призванным убедить если не отца, то остальных читателей в полной абсурдности предъявленных ему обвинений, а заодно и в сложившейся при дворе ситуации.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы в Иерусалим (вероятно, сразу после прочтения «признания» Александра), обеспокоенный судьбой зятя и дочери, не примчался бы Архелай.

Живший в последнем столетии до нашей эры царь Каппадокии по определению не мог прочесть ни одного учебного пособия по психиатрии, но в силу своей житейской мудрости действовал в точном соответствии с указаниями этих учебников.

Он не стал ни спорить с Иродом, ни пытаться в чем-либо его переубедить. Напротив, как и рекомендуют эти учебники, он спокойно выслушал все бредовые идеи царя Иудеи, сделал вид, что всему верит, и… обрушился с проклятиями в адрес Александра, заявив, что Ирод, с его точки зрения, обращается с сыном даже чрезмерно мягко. Он, Архелай, дескать, был уверен, что к его приезду Александр будет уже казнен.

Дальше Архелай стал говорить о том, что намерен расторгнуть брак своей Глафиры с таким негодяем, каким оказался зять (а брак этот, напомним, был счастливым), а заодно, если выяснится, что Глафира знала о заговоре мужа и не донесла на него, не пощадить и дочь.

Таким образом Архелай… столкнул Ирода лицом к лицу с его собственным бредом, и тому не оставалось ничего другого, как вступиться за сына.

Ирод, возможно, неожиданно для самого себя начал убеждать своего царственного гостя, что не такой уж его сын и злодей; что вряд ли стоит настаивать на разводе, когда супруги так любят друг друга и у них получились столь замечательные дети.

Но по мере того как Ирод защищал Александра, ему становилась ясна и вся шаткость возведенных против того обвинений, а заодно в нем поневоле стали просыпаться, казалось бы, совершенно атрофированные отцовские чувства.

Уловив, что в настроении Ирода произошел перелом, Архелай стал осторожно внушать ему мысль, что, возможно, кто-то просто решил оклеветать царевича в глазах отца. Слово за слово гость из Каппадокии вместе с Иродом анализировал каждую строчку «признания» Александра, доказывая, что речь идет именно о сатирическом памфлете, призванном открыть Ироду глаза на истинных заговорщиков. При этом Архелай усиленно намекал на Феррору, которого ошибочно считал главной причиной всех бед зятя.

Вскоре по перемене в настроении Ирода Феррора понял, что еще немного — и он окажется в пыточной камере, и направился к Архелаю с мольбой отвратить его гибель.

В ответ Архелай посетовал, что Ирода с учетом состояния его здоровья ни в чем переубедить невозможно, что вина Ферроры почти очевидна, и… предложил ему сделку. Феррора должен был взять всю вину за заговор на себя и начать вымаливать у Ирода прощение, а уж он,

Архелай, присутствуя при этом разговоре, примирит братьев, как бы тяжело это ни было.

План Архелая сработал замечательно: с Александра были сняты все ложные обвинения, Ирод примирился с Ферророй и вдобавок не знал, как отблагодарить гостя за то, что тот удержал его от казни сына и примирил со всеми домочадцами. В награду Архелаю за его миссию Ирод подарил 70 талантов, золотой трон, осыпанный драгоценными камнями, евнухов и прекрасную наложницу с многозначительным именем Панихия — Всенощная. Кроме того, подарки получили и все слуги Архелая.

Перед отъездом Архелай сообщил дочери и зятю, что ему вроде бы удалось уладить все проблемы, но если Ирода опять охватит безумие, то им следует не дожидаться ареста, а бежать к нему в Каппадокию, а уж он не выдаст их ни при каких обстоятельствах.

Ирод, как и предписывалось правилами приличия, проводил Архелая до Антиохии.

Здесь уже Ирод выступил в роли миротворца — уладил давний конфликт Архелая с наместником Сирии Титием, от которого так или иначе зависели все окрестные цари-клиенты.

Расставшись со сватом, Ирод поспешил в Иерусалим, где его ждали поистине неотложные дела.

Глава четвертая. На восточном фронте без перемен

Если в целом в государстве Ирода царил мир, то относительно недавно подаренный ему императором Трахон стал источником постоянной головной боли.

Большинство населения этой области составляли кочевые арабские племена, то есть бедуины, основу существования которых, как уже говорилось, испокон веков составляло не столько скотоводство, сколько разбойничьи набеги на соседние земледельческие народы. Все попытки Ирода привить трахонцам оседлый образ жизни и приучить к земледелию закончились ничем — подобная жизнь, требующая ежедневного труда, была для бедуинов просто неприемлема.

Трахонцы продолжали промышлять разбоем, и их набеги особенно усилились в те дни, когда Ирод отправился в Рим, чтобы представить сыновей на суд императору. Бедуины были взбудоражены слухами о том, что Ирод в Риме погиб, и это развязало им руки.

Правда, иудейская армия была начеку и поспешила навести порядок в области, но около сорока небольших разбойничьих шаек успели сбежать в Набатею. Ту самую Набатею, в которой уже знакомый нам Селлий правил от имени бездеятельного Обода, ожидая часа, когда сможет надеть царский венец.

Римский закон требовал, чтобы правитель страны, входящей в пределы империи, немедленно выдал сбежавших к нему подданных другого царя-клиента, но Селлий и не подумал это сделать. Напротив, решив свести с Иродом счеты за историю с Саломеей, Селлий предоставил бедуинским бандам убежище и дал понять, что не станет возражать, если они будут совершать время от времени набеги на Трахон и другие районы царства Ирода, делясь с ним добычей.

Сразу по возвращении из Рима Ирод поспешил в Трахон, предпринял еще одну попытку добиться выдачи хотя бы главарей разбойников, а натолкнувшись на отказ, отдал приказ умерщвлять каждую неделю по одному из ближайших родственников бандитов. Но тут вступил в силу неписаный закон бедуинов о кровной мести. В ответ на казни набеги только усилились. Теперь разбойничьи шайки в качестве мести за родичей не только грабили, но и вырезали целые села. Одновременно в Набатею из Трахона бежали (в том числе и от казней Ирода)

члены семейных кланов главарей, и в результате общая численность этих «басмаческих» банд перевалила за тысячу человек.

Вне себя от гнева Ирод снова потребовал от Селлия выдать всех бандитов, а заодно вернуть долг в 60 талантов, ссуженных Ободу, тем более что оговоренный срок возврата ссуды давно миновал.

Селлий ответил на это, что ни о каких разбойниках в Аравии ведать не ведает, так как все его подданные сплошь мирные жители и кормят себя исключительно собственным трудом, а что касается возврата долга, то… он предоставляет решение этого спорного вопроса римским наместникам Сентию Сатурнину и Волумнию.

Решение двух прокураторов было однозначным: Селлий обязан вернуть Ироду долг в тридцатидневный срок, и стороны должны выдать друг другу сбежавших на их территорию подданных другой стороны.

Принимая последнее решение, Сатурнин и Волумний руководствовались исключительно желанием выказать себя сторонниками объективности: им было прекрасно известно, что Ирод не укрывает ни одного араба, сбежавшего на территорию Иудеи, в то время как Набатея дала убежище огромной банде разбойников, террористов, беглых преступников и т. п. Называть их можно было как угодно, но суть от этого не менялась. Думается, у читателя, хорошо знакомого с военно-политической ситуацией, сложившейся сегодня на Ближнем Востоке, уже возникли некоторые параллели. Но лишь дочитав рассказ о последней войне Ирода с арабами до конца, можно понять, что история в этом регионе не просто повторяется — она словно топчется на месте, и ни в расстановке сил, ни в приемах, которыми пользуются противоборствующие стороны, ровным счетом ничего не меняется.

Селлий, которого никак не устроил вердикт римских наместников, решил его проигнорировать. Вместо того чтобы выплатить долг, он с дорогими подарками отправился в Рим, чтобы завоевать симпатию Августа, оклеветать Ирода и таким образом избежать и уплаты долга, и выдачи разбойников. Последних Селлий решил представить несчастными, обездоленными беженцами, вынужденными покинуть родину из-за бесчинств Ирода.

Надо заметить, что в ту эпоху установленный римлянами на всей территории империи порядок, подобно нынешнему международному законодательству, строго регулировал как отношения между вассальными царствами, так и сами правила ведения войны. Нарушать эти правила позволялось разве что самим римлянам, а вот все остальные правители должны были улаживать споры между собой миром и прибегать к применению силы лишь в особых случаях, да и то опять-таки только с санкции Рима.

Так как Селлий отказался выполнить решение арбитражного суда, Сатурний и Волумний признали, что Ирод имеет право пойти на арабов войной. Однако при этом войну он мог вести только против самих разбойников и тех, кто их поддержит с оружием в руках, и ни в коем случае не против мирных жителей.

Воспользовавшись данным ему разрешением, Ирод вторгся в Набатею и стремительным конным переходом за три дня вместо семи оказался у Раипты — небольшой крепости, где засели трахонские головорезы. Набатеи прислали им на помощь отряд в несколько тысяч человек во главе с военачальником Накебом, но сражение между ним и Иродом закончилось, едва начавшись: Накеб был убит, а его солдаты бежали, оставив на поле боя 25 трупов.

Что касается разбойников, то они быстро поняли, что одно дело — грабить и убивать мирных

крестьян и совсем другое — противостоять хорошо обученной регулярной армии. В обмен на капитуляцию Ирод сохранил им жизнь, но велел сровнять Раипту с землей, после чего объявил кампанию оконченной.

По возвращении в Иудею он велел направить в Трахон три тысячи воинов из числа соплеменников-идумеев, с тем чтобы они со своими семьями обеспечивали порядок и колонизировали эту область.

После этого Ирод послал Сатурнину и Волумнию подробный отчет о кампании, и те, проведя собственное расследование, пришли к выводу, что Ирод и в самом деле не нарушил ни одного из римских законов о ведении войны.

Тем временем известие о событиях в Аравии дошло и до находившегося в Риме Селлия. Облачившись в траурные одежды, неофициальный правитель Набатеи явился ко дворцу Августа, а на вопрос императора, о чем он скорбит, рыдая, заявил, что справляет траур по своему народу, который из-за Ирода оказался на грани уничтожения. Дальше Селлий стал рассказывать о том, как, вероломно вторгшись в страну, Ирод буквально опустошил Аравию, разрушил и разграбил полную сокровищ крепость Раипту, убил две с половиной тысячи мирных, не оказывавших ему никакого сопротивления жителей, а также его друга и родственника Накеба.

Все это, по словам Селлия, было бы невозможно, находись он не в Риме, а на родине — уж он бы сумел дать отпор зарвавшемуся иудейскому царьку. Но ведь он покинул Набатею в твердой уверенности, что благодаря Цезарю во всей империи царит мир и решение споров путем войн осталось в далеком прошлом!

Эта страстная речь о совершенном Иродом «геноциде арабского народа» и опустошении целой страны произвела должное впечатление на Августа. Вдобавок Селлий представил ему в качестве свидетелей подданных Ирода, жителей Трахона, и те подтвердили рассказ о «геноциде».

Дальше Август разбираться уже не стал. Его личные симпатии к Ироду пошли на убыль еще после истории с Александром и Аристобулом, а после рассказа Селлия Цезарь окончательно решил, что Ирод зарвался и пришло время поставить его на место.

В немедленно составленном письме Август обвинил Ирода в военных преступлениях и известил, что лишает его высокого звания «друга императора» («филокейсара») и «будет видеть в нем теперь лишь своего подданного», обязанного беспрекословно выполнять его приказы.

Селлий, разумеется, не преминул сообщить об опале Ирода своим соплеменникам в Набатее, после чего арабы совсем распоясались. Они захватили принадлежавшие Ироду пастбища, возобновили набеги и, объединившись с трахонцами, нападали уже не только на села, но и на идумейские гарнизоны.

Безусловно, если бы у Ирода были развязаны руки, он бы с легкостью провел военную операцию и восстановил спокойствие на восточной границе. Но Ирод понимал, что теперь без высочайшего разрешения Августа такие шаги предпринимать опасно, и потому направил в Рим посольство, с тем чтобы разъяснить императору, как все было на самом деле. Но и это, и следующее посольство вернулись с берегов Тибра с пустыми руками — посланникам Ирода попросту не удалось добиться аудиенции у Цезаря.

Кто знает, возможно, если бы во главе посольства Ирода стояли бы такие опытные дипломаты,

как Андромах и Гемелла, они бы смогли добиться столь необходимой личной встречи с императором. Но, как уже говорилось, Ирод отстранил их от дел и отправил в ссылку, так что пенять ему надо было только на себя.

Между тем Селлий продолжал оставаться в Риме, все больше сближаясь с Августом, и чем дальше, тем опаснее становилось это сближение не только для Ирода, но и для всей Иудеи.

Однако Ирод не случайно считался счастливчиком. В тот самый момент, когда казалось, что его дела совсем плохи, ему снова улыбнулась удача: в Набатее неожиданно скончался царь Обод и по праву наследования на престол вступил его родственник Эней, взявший себе родовое имя арабских царей — Арета.

По принятым правилам Арета должен был для начала явиться в Рим, представиться императору, предъявить свои права на корону и получить статус царя-клиента из его рук. Однако Арета понимал, что Селлий в этом случае сделал бы все возможное, чтобы Август передал престол ему, а потому поступил наоборот — сначала провозгласил себя царем, а уже затем отправил посольство в Рим с богатыми дарами, в число которых входил золотой венец, украшенный драгоценными камнями. Помимо прочего, послы должны были передать императору письмо Ареты, в котором тот пытался объяснить свои поступки и раскрыть истинное лицо Селлия.

В письме, помимо прочего, утверждалось, что смерть Обода не была случайной — царь стал жертвой медленного отравления людьми Селлия, который и удалился в Рим, чтобы снять с себя подозрения. Дальше в письме говорилось, что хотя Селлий рвется к власти, его никак нельзя к ней допускать, так как он мот, насильник замужних женщин и убийца.

Селлий между тем отнюдь не сидел сложа руки и еще до прибытия посольства из Аравии стал убеждать Августа, что Арета самовольно захватил власть и тем самым бросил вызов Риму. И Август снова пошел на поводу у Селлия — он отказался принять дары Ареты, выслушать его послов, не говоря уже о том, чтобы прочитать присланное ему письмо.

Таким образом, и Ирод, и Арета оказались в одинаковом положении, и это невольно сделало их союзниками. В поисках выхода они решили отправить в Рим Николая Дамасского, который должен был воспользоваться связями как Ирода, так и Ареты, чтобы добиться аудиенции у Цезаря и убедить выслушать мнение другой стороны о происходящем в Иудее и Аравии.

* * *

Николай, надо отдать ему должное, тщательно подготовился к порученной миссии. Он собрал необходимые документы, включая долговые расписки Селлия, письма римских наместников Ироду с разрешением выйти на войну и подтверждением, что война велась по правилам и т. д.

В Риме Николай немедленно встретился с партией сторонников Ареты, предоставивших ему не менее серьезный компромат на Селлия. В том числе и письма, доказывающие, что Селлий велел отравить Обода; что в своем непомерном сластолюбии он изнасиловал немало не только арабок, но и римлянок, а также занимал огромные суммы, которые тратил отнюдь не на нужды царства, а на собственные прихоти.

Благодаря как связям двух царей, так и личному обаянию Николаю удалось добиться главного — чтобы Август его выслушал. И не просто выслушал, а согласился наконец разобрать жалобы Ирода на Селлия, а Селлия на Ирода.

Готовясь к слушаниям, Николай решил придерживаться тактики не защиты, а нападения —

сразу же начать с обвинения в адрес Селлия, выкладывая один неопровержимый факт за другим.

Однако как только посланник Ирода стал жаловаться на злодеяния Селлия, император прервал его.

— Я не желаю этого слышать! — сказал Август. — Говори только о своем царе! Я хочу знать, почему он убил две с половиной тысячи ни в чем не повинных людей, разграбил чужую страну, захватил множество пленных…

— Но как раз об этом я и хочу говорить! — ответил с достоинством Николай. — Вот расписка в том, что Ирод одолжил Аравии 60 талантов. В ней ясно сказано, что если долг не будет уплачен вовремя, то он имеет право получить возврат территорией. С этой точки зрения данный поход был не чем иным, как походом за возвратом долга, на что и была получена санкция Сатурнина и Волумния, после того как Селлий отказался выполнить их указ о возвращении долга в 30 дней. Но всего удивительнее слышать мне, Цезарь, что Ирод разграбил страну, убил тысячи людей и увел множество пленных. Ирод не взял в плен ни одного араба — только своих же подданных, которые бежали в Аравию и оттуда стали разбойничать. Не было и разграбления страны — Ирод уничтожил лишь одну крепость, служившую для этих разбойников убежищем. Что же касается убитых, то все потери арабов — и они сами это подтверждают! — составили 25 человек. Просто Селлий с его природной склонностью ко лжи умножил это число на сто!

После этих слов в зале, как и полагается по законам жанра, установилась пауза — Николай замолчал, дожидаясь, пока Август осмыслит услышанное.

Наконец Август перевел взгляд на Селлия и спросил, так сколько же на самом деле арабов пало в ходе войны с Иродом.

— Точных данных у меня нет, великий Цезарь. Возможно, меня ввели в заблуждение, однако… — начал было Селлий, но Август жестом оборвал его на полуслове.

— Ты уверен, что убитых было только 25 человек? — спросил Николая пораженный властелин Рима.

— Я не знаю, что именно тебе, Цезарь, наболтал этот шут, но их и в самом деле было только двадцать пять! — с достоинством ответил Николай.

После того как Селлий был уличен во лжи, его политическая карьера была закончена. Да и, похоже, не только карьера. Обвинив Селлия в том, что он своей ложью поссорил его с давним и преданным другом, Август заявил, что Селлий заслуживает смерти, но окончательно он решит его участь лишь после того, как будет сполна возвращен долг Ироду… Что касается Ареты, то его было решено пока оставить царем Набатеи.

* * *

В те самые дни, когда Николай находился в Риме, в Иерусалимском дворце стали происходить поистине ужасные события. Начало им положил визит в Иудею царя Спарты Гая Юлия Эврикла.

Судя по обмолвкам Флавия, Эврикл прибыл по приглашению Антипатра, познакомившегося с ним во время пребывания в Риме. Однако, появившись в Иерусалиме, спартанский царь одновременно становился и личным гостем Ирода.

Надо заметить, что биографии Эврикла и Ирода были в чем-то схожи. Оба поначалу были сторонниками Антония, а затем переметнулись к Августу. Причем Эврикл был участником битвы при Акции, а потому вошел в ближайшее окружение Августа. Оба они не были потомственными царями, а получили свои царства из рук римлян. Наконец, оба слыли тиранами и транжирами, обложившими своих поданных тяжелейшими налогами.

Но если Ирод тем или иным образом еще держался на плаву, то Эврикл опустошил казну Спарты до дна и крайне нуждался в деньгах. Эта нужда и привела его в Иерусалим: явившись в Иудею с дорогими подарками для Антипатра и Ирода, он надеялся получить взамен куда большие подарки и с их помощью хотя бы как-то поправить свои дела. Забегая вперед скажем, что эти надежды полностью оправдались, так как подлость обычно очень хорошо оплачивается.

Хотя Флавий об этом прямо не пишет, из самого его текста нетрудно догадаться, что Антипатр пообещал Эвриклу огромные деньги, если тот поможет ему избавиться от Александра и Аристобула, сведя таким образом на нет недавние усилия царя Архелая.

Ирод же, вообще любивший гостей (так как это давало повод покрасоваться), принял Эврикла с распростертыми объятиями. Отчасти это объяснялось еще и тем, что хотя спартанцы были частью греческого этноса, сами они относили себя к семитам и вели свое происхождение от праотца Авраама. Таким образом, они приходились близкими родственниками евреям, идумеям и арабам и пользовались уважением как у тех, так и у других и у третьих.

Беда заключалась в том, что Эврикл был полной противоположностью представления о спартанцах как о людях исключительного мужества, честности и благородства.

С помощью неприкрытой лести он вскоре настолько вошел в доверие к Ироду, что тот стал считать Эврикла лучшим другом и внимать каждому его слову. Одновременно он втерся в доверие и к Александру, представившись близким другом его тестя Архелая. В беседах с Александром Эврикл вновь и вновь выражал недоумение, почему тот, сын потомственной царицы и зять царя, терпит, чтобы главным наследником считался безродный Антипатр?! Раз за разом гость из Спарты вызывал Александра на откровенность; что называется, тянул за язык, побуждая высказывать все, что царевич думал по поводу казни матери, а также Ирода и его правления.

Затем Эврикл проделал тот же трюк с еще более простодушным Аристобулом и поспешил к Антипатру, чтобы отчитаться «о проделанной работе». Посовещавшись, друзья решили, что все услышанное от Александра и Аристобула Эврикл должен будет пересказать Ироду, добавив, что братья уже разработали план отцеубийства.

Вот как сообщает о дальнейших событиях в «Иудейской войне» Иосиф Флавий, добавляя, что де-факто Эврикл нанялся к Антипатру в убийцы Александра и Аристобула:

«…“В благодарность за твои милости ко мне, — так начал Эврикл, — я дарю тебе, Ирод, жизнь; как воздаяние за твое гостеприимство, я приношу тебе свет. Уже давно выточен меч и рука Александра простерта над тобою. Ближайшее осуществление заговора я предотвратил тем, что притворялся сообщником его”. Александр сказал: Ирод не довольствуется тем, что сидит на не принадлежащем ему троне, что после убийства их матери раздробил ее царство, он еще возвел в престолонаследники бастарда — этого проклятого Антипатра, которому предназначил их родовое царство, но он решил принести искупительную жертву памяти Гиркана и Мариаммы [Мариамны], ибо из рук такого отца он не должен принять скипетр без кровопролития. Каждый день его всяческим образом раздражают; ни единого слова, срывающегося с его

языка, не оставляют без извращения. Заходит ли речь о чьем-либо благородном происхождении, то без всякого повода приплетают его имя. Ирод говорит тогда: “Есть один только благородный, это Александр, который и отца своего презирает за его простое происхождение”. На охоте он вызывает негодование, если молчит, а если хвалит, то в этом усматривают насмешку. Отец всегда сурово с ним обращается, только с Антипатром он умеет быть ласковым. Он поэтому охотно умрет, если его заговор не удастся. Если же ему удастся убить отца, то он надеется найти убежище прежде у своего тестя Архелая, к которому легко может бежать, а затем также у императора, который до сих пор совсем не знает настоящего Ирода; ибо тогда он не так, как прежде, будет стоять пред ним, трепеща пред присутствовавшим отцом, и не будет только докладывать об обвинениях, которые он лично возводит на него. Он прежде всего изобразит императору бедственное положение всей нации, он расскажет ему, как у этого народа высасывали кровь поборами, на какие роскоши и злодейства были растрачены эти кровавые деньги, что за люди те, которые обогащались нашим добром и которым дарили целые города; затем он еще будет взывать о мести за его деда и мать и сорвет завесу, скрывающую все ужасы и гнусные дела нынешнего царствования — тогда, надеется он, его не будут судить как отцеубийцу.

Очернив этой хитросплетенной ложью Александра, Эврикл рассыпался в похвалах об Антипатре: только он один и любит своего отца, только благодаря его энергичным мерам заговор до сих пор не мог быть осуществлен. Царь, в котором не изгладились еще прежние подозрения, этими новыми открытиями был приведен в бешеную ярость» (ИВ. Кн. 1. Гл. 26: 2–3. С. 121–122).

Таким образом, Эврикл добился своего. У Ирода снова обострилась параноидная шизофрения с бредом преследования и галлюцинациями, а прежняя ненависть к сыновьям от Мариамны Хасмонейской вспыхнула даже с еще большей силой.

По всей вероятности, далеко не все переданное Эвриклом Ироду было клеветой. Часть из его сообщения явно была правдой, и именно некоторые детали рассказа Эврикла окончательно убедили Ирода в этом. К примеру, Эврикл по определению не мог придумать жалоб Александра на тяжелое положение населения страны — ему-то это положение было глубоко безразлично. А вот Александра, считавшего себя частью еврейского народа и не числившего отца полноценным евреем, этот вопрос мог искренне волновать.

Кроме того, нельзя исключить, что Александр и Аристобул, подобно тому как некогда их мать и бабка, и в самом деле подумывали о побеге из страны, чтобы затем явиться в Рим и открыть Августу глаза на «истинное лицо» Ирода. В сущности, Ирод не оставил им выхода, терзая бесконечными подозрениями, заставляя опасаться за свою судьбу, и тогда Александр вспомнил об обещании тестя предоставить убежище ему и Аристобулу.

Очень похоже на правду и то, что Александр в сердцах назвал Антипатра «бастардом». Точнее, «мамзером» — куда более хлестким и презрительным еврейским словом, которому в русском языке больше соответствует слово «ублюдок». Никаким «мамзером», то есть незаконнорожденным, Антипатр, разумеется, не был, однако само по себе это слово было чрезвычайно оскорбительным.

Но вот то, что братья собирались совершить покушение на отца, крайне маловероятно хотя бы потому, что Ирод весьма заботился о своей безопасности. Между тем именно этот довод и был в речах Эврикла главным — не случайно он начал с того, что дарит Ироду жизнь.

Как бы то ни было, Антипатр заметил перемену в настроении Ирода и поспешил донести отцу, что братья-Хасмонеи проводят некие тайные совещания с Юкундом и Тираном — двумя

молодыми офицерами из его конной охраны, уволенными недавно со службы за некую провинность.

В чем именно заключалась эта провинность, Флавий не пишет, но подчеркивает, что они выделялись среди остальных воинов конного эскорта Ирода своей силой и ростом. Это невольно наводит на мысль, что причиной их отставки была элементарная зависть — как уже говорилось, Ирод всегда откровенно завидовал и испытывал неприязнь к молодым высоким красавцам, и с годами эта черта его характера только усилилась.

Вместе с тем Юкунд и Тиран продолжали появляться в том же гимнасии, или, проще говоря, в том же спортзале, в котором любил тренироваться Александр. Как это часто бывает во время таких тренировок, между молодыми людьми возникли приятельские отношения. Узнав, что они изгнаны со службы, Александр стал их поддерживать деньгами и заодно время от времени приглашал на свои пирушки.

Эти посиделки за кубком хорошего вина и были истолкованы Антипатром как «тайные совещания с целью цареубийства».

И вновь нетрудно догадаться, что произошло дальше. Юкунд и Тиран были арестованы и, само собой, подвергнуты пыткам. Поначалу они крепились и отказывались давать показания против Александра, но затем молодые люди сломались и признались во всем, что от них требовали.

Требовалось, в общем-то, немного: подтвердить, что Александр уговаривал их умертвить на охоте Ирода и выдать все за несчастный случай — дескать, царь упал с лошади, да так неудачно, что прямо на острие копья. А дальше братья якобы собирались укрыться у поддерживающего их коменданта Александриона и с помощью гарнизона этой крепости захватить власть.

Достаточно было задуматься, чтобы понять всю нелепость этой версии. Дело происходило в 7 году до н. э., а Юкунд и Тиран были отстранены от службы годом раньше. С момента отставки они никакого участия в царской охоте не принимали, а потому и не могли разрабатывать с Александром такой план убийства Ирода.

Но в том-то и дело, что ни Антипатра, ни Ирода, ни тем более заплечных дел мастеров логика не интересовала.

Первым после выбитого из друзей Александра признания был арестован комендант крепости Александрион.

Старый солдат оказался крепким орешком и даже под чудовищными пытками отказался оговаривать царевича. Тогда Антипатр пригласил в пыточную камеру сына коменданта Иегуду. Не в силах смотреть на страдания отца, Иегуда от его имени подтвердил факт заговора.

На следующий день после этого солдаты Ирода пришли за Александром. Когда ему в качестве «вещественного доказательства» вины предъявили письмо, которое он якобы написал коменданту Александриона, Александр только криво усмехнулся.

— Жалкая подделка! — сказал он. — Мы все прекрасно знаем, кем она состряпана. Царский писец Диофант давно уже упражняется в подражании чужим почеркам. Но она ничего не доказывает!

Однако, как понимает читатель, это ничего не изменило.

Аристобул был арестован вскоре вслед за братом, после чего все подозреваемые по этому делу были доставлены в Иерихон, значительную часть населения которого составляли воины-наемники и их семьи. Здесь, согласно официальной версии, узнав, что речь идет о потенциальных цареубийцах, толпа набросилась на арестантов и растерзала Юкунда, Тирана и коменданта Александриона.

«Народ» собирался уже было наброситься и на братьев, но тут вмешались Феррора и хранитель печати Птолемей и остановили толпу.

Нет никаких сомнений, что на площади в Иерихоне Антипатром изначально были собраны вполне определенные люди для изображения «праведного народного гнева». Ну а то, что эта толпа была отнюдь не неуправляемой, уже доказывает, что достаточно было знака со стороны Ферроры и Птолемея — и самосуд был остановлен. Вот только теперь у Александра и Аристобула не осталось никаких свидетелей, которые могли бы заявить в суде, что их признания сделаны под пытками и ничего не стоят.

Среди тех, кто пришел навестить Аристобула в тюрьме, была и его «любимая» теща Саломея. То ли в запальчивости, то ли и в самом деле с дальним расчетом, Аристобул заявил ей, что если она думает, что их с братом гибелью все и закончится, то ошибается — возможно, именно она и будет следующей, так как ходят слухи, что, желая завоевать Селлия, она передавала арабу секретные сведения.

Саломея поспешила донести на Аристобула Ироду, добавив, что таким образом зять подстрекал ее к убийству брата. Вне себя от ярости, Ирод приказал немедленно развести братьев по разным камерам и заковать обоих в кандалы…

Одновременно он велел сыновьям написать покаянные письма Цезарю с признанием в якобы совершенных ими преступлениях.

Письма эти оказались настолько похожими, что, по логике вещей, сами по себе были доказательством их невиновности. Не сговариваясь, братья признались, что действительно хотели сбежать от полубезумного отца, но при этом категорически отвергли обвинение, что планировали его убийство.

Но, повторим, логика в этом деле уже никого не интересовала. Ирод вообще не был готов выслушивать каких-либо доводов в пользу невиновности сыновей и потому просто проигнорировал слова гостившего у него коянина Эварата, пытавшегося вступиться за Александра.

Дело явно шло к кровавой развязке.

* * *

Последующие события развивались следующим образом.

Эврикл покинул Иудею, получив в награду за свои интриги 15 талантов. Из Иерусалима он направился в Каппадокию, к царю Архелаю, где уверил последнего, что окончательно примирил Ирода с сыновьями — и получил за эту наглую ложь дополнительный подарок.

Но рано или поздно до Архелая должны были дойти слухи об истинном положении вещей. Узнав о случившемся в Иерусалиме, он, будучи хорошо знаком с Иродом, видимо, понял, что на этот раз выручить из беды зятя вряд ли удастся и надо попытаться спасти хотя бы дочь и внуков. С этой миссией он и направил в Иерусалим своего министра Мелу.

В качестве доказательства справедливости выдвинутых в адрес Александра обвинений Ирод велел привести закованного в кандалы Александра и устроил ему новый допрос при Меле. Александр подтвердил, что хотел бежать в Каппадокию, к Архелаю, но вновь отверг все обвинения в намерении убить отца. Воспользовавшись случаем, он попросил Мелу передать тестю, что все еще надеется на более справедливое расследование. Хотя после убийства Тирана и Юкунда шансы на это были невелики, но если его и брата доставят в Рим, то они все-таки есть.

После этого Ирод велел Птолемею отвести Мелу и Александра к Глафире. Увидев мужа в кандалах, Глафира разрыдалась и бросилась ему на шею. Птолемей дал супругам излить свои чувства, а затем, выполняя поручение Ирода, спросил молодую женщину, знала ли та что-либо о планах мужа.

Глафира ответила, что ни о каких дурных планах Александра она не знала, но если это надо для спасения супруга, то готова признаться в чем угодно.

— Ни я, ни ты не знаем ни о чем из того, в чем нас обвиняют эти люди. Вся наша вина лишь в том, что мы хотели уехать к твоему отцу, а оттуда в Рим! — сказал Александр, пытаясь удержать жену от глупостей.

Но Ироду этого было более чем достаточно: слова Александра и поведение Глафиры стали для него свидетельством, что царь Архелай также принимал участие в заговоре. Меле не оставалось ничего, как попытаться убедить Ирода, что, согласившись дать братьям убежище, Архелай вовсе не собирался посылать их в Рим жаловаться на Ирода. Что, впрочем, не могло переубедить последнего, так как параноика переубедить в чем-либо вообще невозможно.

В тот же день Ирод написал и отправил два письма.

Одно из них было адресовано Архелаю с обвинениями в соучастии в заговоре. Второе — Августу с подробным описанием расследования по делу Александра и Аристобула, с приложением их «покаянных» писем и нижайшей просьбой свершить над ними справедливый суд.

Это письмо было доставлено в Рим вскоре после того, как Николаю Дамасскому удалось уверить императора в том, что Селлий попросту оклеветал Ирода. Узнав об этом, доставившие послание иудейского царя Олимп и Волумний поспешили вручить его Августу.

Тот, чувствуя вину перед Иродом за историю с Селлием, отписал, что, как царь, Ирод вправе и сам свершить суд над собственными детьми.

Больше Александру и Аристобулу рассчитывать было не на кого.

Глава пятая. «Избиение младенцев»

Будем объективны: смысл письма Августа отнюдь не заключался в том, что Ирод может делать все, что ему вздумается. Прочитав послание из Иерусалима, Цезарь мгновенно понял, что Ирод не в себе, и отказался от уже принятого было решения передать под его власть всю Набатею.

Ответное письмо Август начал с выражения соболезнования Ироду по поводу его семейных проблем. Затем владыка Рима и в самом деле указал, что, будучи царем, тот имеет право свершить суд над сыновьями, но тут же добавил, что это должен быть очень представительный и справедливый суд, а потому состав судей следует максимально расширить и желательно

ввести в него среди прочих того же царя Архелая. Вдобавок — опять-таки ради объективности — Август рекомендовал провести суд не в Иудее, а на какой-нибудь нейтральной территории.

Наконец, в заключение император подчеркнул, что если сыновья и в самом деле замышляли отцеубийство, то к ним следует применить крайнюю меру. Но если речь шла только о попытке побега, то, возможно, их вообще не стоит наказывать или ограничиться изгнанием из Иудеи.

Таким образом, говорить о том, что Октавиан Август дал Ироду полный карт-бланш на убийство сыновей, не приходится. Другое дело, как Ирод воспринял это письмо. А воспринял он его однозначно: как то, что «ему предоставлена относительно своих сыновей полная свобода действий», и «совершенно отдался мощному чувству своей ненависти» (ИД. Кн. 16. Гл. 11:1. С. 170).

Тем не менее пренебречь письмом Цезаря полностью Ирод, безусловно, не мог, а потому решил проводить суд не в Иерусалиме, а в Берите, как тогда назывался сегодняшний Бейрут.

В качестве судей он созвал всех живших в регионе видных римских сановников и местных правителей — и таким образом число членов суда достигло 150 человек. Но каждый из них числился в друзьях Ирода, каждому из них он в свое время делал дорогие подарки или оказывал некие услуги, а потому ни о каком объективном суде изначально не могло быть и речи. Что же касается Архелая Каппадокийского, то его Ирод решил вовсе не приглашать — ведь, в конце концов, речь шла не о приказе, а лишь о рекомендации. Таким образом, среди судей не оказалось ни одного человека, который мог бы повлиять на мнение других членов суда в пользу царевичей.

Больше того, зная, насколько Александр и Аристобул сведущи в юриспруденции, и помня о немалом ораторском таланте старшего сына, Ирод решил вообще не приводить их в суд, лишив таким образом подсудимых не только возможности выступить в свою защиту, но и произнести последнее слово.

К тому же Ирод опасался, что сам вид царевичей может возбудить в судьях сострадание. На протяжении всего времени суда он содержал сыновей под стражей в небольшой деревушке близ Сидона — на случай, если суд все же пожелает их выслушать. Но никто из судей не захотел соблюсти даже тех правил приличия, которые могли создать видимость правосудия.

Из самого описания Флавием этого судебного процесса безумие Ирода, игравшего роль прокурора, почти не вызывает сомнений.

«Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он выказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая судьям возможности лично проверять доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком-либо другом преступном замысле, но где только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшиеся его собственной враждебностью к детям. На таких местах царь возвышал голос и говорил, что тут лишнее доказательство очевидного существования заговора, причем клялся, что охотнее лишился бы жизни, чем выслушивать такие речи. В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению, и привел древнее постановление, в силу которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствовавших при этом. Несмотря на то что он [царь] властен делать в своей стране и в своем царстве все, что

угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил он, здесь не столько в качестве судей, долженствующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, так как никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварному замыслу», — пишет Флавий (ИД. Кн. 16. Гл. 11:1. С. 170–171).

При всем безумии Ирода его речь, как следует из этого отрывка, была логически безупречна. Ирод в ходе нее апеллировал как к римскому уголовному и семейному праву, так и к Галахе — еврейскому законодательству.

Основываясь на последнем, он обвинил Александра и Аристобула в нарушении заповедей о почитании отца и матери (Исх. 20:12), запрета поднимать руку на родителей (Исх. 21:15), запрета злословить и проклинать правителя страны (Исх. 22:27), заповеди о том, что человек должен бояться родителей (Лев. 19:3), и в итоге все свел к закону о бунтующем сыне, заслуживающем смертной казни (Втор. 21:18–21).

Но, апеллируя к римскому и еврейскому праву, Ирод явно «забыл», что обе эти правовые системы ясно определяют принципы ведения справедливого суда, и походя попрал все нормы правосудия.

Когда Ирод окончил говорить, в огромном зале установилась тишина. Лишь один из ста пятидесяти судей — бывший консул Сатурнин — высказался против требования Иродом смертной казни. Да и то не потому, что Ирод не привел никаких доказательств виновности сыновей, а исключительно по соображениям гуманности. Сатурнин заметил, что Ирод, конечно, вправе судить своих детей, но ему, как отцу, кажется немыслимым, что тот же отец может предать сыновей смерти, какое бы тяжелое преступление они ни совершили. Мнение Сатурнина поддержали и три его сына, также включенных Иродом в состав суда.

Однако проконсул Волумний в ответ заявил, что согласен с Иродом в требовании смертной казни для цареубийц, и следом за ним то же мнение поспешили высказать и остальные судьи. При этом ни один из них явно не считал царевичей виновными. Большинство голосовали так исключительно, чтобы потворствовать воле Ирода, хотя были и те, кто голосовал из тайного злорадства — ненавидя в душе Ирода, они прекрасно понимали, что в итоге такой приговор ничего хорошего ему самому не принесет.

Понятно, что если бы Николай Дамасский, не веривший в вину царевичей, был в это время рядом с Иродом, то, возможно, он попытался бы остановить его еще на стадии подготовки к судебному процессу. Но Николай, как уже было сказано, находился в тот момент в Риме. Роль советников при Ироде исполняли Саломея и Феррора. И советы у них были соответствующие.

Узнав о суде, Николай заторопился домой и встретился с Иродом еще до его возвращения в Иудею, в Тире. Выслушав подробный отчет Николая о пребывании в Риме, Ирод остался им чрезвычайно доволен и стал расспрашивать, что говорят в Риме о процессе в Берите. Николай использовал этот вопрос для последней попытки спасти Александра и Аристобула.

Нет, он не стал убеждать царя, что тот принял ошибочное решение, — это было бесполезно. Зато он стал говорить, что и император, и римская аристократия могут воспринять казнь царевичей как проявление варварства; как шаг, предпринятый Иродом в припадке гнева, а не как акт правосудия. Затем он посоветовал отсрочить исполнение приговора и пока просто содержать царевичей в тюрьме, где они не будут представлять никакой опасности.

Ирод, похоже, всерьез призадумался над этим советом. Не исключено, что он бы ему даже

последовал, но события, увы, повернулись иначе.

* * *

За ходом судебного процесса в Берите, затаив дыхание, следила вся Иудея.

Вне сомнения, симпатии большинства народа были на стороне царевичей, их считали невинно оклеветанными, но когда до страны дошла весть о смертном приговоре, все словно оцепенели. Страх парализовал людей, и никто не решался высказать все, что он думает по поводу случившегося.

Никто — кроме Тирона, старого боевого товарища Ирода и одного из ветеранов его армии. Привыкший рубить правду-матку с плеча, Тирон еще до возвращения царя в страну стал говорить о попранном правосудии и погибшей справедливости, а когда Ирод прибыл в Кейсарию, явился во дворец и заявил, что на правах старого друга хочет переговорить с царем с глазу на глаз.

— Скажи, царь, куда девался тот тонкий ум, благодаря которому ты в свое время совершил столько великих дел? У меня такое ощущение, что ты попросту сошел с ума! Неужели ты не видишь, что происходит? Что от тебя отвернулись наиболее честные и преданные твои друзья, а рядом остались лишь подхалимы и подлецы?! Во всяком случае, я отказываюсь признать их твоими друзьями, если они не пытаются остановить тебя. Неужели ты и в самом деле решил убить двух лучших из своих сыновей, которые тебе родила царственная супруга? Неужели тебе недостаточно, что ты уже убил всех их родных?! Многие солдаты и почти все офицеры сочувствуют невинно обвиненным царевичам…

В «Иудейской войне» Флавий высказывает версию, что Тирон был обыкновенным сумасшедшим, так как трудно представить, что человек в здравом уме мог решиться на подобный поступок. Но между тем речь Тирона при всей ее прямолинейности никак не наводит на мысль о помутнении его рассудка. Если это и было безумство, то того самого рода, которому принято петь песню.

Но, может, Тирон и в самом деле решил надеть на себя маску «городского сумасшедшего», юродивого в надежде на то, что в этом случае высказанная напрямую правда сойдет ему с рук? Ведь испокон веков во всем мире юродивого было принято миловать, даже если до впадения в безумие тот был злейшим врагом. Тирон (да и Ирод) не мог не помнить библейский рассказ о том, как Давид благодаря этой уловке был помилован филистимским царем Авимелехом, и потому, вероятно, рассчитывал на благоприятный исход своей миссии.

Но благородства библейского Авимелеха у Ирода не было и в помине.

Флавий пишет, что Ирода вывели из себя два момента речи Тирона: упоминание о недовольстве в армии, а значит, и возможном путче, а также то, что Тирон говорил «с солдатской развязностью».

Вне сомнения, Тирон был солдафоном, но Ирод не захотел или уже не мог понять главного: Тирон и в самом деле говорил с ним как друг, один из последних оставшихся у него истинных друзей, и то, что Флавий называет «солдатской развязностью», на самом деле было солдатской прямотой.

Последствия не заставили себя ждать: Тирон и его сын, считавшийся близким другом осужденного Александра, были арестованы. В этот момент личный брадобрей Ирода Трифон, решив выслужиться перед царем, сообщил ему, что Тирон якобы не раз уговаривал его во

время бритья перерезать Ироду горло, но он, как любящий и верный слуга, разумеется, и в мыслях не мог допустить подобного.

Ирод немедленно велел арестовать и Трифона — чтобы проверить под пытками, могли брадобрей в самом деле допустить подобное в мыслях или не мог. Жесточайшие пытки были применены также к Тирону и его сыну — с целью установить, кто именно стоит в армии за заговором против царя. Дальше история повторилась: под пытками сын Тирона, чтобы положить конец как собственным страданиям, так и страданиям отца, признал, что Тирон и в самом деле планировал убить Ирода.

После этого признания последовали аресты трехсот заподозренных в нелояльности царю офицеров. Спустя несколько дней все эти офицеры вместе с Тироном, его сыном и излишне услужливым брадобреем Трифоном были выведены на площадь, где толпа заранее подобранных клакеров сначала бурно выражала негодование, а затем закидала осужденных камнями.

Похоже, Ирод и в самом деле поверил в существующий в армии заговор, а поверив, решил, что больше никаких поводов для отсрочки казни Александра и Аристобула не существует, и отдал приказ о их умерщвлении. Тем не менее в глубине души он, безусловно, осознавал всю несправедливость и жестокость вынесенного сыновьям приговора и вдобавок явно опасался народных волнений. Иначе трудно объяснить, почему он отправил царевичей в глубокой тайне в Себастию, где их и удушили. Затем, опять-таки в глубокой тайне, под покровом ночи тела Александра и Аристобула были перевезены в Александрион и похоронены неподалеку от могил Александра Янная, Гиркана II и других их царственных предков.

Так трагически оборвалась судьба двух сыновей Ирода, в которых и в самом деле текла царская кровь — кровь их матери Мариамны.

И здесь невозможно не вспомнить, что Ирод втайне пытался себя ассоциировать с библейскими царями Давидом и Соломоном. Но история Александра и Аристобула ясно показывает, какая огромная нравственная и человеческая пропасть отделяла его от того же царя Давида. В отличие от Ирода Давиду было суждено столкнуться не с воображаемым, а с вполне реальным заговором и мятежом его сына Авессалома. Подняв восстание, Авессалом не скрывал своего стремления уничтожить отца, но перед решающим боем Давид повелел ни при каких обстоятельствах не убивать сына. Когда же главнокомандующий армией Давида Иоав, чтобы положить конец кровавой гражданской войне, лично убил мятежного царевича, горю Давида не было предела. Царь рыдал, как ребенок — победа над сыном ценой жизни последнего была для него слишком горькой. Ироду, увы, столь великие душевные порывы были совершенно чужды. Он предпочитал плакать после того, как приговоренных им родственников сносили в могилу. Да и то плакал он больше по себе, чем по ним.

* * *

Казнь Александра и Аристобула, вне сомнения, даже на фоне других убийств, совершенных по приказу Ирода, выглядит самым страшным из его преступлений. Известие об этой казни вызвало у жителей Иудеи состояние, которое принято называть «массовым шоком». Не исключено, что именно этот шок и породил в итоге евангельское предание об избиении младенцев.

Все вышеописанные события, как уже было сказано, происходили в 7 году до н. э., и любопытно отметить, что именно к этому году относят рождение Иешуа ха-Ноцри, то есть Иисуса из Назарета (Нацрата), многие из тех историков, которые считают Иисуса Христа

реальной исторической фигурой.

В задачу этой книги не входит рассказ об обстоятельствах рождения Иисуса и тех яростных спорах, которые идут вокруг данного вопроса, однако и обойти его полным молчанием было бы по меньшей мере некорректно.

В самом деле, ни в одном из Евангелий не названы ни точная дата рождения Иисуса, ни его возраст во время распятия. Расхожие представления об этом строятся на известных хронологических расчетах Дионисия Малого, а в них вполне могла вкрасться ошибка. В то же время Евангелия настаивают на том, что основоположник христианства родился при жизни Ирода Великого, то есть никак не позднее 4 года до н. э.

Одновременно Евангелия достаточно ясно описывают три события, которые либо совпали, либо непосредственно предшествовали появлению на свет Иисуса: «вифлеемская звезда», на свет которой шли волхвы; перепись населения в Иудее и… избиение младенцев. Однако если в последнем десятилетии до нашей эры и произошло какое-нибудь знаменательное астрономическое событие, хорошо наблюдавшееся с территории древней Иудеи, то это было в 7 году, когда Сатурн и Юпитер «соединились» в знаке Рыб. Это было весьма необычное, привлекающее к себе внимание небесное зрелище, наблюдавшееся с апреля по декабрь того года и расцененное многими евреями как знак близости прихода Мессии.

К этому периоду великий астроном Иоганн Кеплер и отнес рождение Иисуса Христа.

Правда, никаких документальных свидетельств о проводимой в те дни переписи нет, но это событие тоже вполне вероятно: региональные переписи проводились во времена Ирода довольно регулярно для составления списков налогоплательщиков. Впрочем, у библейских Иосифа и Марии вполне могли быть и другие поводы для временного переезда из Назарета в Вифлеем (Бейт-Лехем).

Самым загадочным из этих трех событий является, безусловно, история об избиении Иродом младенцев.

Во-первых, она упоминается только в Евангелии от Матфея — три остальных канонических Евангелия об этой истории умалчивают. Во-вторых, несмотря на все усилия исследователей, ни в римских, ни в еврейских, ни в каких-либо других источниках упоминания о подобном событии не найдено. И это невольно наводит на мысль о том, что речь все же идет о более позднем вымысле.

Наиболее взвешенным подходом к данному вопросу следует, видимо, считать мнение Вернера Келлера, которое он изложил в своей знаменитой научно-популярной книге «Библия как история».

«За 36 лет, — писал Келлер, — не было такого дня, в который кого-либо не приговорили бы к смерти. Ирод не щадил никого, включая собственную семью и ближайших друзей; не избежали его жестокостей даже священники…

Избиение младенцев в Вифлееме, в котором обвиняет его Библия (Мф. 2:16), вполне укладывается в этот отвратительный портрет…

…Но в то же время не следует забывать, что здесь мы имеем дело с широко распространенным литературным мотивом “избранного ребенка”, подвергающегося при рождении той или иной опасности, — мотивом, который ассоциировался с целым рядом выдающихся личностей Древнего мира: с Саргоном Аюсадским, Моисеем, Киром Великим и даже с самим

императором Августом, а также с мифологическими персонажами, такими, как царь Эдип, которого отверг и бросил на произвол судьбы его отец Лай.

Поэтому следует проявлять осторожность в оценке исторической достоверности эпизода с избиением младенцев в Вифлееме. Возможно, эта сомнительная история — всего лишь попытка любыми доступными способами подтвердить чрезвычайную значимость Иисуса»[64].

* * *

О том, что законных наследников престола широкие массы видели именно в Александре или Аристобуле, свидетельствует уже то, что народ отказывался поверить в их смерть и в течение еще пары десятилетий на исторической арене появлялись пытавшиеся действовать от их имени самозванцы.

Иосиф Флавий приводит историю одного из таких самозванцев в «Иудейской войне»:

«К тому же времени прибыл в Рим иудейский юноша, воспитанный в Сидоне у римского вольноотпущенника, который, обладая внешним сходством с Александром, убитым Иродом, выдавал себя за последнего в надежде, что никем не будет изобличен. Соотечественник его, посвященный во все новейшие события Иудеи, помогал ему в исполнении роли; по его наставлению он рассказывал, “что палачи, посланные для умерщвления его и Аристовула, скрыли их из жалости в безопасное место и подложили похожие трупы”. Этим объяснением он ловко обманул критских иудеев и, блестяще снабженный ими всем необходимым, отплыл в Мил. Здесь он также приобрел полное доверие, собрал еще больше средств и уговорил своих гостеприимных хозяев ехать вместе с ним в Рим. Прибыв в Дикеархию, он получил от тамошних иудеев массу подарков, а друзья его мнимого отца провожали его, как царя. Сходство его наружности было до того обманчиво, что даже те, которые видели Александра и хорошо знали его, клялись, что это именно он. Все римское иудейство устремилось ему навстречу, и бесчисленное множество людей наполняло улицы, по которым должны были его нести. Милиане пришли в такой экстаз, что носили его на носилках и на свой собственный счет приобрели ему царское одеяние.

Император, который хорошо знал черты лица Александра — пред ним же он обвинялся Иродом, — проник весь этот основанный на наружном сходстве обман, еще прежде чем видел пред собою эту личность; но для устранения всякого сомнения он приказал привести юношу к более близкому знакомому Александра, Келаду. При первом же взгляде последний заметил даже разницу в лице; но помимо этого, грубое телосложение заставляло признать в нем раба. Келад убедился в обмане; но его выводили из себя дерзкие уверения обманщика. Когда, например, спрашивали у него об Аристовуле, он ответил: “И этот находится в живых; но из предосторожности он остался в Кипре, чтобы избежать преследования; потому что, если они будут разъединены, их труднее будет поймать”. Келад взял его в сторону и именем императора обещал ему помилование, если он назовет то лицо, которое натолкнуло его на этот обман. Он выразил согласие, отправился вместе с ним к императору и выдал того иудея, который воспользовался его сходством для надувательства…

…Император рассмеялся, определил лже-Александра, вследствие здорового его телосложения, в гребцы, а обольстителя его приказал казнить» (ИВ. Кн. 2. Гл. 7:1–3. С. 165–166).

В «Иудейских древностях» эта история рассказывается чуть иначе, там самозванца уличает в обмане лично Август, но смысл ее от этого не меняется. Евреи отказывались видеть в Антипатре законного наследника Ирода, а он между тем оказался на расстоянии вытянутой руки от короны.

Постоянные упоминания Флавием о том, что значительная часть армии поддерживала Александра и Аристобула, а также упоминания о репрессированных офицерах-евреях невольно заставляют пересмотреть распространенную точку зрения о том, что армия Ирода состояла в основном из наемников и в ней почти не было евреев.

Уже из обращения Ирода к армии во время первой войны с арабами-набатеями ясно следует, что большая ее часть состояла именно из урожденных иудеев. С годами Ирод и в самом деле все больше полагался на инородцев-наемников, их доля в армии росла, но евреи все равно оставались доминантным элементом.

В начавшихся вскоре после смерти Ирода волнениях, по словам Флавия, принимала большая часть армии, но в этих волнениях могли принимать участие только евреи — остальным до претензий народа не было никакого дела.

Таким образом, судя по всему, правы те историки, которые считают, что армия Ирода образовывалась из нескольких основных составляющих.

Первую, самую ненадежную часть составляли воины-евреи, бывшие уроженцами страны.

Вторую — соплеменники Ирода прозелиты-идумеи.

Третью — евреи, переселившиеся на историческую родину из Вавилона. И вавилонским евреям, и идумеям Ирод не только платил за службу, но и предоставлял в награду дома и земельные участки при крепостях, где располагались их гарнизоны, что позволяло как офицерам, так и солдатам достойно содержать семью.

Четвертую, самую небольшую часть армии составляли галаты, фракийцы, германцы и представители других народов, бывшие наемниками в полном смысле слова и выполнявшие роль личной гвардии Ирода.

В целом, судя по всему, армия Ирода была небольшой — она никогда не насчитывала больше тридцати тысяч. Вести большие войны с такой силой было нельзя, но зато подобная армия прекрасно исполняла полицейские функции и ее вполне хватало для разрешения небольших локальных конфликтов с соседями.

Помимо сухопутных, у Ирода был и небольшой военный флот, с которым он в 14 году до н. э. вышел на помощь Марку Агриппе. В обычное время это флот, видимо, использовался для охраны Кейсарийского порта.

Но вернемся к событиям 7 года до н. э.

Глава шестая. Преступление и наказание

Вскоре после казни сыновей Ирод, как показалось многим, вообще отошел от государственных дел, целиком доверив их Антипатру. Последний, по сути дела, перестал быть только наследником престола, а вошел в роль соправителя царя. Ирод, как всем казалось, не просто во всем советовался с сыном и полностью доверял ему, но и находился под полным влиянием Антипатра, откровенно им манипулировавшим.

В этом не было ничего удивительного — как известно, параноиком вообще легко управлять, подыгрывая его маниям (что в свое время доказали сначала Архелай, а затем Эврикл). Вместе с тем хорошо известно, что подобная игра не вечна и рано или поздно оборачивается против самого манипулятора. Анализируя поступки и слова окружающих, параноик ищет все новые

подтверждения того, что все вокруг его ненавидят, строят против него козни, жаждут его смерти и т. д. Если прежние его враги и недоброжелатели тем или иным путем уже устранены, он неминуемо отыскивает новых среди тех, кто находится рядом с ним в данный момент. Проявление верности становится для параноика не чем иным, как попыткой замаскировать предательство, в пожеланиях долгой жизни ему начинает видеться намек на готовящееся покушение и т. д.

Именно потому большинство царедворцев во все эпохи и во всех странах так часто заканчивали свою жизнь на плахе либо в ссылке. А Ирод, напомним, был в этом смысле архетипом тирана, страдающего параноидальным расстройством.

Антипатр, похоже, это прекрасно осознавал и потому отнюдь не чувствовал себя в безопасности.

Как уже говорилось, он никогда не испытывал к Ироду никаких сыновних чувств. Более того, с детства тайно его ненавидел, но на протяжении многих лет старательно разыгрывал любящего сына, пытаясь завоевать расположение отца и убирая с пути всех, кто мог помешать ему достичь столь вожделенной короны.

После казни Александра и Аристобула все препятствия вроде были устранены, за исключением одного, но главного — самого Ирода. Антипатру было уже далеко за сорок (весьма солидный для той эпохи возраст), а отец все никак не умирал, да и, похоже, не особенно жаловался на здоровье. Более того, чем дольше жил Ирод, тем большей была вероятность, что в один из дней он передумает, его мания преследования переадресуется на Антипатра и тогда тот разделит судьбу братьев. Да и даже если этого не произойдет, выходило, что он, Антипатр, воссядет на трон в лучшем случае на шестом десятке — слишком, по его понятиям, поздно, чтобы сполна насытиться сладостью власти.

Все это невольно наталкивало Антипатра на мысль, что Ирод зажился на свете и пришло время ускорить его кончину.

Но до поры до времени Антипатр не решался признаться в таких мыслях даже самому себе и продолжал всячески укреплять статус наследника и соправителя.

При этом он проявил себя в качестве достойного ученика отца, позаимствовав у Ирода многие из приемов, которые тот использовал, чтобы обрести престол.

В первую очередь Антипатр всячески укреплял отношения с римлянами, осыпая дорогими подарками как римского наместника в Сирии Сатурнина, так и его приближенных, не забывая одновременно посылать еще более дорогие подношения в Рим — к дворцам императора и сенаторов.

Одновременно он заботился и об усилении своего положения при дворе — как с помощью тех же подарков, так и с помощью брачных союзов. С этой целью он, к примеру, добился выдачи замуж Береники — вдовы Аристобула — за своего дядю, брата его матери Дорис.

Последняя, напомним, приобрела поистине огромное влияние при дворе Ирода и близко сошлась с женой Феррроры — той самой рабыней, ради брака с которой он в свое время едва не поссорился с Иродом.

Эти женщины информировали Антипатра обо всем, что происходило в кулуарах дворца, и помогали ему держать все происходящее под контролем. Но вот привлечь на свою сторону Саломею Антипатру так и не удалось. Даже устроенный им брак Береники с дядей никак не

изменил враждебного отношения Саломеи к племяннику. А значит, была у Антипатра при дворе и крайне опасная недоброжелательница.

* * *

Апатия, в которой пребывал в те дни Ирод, в значительной степени объяснялась начавшейся у него после казни Александра и Аристобула депрессией. Как и после казни их матери Мариамны, Ирод вскоре стал сожалеть о содеянном и у него родились первые сомнения в их виновности.

Вдобавок ко всему, если понимать слова Флавия буквально, ему стали являться в видениях Александр и Аристобул. Возникая посреди спальни царя, их тени словно вызывали его в Высший, Небесный суд.

Тут, пожалуй, стоит остановиться и сказать, что сообщение о мучивших Ирода видениях вызывает у большинства историков ироническую усмешку. Евреи той эпохи вообще не верили в привидения, да и в позднем еврейском фольклоре они появляются крайне редко, явно под влиянием сказок и легенд европейских народов. Поэтому часть исследователей убеждена, что реплика о тенях умерщвленных царевичей была придумана Николаем Дамасским исключительно с целью несколько драматизировать повествование, как литературный прием.

Однако для тех, кто верит в реальность призраков, явление казненных Александра и Аристобула в царском дворце может показаться вполне ожидаемым.

В то же время можно допустить и другую, весьма вероятную версию: эти призраки были не чем иным, как плодом галлюцинаций Ирода, свидетельствующих о все более ухудшающемся состоянии его психического здоровья. Напомним, что галлюцинации у Ирода были и прежде — только тогда ему мерещился Александр, подкрадывающийся к его кровати с обнаженным мечом.

Вдобавок ко всему Ироду продолжали регулярно доносить, какие разговоры ходят в народе, и все эти доносы сводились к тому, что люди считают царевичей невинными жертвами и искренне сочувствуют их детям, оставшимся сиротами среди враждебно настроенных родственников.

А так как Ирод, подобно любому тирану, жаждал в душе народного обожания, то он решил сыграть роль защитника несчастных сирот и любящего деда. Причем, как это часто с ним бывало, отлично в эту роль вжился и сам в нее поверил.

Настал день, когда Ирод собрал всю свою большую семью, как и положено по такому случаю, прослезился и сообщил, что после того как страшный рок (а кто же еще, не он же сам, в самом деле!) отнял у него двух сыновей, он, как любящий дед, хочет позаботиться о судьбе осиротевших внуков — чтобы даже в случае его ухода из жизни те не остались бы без покровителей и были бы до конца жизни благодарны деду (и убийце их отцов) как своему благодетелю.

Облагодетельствовать же сирот Ирод, как обычно, решил с помощью внутрисемейных браков: Тиграна, старшего сына Александра, он решил женить на дочери своего брата Ферроры, старшую дочь Аристобула Иродиаду повелел обручить со старшим сыном Антипатра, а ее сестру Мариамну III со своим сыном Иродом, рожденным ему Мариамной II — дочерью первосвященника Симона.

— Кто любит меня, тот пусть присоединится к этому моему решению, и пусть никто из

преданных мне не нарушит его. Я же молю Бога лишь о том, чтобы Он благословил эти союзы на благо моего царства и моих внуков. И да взирает Он на этих детей более милосердно, чем на их отцов! — провозгласил Ирод, соединяя руки подростков, обреченных по его воле стать супругами. И само собой, как и полагалось ему по роли, вновь пустил слезу.

Хотя Флавий говорит об этом позже, не исключено, что на том же семейном совете Ирод также объявил о внесенных в завещание изменениях, согласно которым основным наследником оставался Антипатр, но в случае преждевременной смерти последнего корона должна была достаться Ироду Иродовичу — сыну от Мариамны Симоновны.

Несомненно одно: Антипатр вернулся с этого собрания в крайнем смятении, вновь остро осознав всю шаткость своего положения.

Тот факт, что Ирод не признал его единственным полноправным наследником и в случае его смерти определил в наследники не сына Антипатра, а другого своего сына, говорил о том, что Ирод отнюдь не собирался строить будущую династию на его, Антипатра, линии. А значит, при желании он мог в любой момент заменить и самого Антипатра на того же Ирода II или другого сына.

Но главную угрозу Антипатр теперь видел в детях Александра и Аристобула, в которых в случае внезапной смерти Ирода народ и армия вполне могут усмотреть законных претендентов на престол.

Особенно его напугали планы отца женить Тиграна, сына Аристобула, на дочери Ферроры. Если этот юноша после такого брака захотел бы предъявить претензии на престол, то его однозначно поддержали бы не только его дед, царь Каппадокии, но и его тесть Феррора, обладающий титулом тетрарха и в этом качестве имеющий собственную, пусть и небольшую армию.

Феррора, конечно, считает себя его другом, но кто же ради дружбы откажется от того, чтобы стать тестем царя?!

Одержимый этими мыслями, Антипатр решил во что бы то ни стало расстроить брак сына Александра с дочерью Ферроры, хотя он не мог не помнить, что Ирод призвал «всех, кто его любит», всячески поддержать это его решение.

«Иудейская война» и «Иудейские древности» представляют две несколько разнящиеся версии дальнейшего развития событий.

Согласно «Иудейской войне», услышав просьбу Антипатра изменить принятое им решение о браках внуков, Ирод сначала разгневался и осыпал Антипатра упреками в интригах против сирот. При этом он впервые заподозрил, что Александр и Аристобул также стали жертвами грязных игр Антипатра. Тем не менее, успокоившись и поддавшись очередным льстивым речам сына, царь и в самом деле отменил свое первоначальное решение, повелев отдать дочь Аристобула в жены самому Антипатру, а дочь Ферроры выдать замуж за сына Антипатра, укрепив таким образом связь между сыном и братом.

В «Иудейских древностях» ничего о вспышке гнева Ирода не говорится. Просто сообщается, что, поддавшись на просьбы Антипатра, царь отменил уже состоявшиеся помолвки и объявил о новых браках.

Что ж, не исключено, что Ирод и в самом деле сдержался и не выказал своего гнева. Но нет сомнения, что внутри у него все кипело, ведь психология параноиков такова, что любая

попытка открыто усомниться в правильности их решений, любое сказанное наперекор слово воспринимаются ими как акт враждебности, а предпринявший такую попытку автоматически становится врагом. В данном же случае Ирод открыто предупредил, что любое возражение против объявленных помолвок будет воспринято им как проявление нелюбви и нелояльности.

Между тем мотивы, двигавшие Антипатром в его «просьбе», были настолько прозрачны, что разгадать их не составляло никакого труда. А вслед за этим неминуемо должно было появиться и подозрение, что ради устранения нежелательных соперников Антипатр мог оклеветать и отцов тех сирот, которых он так явственно опасался.

Таким образом, если Ирод и в самом деле не дал тогда выхода своему гневу, то только потому, что занес Антипатра в свой личный черный список «подозрительных личностей». В этот «список» было очень легко попасть, но вот быть вычеркнутым из него можно было только переместившись с помощью палача или без оного в лучший из миров.

* * *

В те самые дни вновь обострились отношения между Иродом и сторонниками фарисеев — учителей и толкователей закона, видевших в Ироде исключительно ставленника Рима и едва ли не открыто утверждавших, что Иудее нужен другой, «настоящий» еврейский царь. Царь, который в первую очередь будет отстаивать интересы не Рима, а своего народа. Особенно сильно возмутило фарисеев решение Ирода установить над главным входом в Иерусалимский храм золотого орла. То, что для Ирода было не более чем символом Рима, напоминающим о том, что столица Иудеи является одним из важнейших городов Римской империи, для фарисеев было зримым свидетельством национального унижения и языческой мерзостью. Таким образом, Ирод в их глазах совершил величайшее святотатство со времен Антиоха Эпифана, и за это ему не было прощения.

Не призывая напрямую к бунту, фарисеи сознательно будировали в народе антиримские настроения и мессианские чаяния, и все это не могло не беспокоить Ирода.

Когда же Ирод потребовал, чтобы население присягнуло на верность Цезарю, около шести тысяч сторонников фарисеев демонстративно отказались приносить такую клятву. Ирод, как обычно, ответил на этот жест неповиновения массовыми арестами и казнями фарисеев, а также наложил на них огромный штраф. Однако, к его удивлению, штраф этот был в самое короткое время уплачен.

Разумеется, Ироду не составляло никакого труда выяснить, откуда фарисеи раздобыли столь крупную сумму, но прежде чем он успел предпринять для этого какие-либо шаги, в его покоях появилась Саломея.

Она первой и рассказала брату, что деньги фарисеям дала золовка, жена Ферроры, подчинившая своему влиянию всех женщин дворца, а сама тем временем оказавшаяся под сильным влиянием фарисеев. В ответ на эту щедрость, добавила Саломея, фарисеи предсказали, что в будущем Всевышний отберет иудейский трон у потомков Ирода и сделает царем одного из ее сыновей от Ферроры.

Исходя из этого предсказания, ряд исследователей выдвинули гипотезу, что жена Ферроры, будучи в прошлом рабыней, вела свое происхождение от самого царя Давида, чем якобы и объясняются многие особенности ее поведения. По их версии, к этому времени еврейские мудрецы пришли к выводу, что будущий «помазанник Божий», то есть Мессия, не обязательно должен быть потомком царя Давида по мужской линии — он может нести его гены и по линии

матери. Эта идея якобы и позволила основоположникам христианства утверждать, что Иисус был одновременно и сыном Божьим, и потомком царя Давида.

Однако ни в одном еврейском источнике того времени нет указания, что принадлежность к царскому роду может определяться по материнской линии, — все потомки Давида определяются именно по отцу. Да и в Новом Завете мы нигде не находим подобного указания: Евангелие от Матфея утверждает, что прямым потомком царя Давида был муж Марии Иосиф (Мф. 1:1—17), а по Евангелию от Луки мать Иисуса Мария происходила из рода священников-коэнов (Лк. 1:5—36).

Таким образом, версия о том, что жена Ферроры могла принадлежать к роду царя Давида и на этом основании иметь какие-то династические притязания, выглядит не более чем еще одной спекуляцией. Но если предсказание фарисеев и в самом деле имело место, жена Ферроры в него, безусловно, поверила — в этом Саломея была права.

А вслед за ней в это вполне могли поверить и многие придворные, начавшие относиться к супруге тетрарха как к будущей царице.

Словом, во дворце запахло очередным заговором.

Ирод не замедлил отдать распоряжение о новом расследовании, в ходе которого были арестованы многие царедворцы, заподозренные в симпатиях к царской золовке. Среди прочих арестовали и евнуха Багоя, ожидавшего прихода Мессии в надежде, что после этого сбудется пророчество Исайи о скопцах: «…да не говорит евнух: “вот я сухое дерево”. Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, — тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее…”» (Ис. 56:3–5).

Обвинить напрямую жену Ферроры в том, что та дала деньги фарисеям, Ирод не мог — женщина была вольна делать со своими личными средствами, что угодно. Однако на основании показаний Саломеи он обвинил золовку в оскорблении и унижении своих дочерей от разных жен и запретил ей появляться при дворе.

Сразу после этого Ирод вызвал к себе брата и вновь предложил тому развестись с женой, которая, по его мнению, была главным источником интриг и распрей при дворе.

— Если ты дорожишь нашими отношениями и хочешь остаться мне братом, то немедленно расстанешься с этой женщиной! — без всяких обиняков сказал Ирод.

И вновь любовь к супруге оказалась у Ферроры сильнее страха перед могущественным братом, и он ответил, что предпочитает смерть разлуке с любимой. И снова Ирод подавил в себе вспышку гнева и отпустил от себя Феррору, дав понять, что после такого ответа больше не желает его видеть.

Об этом решении он немедленно сообщил Антипатру, потребовав, чтобы сын также прекратил всякие отношения с дядей, и Антипатр поклялся выполнить отцовское требование.

Все это означало, что прежний Ирод, считавший себя единовластным правителем страны, вернулся, и Антипатру надо забыть о своей роли соправителя.

Но, напомним, что тот, кто хотя бы однажды вкусил наркотик власти, уже не в силах от него отказаться. Возникшая ситуация еще больше уязвила и обозлила Антипатра, который теперь всерьез задумался над тем, как приблизить конец Ирода.

Если принять на веру, что дальше события развивались именно так, как их трактовал Николай Дамасский, то становится понятно, почему Антипатр решился нарушить приказ отца и не прекратил контактов с Ферророй. Феррора был нужен Антипатру именно потому, что был всерьез обижен на брата — это позволяло вовлечь его в уже вполне реальный, а не вымышленный заговор против Ирода и убрать последнего его руками, в то время как сам Антипатр будет находиться где-нибудь за тридевять земель и потому останется чист от всяких подозрений.

Флавий походя также роняет версию, что Антипатр с помощью матери, сыгравшей роль сводни, стал любовником жены Ферроры. Если все и в самом деле было так, то это только облегчало задачу Антипатра, ведь Феррора, как уже понял читатель, безумно любил жену и был, что называется, у нее под каблуком.

Антипатру без труда удалось убедить Феррору, что он настолько ценит дядю, что не готов разорвать их дружбы даже под угрозой гнева отца, но перед Иродом они должны разыграть комедию, будто превратились в злейших врагов.

Так началась новая игра, в ходе которой Антипатр в присутствии Ирода всячески демонстрировал неприязнь к Ферроре и даже однажды публично оскорбил его, а между тем дядя и племянник продолжали тайно встречаться и во время этих встреч Антипатр сполна изливал Ироду душу. Не раз и не два он говорил о том, что Ирод зажился на свете, окончательно выжил из ума и уже давно превратился из человека в чудовище, кровожадного зверя.

Тот, кто с такой легкостью приговорил к смерти двух сыновей, добавлял Антипатр, уже не остановится ни перед чем и завтра с такой же легкостью может отдать приказ об умерщвлении остальной родни. Таким образом, Антипатр медленно, шаг за шагом подводил Феррору к исполнению той роли, которую он ему уготовил.

Одновременно он разослал письма своим друзьям с просьбой посоветовать Ироду как можно скорее отправить его с дипломатической миссией в Вечный город. По версии Флавия, им в первую очередь двигал страх перед отцом, настроение которого ежеминутно менялось, и Антипатр вполне мог стать жертвой этой переменчивости. Но, как уже было сказано, правда, вероятнее всего, заключалась в том, что главный наследник престола страстно желал оказаться на время как можно дальше от Иудеи.

Самое странное заключалось в том, что в итоге этот план вроде бы сработал. Странное — поскольку о тайных встречах между Ферророй и Антипатром очень скоро стало известно Саломее, а та со своей интуицией старой интриганки немедленно почуяла, что здесь что-то нечисто, и побежала докладывать о своих подозрениях Ироду. В гневе Ирод велел Ферроре покинуть Иерусалим и уехать в свою тетрархию, на что Феррора дал клятву, что теперь появится в городе только после смерти брата. Но вот Антипатра Ирод при этом не тронул. Более того, ограничившись выговором, он отправил старшего сына в Рим, дав ему пышную свиту, огромную сумму денег и множество драгоценностей для подарков. Помимо этого, Ирод передал с ним для Августа новый вариант завещания — тот самый, в котором Антипатр объявлялся, по сути дела, единственным наследником престола и лишь в случае внезапной смерти его в этом качестве должен был сменить Ирод-младший.

Впрочем, это была, как мы увидим, не единственная странность в этой истории — дальше их будет становиться все больше и больше.

* * *

Оказавшись в Риме, Антипатр тут же с головой окунулся в дипломатические заботы. Дело в том, что почти одновременно с ним в Рим прибыл Селлий — тот самый, что оболгал Ирода перед императором, затем был приговорен к смерти, но прежде должен был выплатить долг в размере 50 талантов. Разумеется, Селлий и не подумал ни уплатить долг, ни тем более покончить жизнь самоубийством, а вместо этого продолжал бесчинствовать в Набатее, строить козни законному царю Арете и обдумывать страшную месть Ироду.

Антипатр, естественно, сразу же потащил Селлия в суд, предъявив ему, по сути, те же обвинения, что и несколько лет назад Николай Дамасский. Чтобы обратить судей в свою пользу, он щедро сорил деньгами и подарками, так что в итоге сумма, потраченная на тяжбу с Селлием, в десятки раз превысила сумму долга последнего. Но в данном случае дело было не в деньгах, а в принципе.

Вдобавок выяснилось (и Антипатр не преминул сообщить об этом в письме отцу), что Селлий сумел подкупить одного из телохранителей Ирода, Коринфия, и тот согласился убить царя. Заговор был раскрыт благодаря приближенным царя Ареты, после чего все его участники арестованы, а у Антипатра появился повод обвинить Селлия в организации покушения на Ирода.

Между тем пока Антипатр находился в Риме, у Ирода начались проблемы со здоровьем. Видимо, это были первые признаки уже засевшей в теле царя смертельной болезни и он впервые всерьез задумался о приближающейся смерти. Охваченный страхом, Ирод вызвал к себе Феррору, чтобы отдать распоряжения на случай кончины, но тот отказался явиться, напомнив о данной им клятве.

И тут произошла вторая странность: Феррора внезапно заболел, и его состояние стало день ото дня ухудшаться.

Узнав об этом, Ирод сам поспешил к брату и, словно забыв и о недавней обиде, и о царском достоинстве, преданно ухаживал за ним, кормя с ложечки и помогая менять белье. Когда же Феррора скончался у него на руках, Ирод устроил ему пышные похороны, на которых рыдал в голос.

Историки, не верящие в искренность этих слез, предполагают, что на самом деле Феррора был попросту отравлен по приказу Ирода, а тот приехал наблюдать его агонию. Точно так же, напоминают они, Ирод рыдал и выказывал искреннюю скорбь по убитому шурину, красавцу первосвященнику Аристобулу. Впрочем, учитывая амбивалентность натуры Ирода, он вполне мог отравить брата, а затем оплакивать его, а заодно и самого себя из-за того, что Феррора, не оценивший его братской любви, вынудил его к отравлению.

Но дальше происходит третья странность: не успели окончиться дни траура по Ферроре, как к Ироду являются два вольноотпущенника и утверждают, что их хозяин умер не своей смертью, а был отравлен. Причем отравительница — либо вдова царского брата, либо кто-то из ее родственниц. Версия вольноотпущенников кажется Ироду вполне достоверной, но он спрашивает, есть ли у них какие-либо доказательства своих слов. Прямых доказательств, разумеется, не оказывается, но зато вольноотпущенники вспоминают, что незадолго до смерти теща и свояченица Ферроры ездили в Набатею и оттуда вернулись с некоей арабкой, а арабские женщины, как известно, прекрасно сведущи в ядах. Вдобавок эта арабка сама проговорилась, что дружна с Селлием, а тот, как известно, желал смерти всему роду Ирода, значит, и его брату.

Затем Феррора обедал у своей жены, где на стол было подано какое-то новое, дотоле

неизвестное ему блюдо. Вскоре после этого обеда тетрарх почувствовал себя плохо и начал болеть. Таким образом, закончили вольноотпущенники, отдельные камешки вполне укладываются в цельную мозаику: мать и сестра жены Ферроры специально отправились в Аравию, чтобы нанять сведущую в ядах знахарку, а та либо привезла яд с собой, либо изготовила его на месте, после чего он был подсыпан в еду Ферроре. Незнакомое же блюдо было подано специально, чтобы тетрарх не мог заметить привкус яда.

Это звучало вполне логично, и Ирод для начала велел арестовать и пытать всех служанок жены Ферроры и ее родственниц, так как последние не могли не знать о грязных делах своих хозяек.

Правда, ни одна из рабынь, ни несколько свободнорожденных прислужниц даже под пытками ничего не смогли рассказать об обстоятельствах отравления Ферроры. Но тут, корчась от боли, одна из рабынь воскликнула: «Да будет проклята Дорис и да уготовит ей Бог такие же мучения, ибо Всевышний знает, что она — причина всех наших страданий!»

Этот крик и стал переломным моментом в следствии.

Ирод велел допытываться у рабынь, при чем здесь его первая жена и мать Антипатра, и те слово за слово стали рассказывать о тайных пирушках Ферроры и Антипатра, о том, какие чудовищные обвинения бросал в адрес Ирода Антипатр, как сожалел по поводу того, что царь никак не умирает, и выбалтывал Ферроре сведения, которые Ирод сообщал сыну под большим секретом. Рассказали они и о том, как Антипатр хвастался перед Ферророй, что это он сам придумал себе поездку в Рим, а Ирод просто попался на его удочку.

Все это совпадало с теми сведениями об Антипатре и Ферроре, которые уже передавала Ироду его сестра Саломея, а потому не поверить им он не мог. А поверив, велел продолжать расследование, до поры сохраняя его в строгой тайне.

Следующим в этом ряду стал арест управляющего делами Антипатра — его тезки-самаритянина.

Тот недолго держался под пытками и сообщил, что его хозяин уговорил покойного Феррору с помощью Дорис отравить Ирода, пока он, Антипатр, будет находиться в Риме. Яд для Ирода привез из Египта старый друг Антипатра Антифил. Через родственников Антифила флакон с ядом был передан Ферроре, а тот отдал его на хранение жене…

Думается, читатель уже догадался, что сразу после этого последовали арест и допрос вдовы Ферроры. Та, понимая, что вот-вот следователи приступят к пыткам, подтвердила версию Антипатра-самаритянина и попросила разрешения подняться в свои покои, чтобы принести тот злосчастный флакон с ядом. Однако, получив разрешение, вдова взобралась на крышу дворца и бросилась вниз — в надежде покончить жизнь самоубийством и таким образом избежать встречи с палачами Ирода.

Увы, ей не повезло — она упала на ноги и не убилась, а лишь потеряла на время сознание от болевого шока. Ирод велел привести неудачливую самоубийцу в чувство и затем сам подсел к ее кушетке. Разговор между царем и вдовой брата выписан Флавием настолько подробно и достоверно, что мы вполне можем представить их диалог.

— Послушай, — сказал Ирод, — я даю свое царское слово, что ни ты, ни твоя родня не пострадают, если ты расскажешь мне всю правду о смерти Ферроры и о моем сыне Антипатре, какой бы страшной она ни была. Но, клянусь, если я почувствую, что ты лжешь или что-то пытаешься скрыть, я велю палачам медленно раздирать твое тело на куски, так что ты будешь

умирать очень долго, а когда все-таки умрешь, то от тебя не останется ничего, что можно было бы похоронить.

Возможно, при этих словах Ирод улыбнулся, довольный собственной остротой, но вдове Ферроры было, безусловно, не до шуток — она прекрасно знала садистские наклонности своего деверя.

— Я готова рассказать всю правду, царь, — ответила вдова, у которой, в сущности, не оставалось иного выхода. — Яд действительно привез Антифил из Египта, получив его от своего брата-врача. Доставил его к нам брат Антифила Фейдион, и Феррора велел мне спрятать его до тех пор, пока не придумает, как можно пустить его в дело. Но когда он заболел и ты прибыл, чтобы за ним ухаживать, покойник был тронут до глубины души, и его отношение к тебе мгновенно переменилось. Незадолго до смерти муж призвал меня к себе и рассказал, что Антипатр подбил его на страшное дело — убийство собственного отца и его брата, и он в ослеплении, будучи зол на тебя, на это согласился. «Но теперь, — сказал Феррора, — лежа на смертном одре и видя всю его любовь ко мне, я не желаю осквернять душу и память предков братоубийством. Поэтому прошу, принеси яд и сожги его на моих глазах».

— И что ты сделала с ядом? — спросил Ирод.

— Я выполнила приказ мужа и сожгла большую часть яда. Но немного я все же оставила себе, так как боялась пыток и решила, что если меня станут пытать, я просто приму яд и так быстро избавлюсь от мучений.

С этими словами вдова Ферроры, как утверждает Флавий, передала Ироду флакон с остатками яда.

Вот вам и еще одна странность: если все в этой истории правда, то почему, вместо того чтобы воспользоваться ядом, этой женщине понадобилось бросаться с крыши дворца?! Или все дело в том, что женская логика поистине непредсказуема?..

Зато логика расследования, которое проводил Ирод, в данном случае вроде бы просматривается четко. Можно даже сказать, слишком уж четко — словно по заранее выстроенному сценарию.

Следующими в пыточную камеру были введены брат Антифила Фейдион и его мать, быстро признавшие, что флакон, переданный Ироду вдовой тетрарха, и есть тот самый флакон, который им передал Антифил для Антипатра.

Это был, что называется, момент истины, и он вызвал в душе Ирода обжигающую болью бурю.

Выходило, что, в течение стольких лет выискивая вокруг себя заговоры, казнив множество людей, удушив двух сыновей, рожденных ему любимейшей из всех женщин, он не замечал, что самый главный и опасный враг все это время находился рядом с ним! Антипатр, которого он вместе с матерью вернул из изгнания, поднял из грязи и сделал наследником престола; Антипатр, которого он полюбил больше других сыновей, — вот, кто, оказывается, с нетерпением ждал и жаждал его смерти! Но чего же тогда стоили все его заверения в сыновней любви и преданности, все эти проявления чуткости и заботы?!

Одолеваемый этими мыслями, Ирод вновь почувствовал себя никем не любимым, несчастнейшим человеком в мире, и на его глаза невольно навернулись слезы — на этот раз совершенно искренние слезы по самому себе.

В те же часы Ирод окончательно пришел к выводу, что обуреваемый столь знакомой ему маниакальной жаждой власти Антипатр и является истинным виновником гибели Александра и Аристобула, оклеветав перед ним братьев. Этот вывод полностью избавлял его от чувства вины, так как «истинный виновник» случившейся в его семье трагедии был наконец найден.

Все дальнейшие перипетии следствия, начатого после смерти Ферроры, уже не столь важны, хотя в ходе них было сломано еще несколько судеб. К примеру, когда выяснилось, что жена Ирода Мариамна II знала обо всей этой истории с ядом, но не поспешила сообщить мужу, Ирод велел изгнать ее вместе с сыном Иродом-младшим из дворца и вычеркнул последнего из завещания. Отца Мариамны, Симона, сына Во-эта, он лишил сана первосвященника, назначив на это место его родственника — Маттафия бен Феофила.

Ну и, само собой, из дворца немедленно была изгнана мать Антипатра Дорис. Подобно старухе из пушкинской сказки, она после казни Мариамны Хасмонейской прошла долгий путь от разбитого корыта, у которого осталась после развода с Иродом, до почти полновластной царицы, но все это лишь затем, чтобы в конце жизни снова оказаться у того же корыта. Изгнание Дорис было столь поспешным, что ей даже не дали собрать гардероб, не говоря уже о том, чтобы прихватить множество накопленных ею драгоценностей.

Неудивительно, что когда из Рима прибыл вольноотпущенник Антипатра и его верный слуга Батилл, он был немедленно арестован. Под пытками Батилл признался, что Антипатр отправил его в Иерусалим, главным образом, чтобы он передал Дорис и Ферроре новую порцию яда — на случай, если не подействует тот, что раздобыл Антифил.

Официально же Батилл прибыл в Иудею с письмами из Рима как от самого Антипатра, так и от нескольких старых друзей Ирода. Последние с тревогой сообщали, что два младших сына царя — Архелай и Филипп, которых он отправил на учебу в Рим, нередко открыто говорят о том, что ненавидят отца, осуждают его за репрессии и боятся возвращаться домой, чтобы не разделить участи Александра и Аристобула.

Антипатр в своем письме сообщал о том же, но, как и в случае с Александром и Аристобулом, разыгрывал роль любящего брата и умолял отца простить юношей, которые по молодости, возможно, сами не понимали, что говорят.

Но Ирода уже было невозможно обмануть: он понял, что Антипатр теперь решил убрать последних из тех, кто мог вместе с ним претендовать на престол, одновременно отводя от себя всякие подозрения. Не сомневался он и в том, что письма римских друзей были либо написаны ими по наущению Антипатра, либо вообще представляли собой изготовленные по его заказу фальшивки, за которые были уплачены немалые деньги. Антипатр инспирировал подобные письма против младших братьев и раньше, находясь в Иудее, но если прежде Ирод это только подозревал, то теперь ему это было совершенно ясно.

Однако теперь Ироду крайне важно было, во-первых, заполучить Антипатра в свои руки, а во-вторых, ни в коем случае не допустить, чтобы сын, что-то заподозрив, начал бы интриговать против него при дворе Августа. Поэтому он тут же продиктовал ответное письмо Антипатру, в котором посетовал на то, что здоровье его неожиданно сильно пошатнулось, он чувствует, что дни его сочтены, и потому просит любимого сына бросить все дела и как можно скорее вернуться в Иерусалим. При этом мельком Ирод упомянул, что мать Антипатра Дорис находится под подозрением, но поспешил добавить, что речь, вероятно, идет о недоразумении и как только Антипатр появится при дворце, все, скорее всего, будет тут же разрешено.

И тут уже даже Флавий не выдерживает и обращает внимание на следующую странность.

Суммарно, пишет он, с момента смерти Ферроры и до ареста Батилла следствие по вышеописанному делу длилось семь месяцев. За это время было произведено немало арестов, в происходящие события была вовлечена масса людей — палачей, стражников, придворных и т. д., — и при всем при этом Антипатр ни сном ни духом не ведал о том, что происходит в Иерусалиме. Даже о «недоразумении» с Дорис он, как выясняется, узнал лишь из письма отца.

Да, конечно, пишет Иосиф, во многом это объясняется той печатью тайны, которую Ирод изначально наложил на ход расследования. Но если бы при дворе Ирода нашелся хотя бы кто-то, кто действительно любил Антипатра и был ему предан, то он непременно нашел бы способ, как сообщить наследнику о готовящихся для него неприятностях.

Но такого человека, готового ради Антипатра рискнуть головой, как мы видим, не нашлось — все последующие события стали для него полным сюрпризом. А значит, делает вывод Флавий, в Иудее не было ни одного человека, который испытывал к Антипатру если не любовь, то хотя бы симпатию. Напротив, его все ненавидели, и это была поистине убийственная ненависть.

Впрочем, как вскоре узнает читатель, одна такая попытка все же была, но она закончилась неудачей и стала впоследствии в суде над Антипатром дополнительным доказательством его вины.

Глава седьмая. Кровавый закат

О том, что Антипатр не спешил возвращаться на родину даже после того, как давно закончил свои дела в Риме, свидетельствует тот факт, что весть о смерти Ферроры застала его в Южной Италии, в Таренте.

Письмо Ирода с «просьбой» как можно скорее вернуться домой Антипатр получил в Киликии. Он тронулся в путь, но чем больше вчитывался в послание отца, тем больше оно его тревожило. Антипатр понимал, что подозрения в адрес матери вполне могут коснуться и его. Больше того — сам факт, что Ирод отказался вдаваться в подробности, в чем именно состоят подозрения, это подтверждало. С каждым часом Антипатр все больше утверждался в мысли, что возвращается домой на верную смерть. Оказавшись в Келендерии (современном Гилиндире), на расстоянии нескольких дней пути от Иудеи, он собрал своих приближенных, с тем чтобы вместе с ними окончательно решить, что ему делать дальше.

Мнения советников разделились. Как пишет Флавий, наиболее осторожные из друзей Антипатра, зная нрав Ирода, советовали повернуть назад, в Рим, а если все-таки Ирод потребует его возвращения, просить защиты у Августа. Однако другие, которых Флавий подозревает в том, что они больше стремились поскорее вернуться к родным очагам, чем пеклись о судьбе Антипатра, говорили, что надо возвращаться в Иерусалим — чтобы он смог убедить отца в своей невиновности.

Но дело было, безусловно, отнюдь не в том, что этих советников не заботила судьба патрона. Еще как заботила, ведь она была и их собственной судьбой!

Настаивая на возвращении Антипатра в Иерусалим, они резонно замечали, что если в его адрес существуют какие-то подозрения, то любая попытка бегства будет воспринята Иродом и всеми остальными как однозначное доказательство его вины. К тому же бежать ему было, по сути, некуда — Август, безусловно, выдаст его отцу, если тот этого потребует, и уж тем более это с большим удовольствием сделают все остальные правители средиземноморских царств, числящие себя в друзьях Ирода. Единственный же недруг Ирода Архелай Каппадокийский является одновременно и заклятым врагом Антипатра. Можно было, конечно, попытаться

бежать во враждебную Риму Парфию, но это означало навесить на себя клеймо предателя и навсегда отказаться и от мечты о короне, и о возвращении в пределы Римской империи. Да и кто его знает, как у Антипатра сложатся дела в Парфии, особенно с учетом, что тамошние евреи не любят его так же, как и римские!

Между тем, продолжали сторонники скорейшего возвращения, Ирод стар; не исключено, что он и в самом деле тяжело болен и зовет Антипатра, чтобы дать ему последние распоряжения перед смертью. Но даже если это и не так, он все равно не посмеет казнить сына без подробного расследования, суда и санкции Рима. На все это требуется время, а время сейчас явно работает не на старого царя.

Словом, если Антипатр и решил последовать совету вернуться домой, то только потому, что по большому счету у него и в самом деле никакого другого выхода не было.

О том, что его дела обстоят совсем плохо, он понял, едва ступив на берег Кейсарии. Обычно для проводов и встреч царских особ на берег было принято сгонять многочисленную толпу, чтобы та своим ликованием всячески демонстрировала любовь к царю и его потомству. К тому же такие встречи с их торжественными церемониями, возможностью посмотреть на власть имущих были развлечением для самого народа, своеобразным способом утоления информационного голода в век отсутствия радио, телевидения, газет, Интернета и, само собой, социальных сетей. Так что местным властителям не приходилось прилагать особых усилий, чтобы собрать подобную «группу поддержки».

Но Антипатра в тот день на берегу никто не встречал.

В самом воздухе Кейсарии была разлита оглушительная, угрожающая тишина. Более того, все, с кем он случайно сталкивался, пока шел к присланным за ним колесницам, отшатывались от него, как от прокаженного. Даже его попытки расспросить колесничего, что происходит в стране, натолкнулись на гробовое молчание, так как Ирод категорически запретил всем о чем-либо разговаривать с Антипатром. Тем упорнее он кутался в свою пурпурную тогу — символ власти, немое напоминание того, что, несмотря ни на что, он является царственной особой.

В сущности, уже в эти минуты ему все стало ясно, но в нем все еще жила надежда, что, зная отца, он сумеет оправдаться перед ним и направить его болезненную подозрительность на кого-то другого. Поэтому Антипатр решил вести себя как ни в чем не бывало и делать вид, что ничего не происходит. Он не особенно удивился, когда стража на входе во дворец задержала всех его слуг и советников — это тоже было вполне предсказуемо.

Войдя в зал, где его ждали Ирод и новый римский наместник в Сирии Публий Квинтилий Вар, сменивший на этом посту Сатурнина, Антипатр, сделав усилие, чтобы сохранить самообладание, бросился с распростертыми объятиями к отцу.

Но и Ирод был явно готов к этому, заранее тщательно обдумав каждый жест и каждое слово, которое ему предстояло сказать.

— Грязный отцеубийца! — воскликнул он, жестом руки остановив Антипатра. — Не смей ко мне прикасаться! Каким же надо быть лицемером, чтобы пытаться обнять того, кого ты пытался отравить! Я предаю тебя суду наместника Вара, так кстати сюда прибывшего. Суд состоится завтра — как видишь, я решил дать тебе время, чтобы ты продумал, о чем будешь лгать на суде.

После этого Ирод дал понять, что не желает больше видеть сына, да Антипатр и сам хотел как можно быстрее покинуть зал, чтобы оказаться подальше от разгневанного отца.

В тот же день ему разрешили встретиться с женой и матерью, но встреча эта не добавила ему оптимизма — напротив, он осознал всю серьезность, почти безнадежность своего положения. И все же теперь он хотя бы более или менее представлял, какие обвинения его ожидают.

Описания суда над Антипатром в «Иудейской войне» и в «Иудейских древностях» в целом похожи, но разнятся в нескольких существенных деталях. Оба источника сообщают, что Ирод решил сделать судилище как можно более многолюдным, собрав, во-первых, всех членов семьи поголовно (подчеркнув таким образом «фамильный» характер суда и свое намерение держаться римского права); во-вторых, как своих приближенных, так и приближенных Антипатра. Последними в зал были введены многочисленные свидетели, которые под пытками или добровольно (таких, следует признать, было немного) дали показания против Антипатра.

Флавий особенно подчеркивает, что среди свидетелей были слуги Дорис, передавшие Ироду посланное ею письмо сыну, которое и было той самой единственной попыткой предупредить Антипатра о грозящей опасности.

«Все раскрыто твоим отцом. Постарайся всячески избегнуть с ним встречи прежде, чем заручишься поддержкой и защитой императора», — говорилось в этой короткой записке, представляющей теперь весьма вескую улику и против Дорис, и против Антипатра.

Антипатр попытался в последний раз воззвать к чувствам Ирода, бросившись ему в ноги.

— Умоляю, отец, не осуждай меня заранее, не проведя следствия и не дав мне возможности оправдаться! — прокричал он, но Ирод дал указание стражникам оттащить подсудимого и поставить его в центр огромного зала. Однако, как только стражники отошли от царевича, тот снова распростерся на полу в знак полной покорности своей участи.

Ирод начал обвинительную речь с жалоб на свою ужасную судьбу и на то, что он не сумел воспитать достойных сыновей. Двум своим сыновьям он дал блестящее образование в Риме, приблизил их к императору, но затем пришел к выводу, что они посягают на его жизнь, и во многом в угоду Антипатру, ради его безопасности, казнил их.

Но давайте снова предоставим слово Флавию, который, видимо, предельно точно излагает речь Ирода, забывая разве что упомянуть, что это — прямая цитата из Николая Дамасского:

«Но это ужасное чудовище, злоупотребляя моим долготерпением, обратил свое высокомерие против меня самого; я слишком долго жил для него, моя старость была ему в тягость, — и он уже иначе не мог сделаться царем, как только чрез отцеубийство. Мне суждено теперь принять заслуженную кару за то, что я пренебрег сыновьями, рожденными мне царицей, приютил отверженца и его назначил наследником престола. Признаюсь тебе, Вар, в моем заблуждении: я сам вос-становлял против себя тех сыновей; Антипатра ради я разбил их законные надежды. Когда я тем оказывал столько благодеяний, сколько ему? Еще при жизни я уступил ему всю почти власть, всенародно в завещании назначил его моим преемником, предоставил ему 50 талантов собственного дохода и щедро поддерживал его из моей казны; еще недавно я дал ему на поездку в Рим 300 талантов и отличил его пред всей моей семьей тем, что представил его императору как спасителя отца. Что те мои сыновья учинили такое, которое можно было сравнить с преступлениями Антипатра? И какие улики выставлены были против них в сравнении с теми, которыми доказывается виновность этого? Однако отцеубийца имеет дерзость что-то сказать в свою защиту; он надеется еще раз окутать правду ложью. Вар, будь осторожен! Я знаю это чудовище; я знаю наперед, какую личину он напялит на себя для внушения доверия, какую коварную визготню он подымет здесь пред нами. Знай, что это тот, который все время, когда жил Александр, предупреждал меня беречься от него и не доверять

своей особы кому бы то ни было. Это тот, который имел доступ даже в мою спальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулил меня. Это тот, который охранял мой сон, который заботился о моей безопасности, который утешал меня в моей скорби по убитым, который должен был наблюдать за настроением умов своих живых братьев, — мой защитник, мой хранитель! Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемерие? О, Вар, тогда я не могу постичь, как это я еще живу на свете, как это я спасся из рук такого предателя! Но раз злой демон опустошает мой дом и тех, которые дороже моему сердцу, превращает всегда в моих врагов, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать над своим одиночеством. Но пусть никто из жаждущих моей крови не избегнет кары и если бы даже обвинение охватило всех моих детей кругом!» (ИВ. Кн. 1. Гл. 32:2. С. 141).

В этот момент Ирод остановился — он, наконец, довел себя до нужного «градуса» истерии, и теперь его душили слезы. В «Иудейских древностях» Флавий приводит еще один сильный довод речи Ирода против Антипатра: если тот добивался казни Александра и Аристобула, зная, что они виновны, но при этом сам замышлял покушение на отца, то значит, он является их соучастником. Если же Антипатр попросту оклеветал братьев, чтобы убрать их с дороги, то виновен в их убийстве и его преступление выглядит даже более тяжким.

Но и в «Войне», и в «Древностях» Флавий пишет, что Ирод в какой-то момент остановился, не в силах из-за рыданий продолжать речь, и попросил сделать это за него Николая Дамасского. Из чего однозначно следует, что они вместе готовились к процесу и Николай, никогда не веривший в виновность Александра и Аристобула, но при этом всегда подозревавший Антипатра, принимал самое непосредственное участие в подготовке и написании речи Ирода.

Но Антипатр воспользовался этой передышкой, чтобы, встав на колени, выступить со страстной речью в свою защиту.

Ирод, сказал Антипатр, по сути дела, сам привел доводы в его защиту — ведь он сам признал, что сын имел множество возможностей, чтобы убить его, но вместо этого он всячески оберегал его жизнь. Далее Антипатр напомнил Ироду о его великой проницательности, которая, конечно, позволила бы разоблачить его планы отцеубийства куда раньше — если бы они и в самом деле имели место. После этого царевич перешел к тому, что у него не было мотива для убийства, — он и в самом деле получал от Ирода все, что было можно; по сути дела, уже при его жизни был царем и соправителем, так что убивать отца ему не было никакого резона. В заключение Антипатр представил еще один сильный козырь: мнение самого императора, который называл его «отцелюбцем» и даже посылал Ироду письма, это подтверждающие.

В «Иудейских древностях» при описании речи Антипатра есть одно крайне важное дополнение: по этой версии, обвиняемый напомнил, что даже если против него есть показания свидетелей, все эти свидетельства получены под пытками, а потому не заслуживают доверия и не могут быть приняты к сведению. Таким образом, Антипатр, сам не раз в прошлом отправлявший людей на пытки, стал автором весьма важной правовой новации, намного опередив свое время. В наши дни запрет на пытки и объявление сделанных под ними признаний незаконными, как известно, входят в 5-ю статью Всеобщей декларации о правах человека и внесены в законодательство всех цивилизованных стран мира. К примеру, в законодательстве России пытки для принуждения к даче показаний подпадают под 117-ю и 302-ю статьи Уголовного кодекса.

Слова царевича, судя по всему, произвели впечатление на всех присутствующих, включая и самого Вара, но Ирод и Николай остались к ним совершенно безучастны.

Ирод потребовал, чтобы слово наконец было предоставлено Николаю.

Николай начал обвинительную речь с того, в чем он был давно и страстно убежден: подлинной причиной всех ужасов и трагедий, которые произошли в последние годы в царском дворце, является именно Антипатр; именно он стал причиной казни двух своих братьев, а затем стал «подкапываться» и под остальных. В итоге, продолжил Николай, братоубийца Антипатр едва не сделал братоубийцей и своего дядю Феррору, подговаривая его отравить Ирода.

Отсюда Николай перешел к доказательной базе, зачитывая показания многочисленных свидетелей, так или иначе оказавшихся причастными к плану отравления Ирода. При этом большую часть речи Николай обращался лично к Антипатру: «Ты умертвил своих братьев… Ты злоумыслил… Ты выказал… Ты искал повода…» и т. д., тем самым медленно, но верно склоняя Вара и всех зрителей суда к обвинительному приговору.

После этого Вар спросил Антипатра, что тот может сказать в свою защиту, но, видимо, Антипатр уже выдал все заготовленные им доводы перед выступлением Николая Дамаского.

— Бог свидетель моей невиновности! — только и произнес подсудимый, продолжая лежать на полу.

Видя, что Антипатр не желает говорить, Вар велел принести в зал флакончик с ядом, который был доставлен Батиллом, и дать из него выпить специально доставленному из тюрьмы приговоренному к смертной казни преступнику.

Едва отпив из флакона, тот повалился замертво. Таким образом, «следственный эксперимент» подтвердил вину Антипатра и смертный приговор стал неизбежен.

Однако привести его в исполнение без санкции императора Ирод не мог — хотя бы потому, что речь шла не о частном лице, а об официальном наследнике престола, обладавшем по законам Рима определенным судебным иммунитетом.

Поэтому, велев заковать Антипатра в кандалы и отправить в тюрьму, Ирод сразу же засел за очередное письмо Августу о своей несчастной доле и об очередном сыне, которого следует казнить.

Согласно легенде, прочитав это письмо, Август произнес сакраментальную фразу: «Воистину лучше быть свиньей, чем сыном Ирода!» Или, если верить Эрнесту Ренану, фраза эта звучала следующим образом: «Вот человек, быть свиньей которого лучше, чем сыном!»

Всю поистине римскую утонченность этой сентенции можно по достоинству оценить, если помнить, что евреям категорически запрещено употреблять свинину, а потому Ироду и в самом деле никогда бы и в голову не пришло отдать приказ заколоть свинью. Зато удушить сына — пожалуйста…

* * *

Уже после вынесения приговора в Иудею прибыл раб Антифила (того самого, что раздобыл в Египте яд для Ирода). При нем было обнаружено странное письмо от Антифила, текст которого гласил: «С опасностью для собственной жизни посылаю тебе письмо Акмеи. Тебе известно, что если об этом узнают, я подвергнусь опасности с обеих сторон. Желаю тебе, впрочем, успеха в твоем деле».

Ирод знал, кто такая Акмея, — эта молодая еврейка была одной из самых любимых служанок императрицы Юлии, и связь с ней Антипатра могла таить для Ирода неприятности. Разумеется, царь потребовал от раба отдать ему письмо Акмеи, но тот, уже зная о судьбе

Антипатра, заявил, что больше никаких писем не получал.

Ирод приказал обыскать посланника Антифила, но обыск ничего не дал. И тут один из придворных обратил внимание, что раб почему-то одет в два хитона и в одном из них имеется подозрительная складка. В этой складке и были найдены несколько спрятанных писем.

«Акмея — царю Ироду! — гласило первое письмо. — Задавшись целью сообщать тебе о всех направленных против тебя начинаниях и найдя письмо Саломеи к моей госпоже, я с личной для себя опасностью, но имея в виду твою пользу, сняла с него копию и послала тебе ее. Это письмо Саломея писала еще тогда, когда собиралась выйти замуж за Селлия. Разорви это письмо, чтобы моя жизнь не подвергалась опасности».

К этому письму прилагалось несколько писем, якобы написанных Саломеей, точно копирующих ее почерк и содержащих множество обвинений, оскорблений и проклятий в адрес Ирода.

Но главное заключалось в том, что у раба было найдено еще одно письмо, на этот раз предназначенное лично Антипатру.

«Акмея — Антипатру, — говорилось в этом письме. — Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелал, и послала копию с него моей госпоже якобы от имени Саломеи. Когда Ирод прочитает это письмо, он наверняка накажет Саломею, как злоумышляющую против его жизни. Когда все удастся, ты, я надеюсь, не забудешь своих обещаний».

Это письмо не оставляло никаких сомнений: во время пребывания в Риме Антипатр закрутил еще одну интригу, целью которой было покончить с ненавистной тетушкой. Для этого он подкупил Акмею и заплатил огромные деньги за фабрикацию писем, якобы написанных Саломеей императрице Юлии. Сам факт появления этих писем никого бы не удивил, так как было хорошо известно, что Саломея числится в подругах Юлии и обе они постоянно обмениваются письмами.

Затем Акмея должна была переслать фальшивки Ироду в расчете на его маниакальную подозрительность.

Стоило Ироду только поверить в подлинность писем — и он почти неминуемо прибавил бы к числу уже совершенных им преступлений убийство сестры. Осознав это, а также поняв, что все те письма, которые ему представляли в качестве доказательств вины Александра, также были фальшивками (о чем Александр и говорил), Ирод в гневе хотел отдать приказ о немедленной казни Антипатра. Однако все тот же Николай Дамасский в последний момент удержал своего господина от этого шага, призвав действовать в рамках закона.

Тогда Ирод велел привести Антипатра из тюрьмы и заявил, что хочет выслушать все, что сын может сказать в свое оправдание по поводу истории с Акмеей. Ответом ему было молчание. Когда же Ирод попросил сына назвать имена своих сообщников, тот назвал только Антифила.

В «Иудейских древностях» Флавий утверждает, что Ирод подумывал отправить Антипатра на суд Августа в Рим, но в последний момент побоялся, что сыну удастся оправдаться или умолить императора о милосердии, и потому он лишь направил Августу еще одно письмо с подробным рассказом о заговоре Антипатра против Саломеи, о той роли, которую сыграла в нем служанка императрицы, и к просьбе о казни заговорщика-сына присовокупил и просьбу о наказании Акмеи. В качестве улик к посланию были приложены сфабрикованные Акмеей письма Саломеи и ее собственные послания Ироду и Антипатру.

Затем Ирод засел за новый, уже шестой по счету, вариант завещания. В этом варианте в качестве престолонаследника он назвал девятнадцатилетнего Антипу — младшего из сыновей от самаритянки Малфаки.

Тот факт, что в завещании были обойдены более старшие сыновья Архелай и Филипп, свидетельствует, что хотя Ирод и убедился, что они были попросту оболганы Антипатром, клевета не прошла бесследно. Пусть не на сознательном, но на подсознательном уровне он ей поверил — по той причине, что вообще привык верить подобным оговорам.

Кроме того, в этом завещании Ирод оставлял тысячу талантов лично императору, еще 500 талантов его жене Юлии, друзьям и вольноотпущенникам, а также крупные суммы и земельные наделы каждому из детей и — за особую, пронесенную через всю жизнь верность — своей сестре Саломее.

Этот новый вариант завещания также был немедленно отправлен в Рим на утверждение Августу.

Ирод спешил, так как вступил в последний год жизни. Он явственно чувствовал приближение смерти, хотя и не собирался сдаваться без боя.

По словам Флавия, изобличение Антипатра окончательно надломило Ирода и «омрачило его дух» настолько, что «он ни в чем не находил отрады».

Согласитесь, что подобные удары судьбы, открытие, что любимый сын всю жизнь тебя ненавидел и готов был ускорить твою смерть, ввергло бы в депрессию любого нормального человека. У Ирода же оно привело к сильному обострению его душевного заболевания, маниакально-депрессивного психоза и сопутствующих психических расстройств. Теперь царь Иудеи жил исключительно ожиданием письма из Рима, разрешающего ему казнить Антипатра, и все его мысли в итоге сводились к тому, что злодей-сын до сих пор жив.

За выражением «он ни в чем не находил отрады» любой психиатр с легкостью угадает ангедонию — снижение или даже полную утрату получать удовольствие от любых проявлений жизни, что тоже является почти неотъемлемым спутником многих психических расстройств.

Вдобавок — а возможно, это было взаимосвязано — стало стремительно ухудшаться и состояние физического здоровья Ирода. В «Иудейской войне» Флавий пишет, что на последней стадии «болезнь охватила все его тело и в отдельных частях его причиняла ему самые разнообразные страдания. Лихорадка не была так сильна, но на всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд, а в заднепроходной кишке — постоянные боли; на ногах у него образовались отеки, как у людей, одержимых водобоязнью, на животе — воспаление, а в срамной области — гниющая язва, которая воспитывала червей. Ко всему этому наступали припадки одышки, лишавшие его возможности лежать, и судороги во всех членах» (ИВ. Кн.1. Гл. 32:4. С. 147).

В «Иудейских древностях» описываются, в сущности, те же симптомы: «То был медленный огонь, который был не столько заметен наружно, сколько свирепствовал у него внутри тела; к этому присоединялось еще страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.

Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей;

всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу» (ИД. Кн. 17. Гл. 6:5. С. 193).

На протяжении многих десятилетий врачи продолжают гадать, какими же именно заболеваниями страдал Ирод. Среди высказываемых ими версий назывался и диабет, и рак кишечника, и цирроз печени. На сегодняшний день наиболее убедительной считается гипотеза профессора Яна Гиршмана, высказанная им в 2002 году на Исторической клинико-патологической конференции — медицинском форуме, который регулярно проходит при Мэрилендском университете в Балтиморе (США) и посвящен изучению причин смерти известных людей.

Профессор Гиршман убежден, что Ирод страдал тяжелыми формами почечной и сердечной недостаточности. Отсюда — отеки конечностей, а затем и всего тела, боли в животе, зуд, зловоние и судороги. Вдобавок все эти симптомы должны были еще более ухудшить и состояние психического здоровья больного. Неудивительно и возникновение нарывов, и появление червей в гниющих ранах — из-за зуда Ирод, вероятно, расчесывал тело, а дальше делали свое дело мухи, это неизбежное зло в жарком климате Иудеи.

Но куда быстрее, чем мухи, разлетались по Иерусалиму слухи о том, что царь находится при смерти.

Как обычно, их разносила по лавкам и городскому рынку мелкая дворцовая челядь, а дальше они начинали собственное путешествие по столице и всей стране, обрастая все новыми подробностями.

Понятно, что болезнь Ирода и его страдания были немедленно истолкованы как Божья кара за совершенные им при жизни преступления, а то, что царь лежит на смертном одре, — как знак того, что истинным хранителям веры наконец пришло время действовать.

* * *

Чем больше ширились слухи о смертельной болезни Ирода, тем больше накалялась атмосфера в столице.

Еврейские мудрецы (все те же фарисеи-прушим) теперь уже открыто говорили, что на смену тирану Ироду должен прийти новый царь, который избавит страну от римского владычества, уничтожит привнесенное ими в Землю Израиля язычество и вернет евреям и их государству то величие, которым они обладали в дни Давида и Соломона.

Среди этих проповедников особенно выделялись Иегуда, сын Сепфорея (Ципора), и Маттафия, сын Маргала, — популярные учителя Писания и Закона, на лекции которых собирались сотни еврейских юношей.

На одной из таких лекций они призвали не дожидаться прихода царя-Мессии, а начать очищение земли от языческой мерзости уже сейчас. Причем начать с уничтожения главного святотатства, которое было совершено Иродом, — литого золотого орла, установленного им над главными воротами Храма.

— Сказано в Торе: «Не делай себе изваяния и всякого изображения того, что в небе наверху, и того, что на земле внизу, и того, что в воде, ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им». Сколько же мы будем гневить Бога и терпеть этого идола, установленного над входом в Его святилище?! Неужели среди нас не найдутся те, кто встанет на защиту Его Закона, сбросит идола и растопчет его ногами?! Да, конечно, эти смельчаки могут поплатиться за свой подвиг

жизнью, но зато они удостоятся вечного блаженства в мире грядущем! Что может быть почетнее смерти за заветы отцов?! Да и разве наша душа не бессмертна; разве не следует человеку любить свою бессмертную душу больше, чем тело?! Разве не сказано: «Возлюби Господа, Бога своего всей душой своей, всем сердцем своим и всем достоянием своим»?! Все мы смертны, все рано или поздно сойдем в могилу, но истинный мудрец понимает, что смерть во имя веры куда предпочтительнее смерти от старости и болезней! — горячо говорил Иегуда, сын Сепфорея.

Наэлектризованные этими зажигательными словами, десятки учеников Иегуды и Матгафии двинулись к Храму, и по пути к ним стали присоединяться толпы народу. На глазах толпы несколько юношей взобрались на самую крышу Храма, затем спустились с нее на канатах к воротам и топорами стали рубить гигантского золотого орла, пока куски статуи не полетели вниз под ликующие вопли толпы.

Очень скоро эти крики долетели до расположенного неподалеку от Храма царского дворца, и оттуда немедленно был выслан отряд наемников для подавления беспорядков. Увидев приближающихся царских солдат, толпа бросилась врассыпную, но Иегуда с Маттафией и еще сорок их учеников остались стоять на месте, твердо уверенные в собственной правоте. Все они были арестованы и приведены к Ироду.

Думается, мало кто тогда понял, что это была первая искорка иудейского восстания, которое, то затихая, то вспыхивая с новой силой, будет бушевать больше семи десятилетий, пока не закончится величайшей трагедией в истории еврейского народа — разрушением Второго храма, практически полным уничтожением Иерусалима и изгнанием из него евреев.

Возможно, Ирод был как раз одним из тех, кто понимал, какими бедами могут обернуться такие антиримские волнения, и считал, что их следует подавить в самом зародыше. Нет никаких сомнений, что он никогда не видел в этом изображении орла идола — для него, повторим, это был исключительно символ власти Рима, а низвержение орла было покушением на эту власть, что должно было вызвать вполне понятную реакцию в Риме. Кроме того, золотой орел был своего рода пожертвованием, которое он сделал Храму, а потому его уничтожение Ирод воспринял как покушение на свою власть и проявление ненависти к нему лично.

Когда арестованных поставили перед царем, Ирод в первую очередь спросил, кто из них действительно участвовал в уничтожении орла, а кто был арестован случайно. Казалось, таким образом он давал стоявшим перед ним юношам шанс на спасение — стоило кому-либо из них заявить, что его арестовали по ошибке, и он был бы, весьма вероятно, тут же освобожден.

Но ни один из сорока задержанных такого заявления не сделал. Более того, когда начались индивидуальные допросы, все арестованные с улыбкой подтвердили, что они и в самом деле участвовали в том деле, которое им вменяется в вину.

На вопрос, кто им внушил мысль об уничтожении орла, также последовал единодушный ответ, что они следовали заветам отцов и Моисееву закону и не сожалеют об этом.

Наконец, Ирод спросил их, почему они пребывают в прекрасном настроении, хотя знают, что их ждет смерть.

— Потому что мы также знаем, что после смерти нас ждет прекрасная доля в грядущем мире! — последовал ответ.

Вряд ли нужно напоминать читателю, что для Ирода всегда было крайне важно создать видимость справедливости и законности всех своих решений (вероятнее всего, он и сам

искренне верил, что вершит справедливый суд и карает преступников по заслугам). Поэтому он объявил, что все арестованные предстанут перед судом, который состоится в Иерихоне.

Такое решение было вполне понятно: если бы суд над Иегудой, Маттафией и их учениками состоялся в Иерусалиме, он вполне мог породить новые, еще большие народные волнения. Иерихон же был населен в основном семьями преданных Ироду наемников и поставщиками царского двора, в лояльности которых сомневаться не приходилось.

Одновременно Ирод велел направить в Иерихон представителей еврейской аристократии, а также духовных лидеров нации, пользующихся наибольшим авторитетом в народе, — якобы для того, чтобы они засвидетельствовали справедливость свершенного им суда.

Суд состоялся в Иерихонском амфитеатре, до отказа набитом народом — как жителями города, так и «приглашенными» зрителями. Так как Ирод из-за отеков ног уже не мог ходить, его внесли на сцену на носилках и осторожно уложили на обитую пурпуром кушетку.

Трудно сказать, сознавал ли Ирод, что это его последнее выступление перед народом, или все еще надеялся на свое исцеление, но он начал речь с напоминания о своих многочисленных заслугах перед нацией. Главной же из этих заслуг он считал перестройку Храма, придание ему должного величия и великолепия — то, что так и не смогли сделать Хасмонеи за сто с лишним лет своего правления.

— И вот теперь, — тут Ирод неожиданно резко возвысил голос, так что все сидевшие в амфитеатре вздрогнули, — нашлась горстка наглецов, которая решила посягнуть на это дело всей моей жизни. Среди бела дня они осмелились прикоснуться к моему личному дару Храму, продемонстрировав всем свою ненависть ко мне. Но разве их действия были направлены только против меня лично?! Нет, говорю я вам: любое посягательство на Храм и его имущество есть святотатство и богохульство. И именно в святотатстве и богохульстве, открытом оскорблении Имени Всевышнего я обвиняю этих людей.

Согласитесь, что в этом можно было усмотреть своеобразную элегантность мысли и даже диалектику: Ирод обвинил двух мудрецов и их учеников в том самом преступлении, в котором они обвиняли его. Но любой, кто более или менее знаком с еврейской традицией, понял бы, что эта «диалектика» была не более чем демагогией.

Однако собранные в амфитеатре евреи были настолько охвачены страхом, что их сочтут сообщниками «святотатцев», что после этой речи грянули бурные продолжительные аплодисменты.

Выступившие вслед за тем «представители общественности» под влиянием этого страха не только горячо одобрили мнение царя, но и выразили надежду… на его извечное милосердие и попросили казнить лишь зачинщиков преступления и не разыскивать тех, кто соучаствовал в нем в качестве зрителей и «группы поддержки».

Таким образом, Иегуда и Маттафия вместе с учениками были приговорены к смерти. Но обычной для Иудеи казни удушением Ироду показалось недостаточно — он приказал сжечь приговоренных заживо. Хотя подобный, самый мучительный вид казни и был предусмотрен законом, он применялся в еврейской истории крайне редко, а некоторые сомневаются, что применялся вообще.

Во всяком случае, Ирод был первым, кто применил сожжение в качестве наказания за «подвиг во имя веры», и уже после него римляне довольно часто прибегали к этой мере устрашения. Согласно Талмуду, смерть на костре нашли многие из еврейских мудрецов и духовных лидеров

нации, включая и великого рабби Акиву, духовного вождя восстания Бар-Кохбы.

Ночь после казни пришлась на лунное затмение, что, разумеется, было истолковано по-разному, но большинство сошлось во мнении, что это — дурное предзнаменование. Население страны замерло в ожидании новой волны репрессий.

* * *

Но их не последовало.

Ирод ограничился тем, что сместил с должности первосвященника Маттафию — тезку казненного им Маттафии, сына Маргала. Вместо него был назначен Иозар — шурин Ирода, родной брат его жены Мариамны II.

Правда, одна странность по окончании суда в Иерихоне все же произошла: когда прибывшие по приглашению Ирода знатные евреи решили отправиться домой, им сообщили, что по приказу царя они должны оставаться в городе.

Ловушка захлопнулась.

* * *

События в Иерусалиме, суд над бунтовщиками в Иерихоне, вне сомнения, стали серьезной эмоциональной встряской для Ирода, мобилизовавшей все силы организма. В какой-то момент Ироду показалось, что он почувствовал себя лучше, и у него вспыхнула надежда, что болезнь еще может отступить и ему будут даны еще несколько лет жизни. В конце концов, ему было только 69 лет — возраст почтенный, но который даже в те времени не считался, особенно в Иудее, глубокой старостью. Врачи разделили это его воодушевление и посоветовали посреди зимы отправиться к Мертвому морю, в теплые пресные купальни Каллироя, где можно было проходить самые разнообразные, как сказали бы сегодня, физиотерапевтические процедуры.

Однако, когда по совету врачей Ирода отпустили в теплую масляную ванну, у него начались судороги, а затем глаза закатились, лицо исказила чудовищная маска и он потерял сознание.

Придя в себя, Ирод окончательно понял, что умирает, и никакой надежды на иной исход у него больше нет. После этого он велел отвезти себя в Иерихон — город, с которым было столько связано в его жизни и где он и собирался провести последние дни.

С этого дня здоровье царя непрестанно ухудшалось, и он спешил сделать последние распоряжения. Прежде всего Ирод велел выплатить зарплату и выдать каждому солдату премиальные 50 драхм, чтобы армия сохраняла ему верность и в первые дни после смерти. Богатые подарки от царя получили в эти дни также все придворные и офицеры.

Флавий пишет, что адские боли и зуд доводили Ирода до приступов полного помрачения рассудка, а мысль, что он ненавистен народу, для которого, по его мнению, столько сделал, буквально сжигала его изнутри. В один из таких приступов он приказал собрать всех находившихся в Иерихоне еврейских аристократов на городском ипподроме, превратившемся таким образом в своеобразный концлагерь на свежем воздухе. Вскоре после этого он призвал к себе Саломею и ее мужа Алексу — последних родственников, которым он еще доверял.

— Я не дам моим ненавистникам сделать день мой смерти днем ликования и праздника, — сказал он. — Обещайте мне, что в день моей смерти вы прикажете солдатам перебить всех, кто находится на ипподроме, и только затем объявите о случившемся. Пусть в этот день рыдают в

сотнях домах Иудеи — если не по мне, то по своим мужьям и сыновьям!

«Затем он послал за своей сестрой Саломеей и ее мужем Алексой и сказал им, что он скоро умрет, так как его страдания неимоверны. Конечно, это вполне естественно и бывает со всеми, но его особенно огорчает, что он умрет и никто не станет оплакивать его и скорбеть о нем в такой мере, в какой это было бы прилично, так как он ведь царь.

Ему прекрасно известно настроение иудеев, и он знает, насколько желательна и приятна им смерть его, так как они еще при его жизни устроили бунт и нагло отнеслись к его жертвенным дарам. Поэтому, говорил он, теперь их дело придумать для него какое-нибудь облегчение его страданий. Итак, если они (Саломея и ее муж. — П. Л,) не откажутся помочь ему, то ему будут устроены такие пышные похороны, каких не удостоился еще никто из царей, и тогда весь народ обуяет искренняя скорбь, между тем как теперь народ этот издевается и смеется над ним. Поэтому, когда они (Саломея и ее муж. — *П. Л.*) удостоверятся в его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподром войсками, которым, однако, не следует пока сообщать о его кончине (это можно будет возвестить народу после исполнения его воли), и прикажут им перестрелять заключенных в ипподроме людей. Тем, что они таким образом умертвят всех, они окажут ему двойную услугу: во-первых, тем, что в точности исполнят выраженное им перед смертью желание, а во-вторых, тем, что в таком случае народ почтит его искренним горем. Ирод умолял их об этом со слезами на глазах, прося их сделать это из родственного чувства к нему и из любви к Господу Богу. Так как он настаивал на том, чтобы они оказали ему эту честь, те обещали в точности исполнить его желание.

Если кто-либо вздумает объяснять прежние поступки этого человека относительно родных тем, что он совершил их из привязанности к жизни (и боязни умереть), то это его приказание является окончательно бесчеловечным, так как он, покидая жизнь, желал повергнуть весь народ в горе вследствие утраты самых дорогих ему лиц. Ведь он приказал умертвить из каждого дома по одному человеку, притом без того, чтобы эти лица совершили что-либо незаконное или обвинялись в каком-нибудь преступлении; все, кто ценит добродетель, обыкновенно в такие минуты забывают свою ненависть к действительным врагам своим», — сообщает Флавий (ИД. Кн. 17. Гл. 6: 5–6. С. 193–194).

Впрочем, ряд исследователей считает, что вся эта история с ипподромом и последним желанием Ирода является не более чем легендой, призванной усилить его имидж законченного злодея. В то же время и исключать того, что так оно и было на самом деле, тоже нельзя.

В эти же самые дни из Рима наконец пришло долгожданное письмо от Августа. Император сообщал в нем, что казнил Акмею за участие в заговоре против Ирода, а также утвердил его решение о смертном приговоре Антипатру, но добавил, что если Ирод заменит смертную казнь изгнанием, то он не будет особенно возражать.

В сущности, это был еще один призыв к милосердию, но если Ирод отказывался понимать подобные «намеки» Августа раньше, то теперь уж точно на такое понимание не было никаких шансов.

По получении письма Ирод велел составить новый, уже седьмой по счету (но теперь уж точно последний) вариант завещания. В нем он просил передать царскую власть старшему сыну от самаритянки Малфаки Архелаю, но, по сути дела, разделял Иудею на множество небольших княжеств.

Антипа, указанный в предыдущем варианте завещания главным престолонаследником,

получал тетрархию в Галилее и Пирее. Филипп также получал тетрархию, включающую Трахон, Гавланитиду (Голанитиду), Батанею и Паниаду. Крепости Ямния, Азот и Фасаилида отходили к Саломее, получавшей вдобавок 500 тысяч серебряных монет. Остальным родственникам достались земельные наделы и суммы. Главными же наследниками своего финансового капитала Ирод объявил Августа и его жену Юлию.

Непосредственно императору он завещал 10 миллионов серебряных монет, а Юлии и некоторым приближенным императора — 500 тысяч. Им же должны были быть переданы дорогие одежды, золотая и серебряная домашняя утварь из царских дворцов.

* * *

В конце тевета — первого зимнего месяца по еврейскому календарю — боли, терзавшие Ирода, стали настолько невыносимы, что он решил покончить жизнь самоубийством. Попросив у слуги нож — якобы для того, чтобы разрезать яблоко, царь попытался вонзить его себе в сердце. Находившийся рядом с его ложем племянник Ахиав заметил это и вовремя перехватил руку умирающего. Однако при этом Ахиав издал такой дикий крик, что все поняли его однозначно — царь мертв. И разумеется, следуя правилам хорошего тона, тут же стали соревноваться в том, кто как можно громче оплачет его смерть.

Когда эти крики донеслись до камеры, в которой содержался Антипатр, тот решил, что пробил его звездный час, и стал уговаривать стражников немедленно освободить его, обещая щедро наградить каждого, когда он станет царем.

Увы, как многие в истории и до, и после него, Антипатр перепутал звездный час со смертным. Многоопытный начальник тюремной охраны решил не спешить, а послал одного из стражников выяснить, что произошло на самом деле. Узнав, что царь жив и находится в сознании, начальник лично отправился к нему с докладом о поведении Антипатра.

Услышав, что сын обрадовался вести о его смерти, Ирод стал дико вопить и биться головой об стену, а когда успокоился, то собрался с силами и своим прежним, не терпящим возражений тоном отдал приказ немедленно казнить Антипатра.

Через несколько минут все было кончено: на шею старшего сына Ирода набросили удавку, а затем его бездыханное тело отвезли в Гирканию, где и похоронили без всяких почестей.

Спустя пять дней, второго числа месяца швата, приходящегося обычно на январь или февраль, Ирод скончался — окруженный многочисленной родней и придворными, но по большому счету никем по-настоящему не любимый и глубоко несчастный.

Большинство историков вслед за Флавием датируют его смерть 4 годом до н. э. Однако ряд христианских теологов относят ее к 1 году до н. э. или даже к 1 году н. э. По их мнению, Флавий попросту запутался в датировке, ведя ее от года воцарения Ирода, но принимая за таковой то 40-й (когда сенат объявил Ирода царем Иудеи), то 37 год до н. э. (когда он де-факто воцарился в Иерусалиме). При этом в качестве обоснования этой точки зрения ее сторонники приводят тот факт, что полное лунное затмение (которое, по тому же Флавию, произошло после казни двух мудрецов и их сорока учеников) наблюдалось в Иудее 29 декабря 1 года до н. э.

В таком случае Ирод и в самом деле скончался в январе-феврале нулевого года до н. э.

Но если это так, то невольно возникает и новая версия по поводу евангельского рассказа об избиении младенцев. Дело в том, что в других апокрифических источниках утверждается, что

Ирод велел в день его смерти перебить не собранных на ипподроме старейшин и аристократов, а юношей из семей иерусалимской знати. На иврите юношу принято обозначать словом «ноар», но на самом деле смысл этого слова довольно широк. Оно может означать и подростка, а в некоторых редких случаях и ребенка. А от «ребенка» до «младенца» вообще остается один шаг…

Но то, что вы сейчас прочли, уважаемый читатель, и есть научная спекуляция в самом чистом ее виде, пришедшая в голову автору буквально на ходу, во время написания этих строк.

Словно предвидя возможность подобной хронологической путаницы, Флавий в «Иудейской войне» уточняет: «С того времени как он убийством Антигона достиг высшей верховной власти, протекло тридцать четыре, а со времени назначения его царем римлянами — тридцать семь лет» (ИВ. Кн. 1. Гл. 33:8. С. 148). Таким образом, не остается места для двусмысленности: Ирод скончался в 4 году до н. э.

Глава восьмая. После смерти

Как бы он ни отодвигал от себя мысль о грядущей смерти, Ирод сознавал, что отнюдь не вечен, а потому в своей строительной горячке не забыл о том, чтобы возвести для себя величественную усыпальницу близ Иродиона — крепости, носящей его имя, в одном из самых живописных в те дни уголков Иудеи.

Не исключено, что он сам же в подробностях расписал церемонию своих похорон — слишком уж выверенными и заранее продуманными кажутся все ее детали.

После обмывания тело царя, чтобы скрыть запах тления, было умащено благовониями, уложено на кровать, сделанную из чистого золота, украшенную драгоценными камнями и застеленную пурпурным покрывалом. Таким же покрывалом накрыли тело Ирода, а на голову ему надели инкрустированный алмазами золотой обруч, затем массивную золотую корону, а в правую руку вложили скипетр[65].

Пока шли все эти приготовления к похоронам, Саломея с мужем, если верить Флавию, поспешили на ипподром и известили находившихся там пленников, что они свободны и могут вернуться домой, причем подчеркнули, что поступают так по приказу Ирода — хотя это было прямым нарушением его последней воли!

Сразу после этого на ипподроме были собраны весь иерихонский гарнизон и жители города, и та же Саломея сообщила собравшимся о смерти Ирода. Вслед за ней выступил первый министр и хранитель царской печати Птолемей, зачитавший предсмертное обращение Ирода к армии, в котором царь призывал солдат уважать его последнюю волю и хранить ему верность и после смерти.

Только после этого Птолемей зачитал последний, седьмой вариант завещания Ирода, объявлявший его преемником Архелая. Сам Архелай, разумеется, находился на ипподроме среди других членов царской семьи, и армия тут же приветствовала его восторженными криками.

Затем похоронная процессия двинулась в сторону Иродиона.

Погребальную золотую кровать окружали сыновья и другие члены многочисленной семьи Ирода. За ними в полном военном облачении, сверкая начищенными доспехами, шли его личные телохранители и отряды наемников — фракийцев, германцев и галлов. Впереди

процессии, тоже в полном вооружении двигалось остальное войско, состоящее из идумеев и евреев.

Этот торжественный кортеж сопровождал тело царя примерно полтора километра, после чего процессия стала более скромной.

Архелай, разумеется, устроил по отцу пышные поминки, пребывал, как и предписывает обычай, семь дней в трауре, а затем стал прилагать усилия, чтобы утвердиться на троне. Но уже в первые дни его правления в Иерусалиме вспыхнул бунт, в ходе подавления которого по приказу Архелая были убиты более трех тысяч человек.

После этого Архелай направился в Рим, чтобы добиться утверждения отцовского завещания, но туда же, побуждаемый к этому неисправимой интриганкой Саломеей, поспешил и Антипа, которого Ирод назвал наследником престола в предыдущем варианте завещания.

В итоге Архелай получил только звание этнарха («правителя нации»), а не царя. Впрочем, и этот титул он носил относительно недолго — после многочисленных жалоб со стороны подданных Архелай был лишен власти и сослан в Галлию, а правителем Иудеи был назначен наместник-прокуратор. Свидетельницей всех этих событий из всех обитателей дворца Ирода суждено было стать разве что Саломее, пережившей своего венценосного брата на 14 лет.

Таким образом, ненавистный народу Ирод оказался, по сути, последним царем Иудеи, сохранявшей некое подобие независимости от Рима. Его смерть означала конец очередной главы разворачивающейся в стране исторической драмы и начало следующей — еще более кровавой и трагичной.

Но это и в самом деле совсем другая история.

Вместо эпилога. Так можно ли молиться за царя Ирода?

Итак, мы снова возвращаемся к тому же вопросу.

Несколько раз автор принимался за эпилог этой книги, выстраивая аргументы в пользу того или иного однозначного ответа, и каждый раз стирал написанное, так как вдруг понимал, что категорически сам с собой не согласен.

Тем, кто жил всего полтора-два столетия назад, было куда легче. Вплоть до конца XIX столетия всем было понятно, что Ирод — одна из самых мрачных фигур в человеческой истории, и даже если забыть или отнести к вымыслу сюжет об избиении младенцев, человеку, на руках которого столько крови, включая и кровь самых близких ему людей, не может быть ни оправдания, ни прощения.

Но времена изменились.

Философский постмодернизм с его утверждением, что однозначной истины не существует, с неприемлемостью чернобелого подхода к оценке человеческих поступков, а также появление на исторической арене целого ряда диктаторов «иродианского» типа побудили многих исследователей пересмотреть и отношение к фигуре Ирода I Великого.

Если отбросить словесную шелуху и демагогию, составляющих иногда до 90 процентов сочинений в защиту Ирода, то суть их сводится к следующему: «Да, Ирод, конечно, был жестоким тираном, загубил множество невинных жизней, но исключительно потому, что был

сыном своего времени и играл по тем правилам, которые были приняты тогда во всем эллинистическом мире. Но как государственный деятель, он, безусловно, сделал куда больше хорошего, чем плохого, и очень жаль, что его подданные этого не оценили».

Именно такой постмодернистский подход к оценке правления Ирода демонстрирует Пол Джонсон в «Популярной истории евреев».

«Ирод был одновременно и евреем, и антисемитом; сторонником и поклонником греко-римской цивилизации и одновременно восточным варваром, способным на невероятную жестокость. Он был блестящим политиком и в некоторых отношениях мудрым и дальновидным государственным деятелем, великодушным, конструктивным и весьма эффективным; и в то же время наивным, суеверным, карикатурно-капризным, балансирующим на грани безумия (а иногда и переходящим эту грань)»[66], — пишет Джонсон.

Отделяя Ирода-человека от Ирода-политика, Джонсон указывает, что тот считал себя «евреем-реформатором, который пытается вовлечь невежественный и консервативный Ближний Восток в круг просвещенных народов современного мира. Мощь Рима и обретенное им под властью императора богатство открывали новую эпоху для торговли, экономического “золотого века”, в котором Ироду хотелось найти место для своего народа. Чтобы дать евреям возможность занять достойное место в лучшем мире, ему было необходимо уничтожить ослабляющие элементы прошлого и в особенности освободить еврейское общество и религию от эгоистичной олигархии семей, которые эксплуатировали и то и другое. И он совершил это без посторонней помощи, причем его паранойя и жестокость в значительной мере соединялись с элементами идеализма.

Ирод желал также показать миру, что среди евреев было много одаренных и цивилизованных людей, способных внести новый существенный вклад в распространение средиземноморской цивилизации. С этой целью он смотрел гораздо дальше Иерусалима с его толпами фанатиков, обращая свой взгляд на евреев диаспоры…»[67]

Израильский историк Авраам Шалит также видит в Ироде прежде всего выдающегося государственного деятеля. По его версии, Ирод и в самом деле, возможно, не очень чувствовал себя евреем по религии, но однозначно считал себя евреем по национальности. В своей политике он пытался разделить два этих понятия и превратить Иудею из теократического прежде всего в национальное государство, что, по мнению Шалита, было весьма прогрессивным шагом.

Наконец, Шалит оценивает проримскую политику Ирода как крайне мудрую и дальновидную, отказ от которой после его смерти и привел евреев к национальной катастрофе.

Сходной позиции придерживается в своей книге об Ироде и Майкл Грант. Ирод, пишет он, «был прав, проповедуя мир с Римом как единственное спасение. Ошибочно осуждать Ирода на том основании, что он ставил благоразумие и осторожность выше чести и свободы. Эти альтернативы не реальны. В действительности второй альтернативой были никак не честь и свобода, а собственная гибель, потеря дома, семьи, страны…

Ирод представлял, какая катастрофа ожидает иудеев, если те перестанут играть по римским правилам»[68].

Грант убежден также, что оценивать правление Ирода, как и любого лидера государства, следует с точки зрения того, как жилось при его правлении народу, и с этой позиции — опять-таки по его мнению — Ирод снова заслуживает всяческих похвал.

«Кроме небольших групп разорившихся аристократов да мессианствующих экстремистов, иудеи никогда не жили так хорошо, — утверждает он. — Простые крестьяне, торговцы и горожане преуспевали и чувствовали это, а масштабные общественные работы обеспечили полную занятость и положили конец общественным волнениям. Когда после смерти Ирода всплыли недовольные, его друг Николай Дамасский не замедлил отметить, что при его жизни их не было слышно. Правда, это отчасти свидетельствовало о хорошей работе службы осведомителей, но в то же время благодаря тому, что можно было спокойно работать и поводов для жалоб не имелось.

Что Ирод дал царству, так это мир. Такое положение, весьма необычное для Иудеи, продолжалось, лишь с незначительными заминками на окраинах, целых 33 года его царствования. Более того, это был мир без вмешательства римских чиновников…

С другой стороны, в его проримской программе существовал один аспект, который означал больше, чем стремление просто избежать прямого правления римлян. Ирод искренне стремился интегрировать иудаизм и иудеев в окружающий мир»[69].

Что касается репрессий, то Грант, с одной стороны, говорит, что часть из них была продиктована интересами дела, а с другой — объясняет их тем, что Ирод был типичным сыном своего времени.

«Ужасы Иродова двора, — пишет он далее, — по-прежнему потрясают воображение… Но пока в последние годы его жизни они не стали отражаться на мировых событиях и касаться лично Августа, это не очень влияло на нашу оценку его благо-или злодеяний. Тем более из того, что мы знаем о других восточносредиземноморских дворах тех столетий, ужасы иерусалимского двора были далеко не единственными в своем роде. Они просто лучше известны благодаря тому, что случайно сохранились повествования Иосифа… Нельзя с полным правом принимать за истину и высокомерное азиатское мнение, что во всех этих семейных расправах есть нечто восточное; достаточно взглянуть на страницы Тацита и Светония, чтобы припомнить, что и в имперском Риме кипели кровавые семейные конфликты»[70].

Однако при ближайшем рассмотрении становится понятной вся ущербность это аргументации.

На самом деле заискивающая, раболепная политика Ирода по отношению к Риму, толкающая его подчас на открытое оскорбление национальных и религиозных чувств евреев, в итоге лишь усиливала напряженность в отношениях между Иудеем и Римом, а никак не способствовала их смягчению.

Таким образом, Ирод со своей проримской политикой был никак не спасителем нации, а своеобразным катализатором будущей катастрофы.

Нанесенный им удар по духовным лидерам и учителям народа, каковыми были все те же фарисеи; по институту первосвященника, по другим самобытным сторонам религиозной и общественной жизни евреев также в итоге только ослаблял национальный дух. Причем Ирод делал это сознательно, видя в любых проявлениях этого духа угрозу тому, что он ценил выше всего на свете, — своей власти.

Что касается тридцати трех лет мира, то не стоит забывать, что страх перед внешним врагом при Ироде просто сменился на постоянный страх попасть под жернова репрессий, стать жертвой доноса и этот страх в итоге установил в стране атмосферу, душившую опять-таки все здоровые силы народа.

Безусловно, при такой атмосфере никто не жаловался на голод, но это отнюдь не означает, что народ благоденствовал. К примеру, в современной КНДР тоже никто не жалуется на голод, но это не значит, что его там нет. В период правления Ирода постоянно шел процесс обнищания масс из-за увеличивающихся с каждым годом налогов, и никакие грандиозные стройки, включая реконструкцию Храма, этой главной святыни народа, не могут служить оправданием Ироду.

В то же время, безусловно, в царстве Ирода было немало и тех, кто славил царя, считая, что главное — «чтобы не было войны», был порядок и пусть жалкая, но гарантированная корка хлеба в день.

Наконец, то, что другие правители той эпохи зверствовали не меньше Ирода, безусловно, никак не может оправдывать совершенных им убийств. Как никакими благими намерениями не могут быть оправданы репрессии, пытки и скорые и неправедные суды.

Думается, к царю Ироду с полным правом можно отнести слова, сказанные Дм. Волкогоновым в адрес другого узурпатора власти и цареубийцы — В. И. Ленина:

«Трудно сомневаться в том, что Ленин хотел земного счастья для людей, точнее для тех, кого именовал “пролетариатом”. Но полагал при этом совершенно нормальным творить это “счастье” на крови, насилии, несвободе. Во всяком случае, как выяснилось довольно скоро, октябрьская победа, фантастически неожиданная, нелепая, сказочно легкая, была непреходящим симптомом грядущего поражения не только Ленина, но и ленинизма»[71].

Судьба Ирода и в самом деле трагична; все его победы в итоге обернулись личным поражением и полным жизненным крахом. Но значит ли это, что мы должны ему сочувствовать? Разве сам он не был главной причиной собственных бед? И разве человек, с потрясающей легкостью отправивший на смерть любимую жену и рожденных ею двух сыновей, мог пощадить кого-то другого?

Да, конечно, Ирод был болен, но и это не может служить оправданием тому духовному перерождению, которому он подвергся в течение жизни.

Так что не знаю, как вы, читатель, а я в итоге пришел к выводу, что нельзя молиться ни за царя Ирода, ни за какого-либо другого диктатора, какие бы заслуги ему ни приписывали.

Просто не получается молиться…

Основные даты жизни и деятельности царя Ирода[72]

73—72 — рождение Ирода в знатной семье прозелитов-идумеев.

72—52 — детство и юность в Иерусалиме. Знакомство с царской семьей благодаря отцу Антипатру. Предсказание ессея Манаима о том, что в будущем Ирод станет царем.

48 — женитьба на жительнице Иерусалима Дорис.

47— отец Ирода Антипатр назначается правителем Иудеи при Иоханане Гиркане II, Ирод — стратегом Галилеи.

46 — карательные операции Ирода против галилейских партизан. Казнь Езекии Галилеянина и вызов на суд в синедрион.

44 — решение Антипатра и его семьи поддержать после убийства Гая Юлия Цезаря Кассия. Назначение Ирода правителем Келесирии.

43—42 — отравление Антипатра. Сведение Иродом счетов с организатором убийства отца Малихом; получение от Гиркана обещания выдать за Ирода его внучку Мариамну. Поддержка Ирода Антонием и отказ Антония в требовании еврейской делегации сместить Ирода и Фазаила с постов тетрархов.

41— вторжение парфян, поддержка ими мятежа Антигона.

40 — осада сторонниками Антигона царского дворца в Иерусалиме. Гиркан II и Фазаил оказываются в плену у парфян. Самоубийство Фазаила, побег Ирода с армией и домочадцами из Иерусалима. Приезд в Рим. Октавиан и Антоний назначают Ирода царем Иудеи, римский сенат утверждает это решение.

39 — Ирод при поддержке Рима начинает войну с Антигоном. Провал первой попытки взятия Иерусалима.

38 — взятие Иродом под полный контроль Галилеи; жестокое подавление сопротивления местного населения. Гибель брата Ирода Иосифа. Два случая «чудесного спасения» Ирода во время войны с армией Антигона.

37 — осада и взятие Иерусалима, женитьба на Мариамне Хасмонейской. Казнь Антигона. Начало казней и репрессий против фарисеев и сторонников Антигона. Роспуск синедриона.

36 — передача Антонием Клеопатре ряда областей Средиземноморья, в том числе приморской части Иудеи. Опасения Ирода по поводу возможных претензий на власть со стороны Гиркана II и письмо к нему с призывом вернуться из Вавилона. Назначение первосвященника Аннания Вавилонского.

35 — конфликт с тещей Александрой. Назначение первосвященником ее сына Аристобула III. Убийство Аристобула в Иерихоне.

34 — вызов Ирода Антонием на разбирательство в Лаодикею в связи с гибелью Аристобула. Возникшая напряженность в отношениях между Мариамной и Иродом. Казнь дяди Иосифа, мужа сестры Саломеи, оставленного «присматривать» за Мариамной и Александром. Начало строительства дворца Антония в Иерусалиме. Визит Клеопатры в Иудею.

32 — начало первой войны Ирода с набатеями.

31, весна — сильное землетрясение в Иудее.

Лето — победа над набатеями.

Осень — перехват отряда гладиаторов, посланных на помощь Антонию в войне с Октавианом.

30 — казнь Гиркана II. Встреча с Октавианом на Родосе и повторное утверждение царем Иудеи. Усиление напряженности в отношениях с Мариамной.

29 — казнь Мариамны Хасмонейской. Начало длительного периода болезни и депрессии. Отъезд в Самарию.

28 — возвращение в Иерусалим и казнь тещи Александры. Женитьба на самаритянке Малфаке

и жительницах Иерусалима Клеопатре и Мариамне II. Назначение отца Мариамны II Симона, сына Воэта, первосвященником. Начало массированного строительства в различных районах страны, включая строительство нового царского дворца в Иерусалиме.

27 — празднование в честь окончания строительства стадиона и амфитеатра в Иерусалиме. Учреждение международных иерусалимских игр с целью привлечения к Иерусалиму внимания всей империи. Волнения в столице, раскрытие плана покушения на Ирода на стадионе и казнь заговорщиков. Создание тайной полиции. Массовые репрессии против всех подозреваемых в бунте.

26 — начало перестройки Самарии и переименование ее в Себастию. Казнь Костобара и последних Хасмонеев мужского пола — сыновей Вавы.

24 — завершение первого этапа строительства Себастии. Указ Августа о присоединении к Иудее Трахона, Васана и Авранитиды. Отправка сыновей от Мариамны Хасмонейской Александра и Аристобула на учебу в Рим.

23—22 — голод в Иудее и оперативные шаги Ирода по борьбе с ним. Начало строительства Кейсарии и Кейсарийского порта. Начало работ по реконструкции Иерусалимского храма.

20 — визит Августа в Сирию. Присоединение оставшейся части тетрархии Зенодора к Иудее. Строительство храма Августа в Баниасе. Назначение Ферроры тетрархом Пиреи. Смерть жены Ферроры (сестры Мариамны Хасмонейской). Начало романа Ферроры с рабыней и отказ его от брака с одной из дочерей Ирода.

19 — объявление о 33 процентах снижения налогов. Активное продолжение работ по реконструкции Храма.

17 — празднование окончания основной части работ по реконструкции Храма.

16 — возобновление благодаря спонсорству Ирода Олимпийских игр в Греции. Возвращение Александра и Аристобула из Рима; женитьба сыновей.

75 — прием Иродом Марка Агриппы в Иудее. Демонстрация гостю своих достижений.

14 — участие в военной экспедиции Марка Агриппы. Щедрые пожертвования в пользу различных городов и стран Средиземноморья. Защита при поддержке Агриппы интересов еврейских общин этих стран. Собрание Национальной ассамблеи в Иерусалиме. Объявление о 25 процентах снижения налогов. Начало конфликта с сыновьями Александром и Аристобулом. Возвращение во дворец Антипатра и его матери Дорис.

13 — Антипатр вместе с Марком Агриппой отправляется в Рим, где передает Августу новый вариант завещания Ирода, в котором он называется наследником престола. Подозрения Ирода в том, что Александр и Аристобул замышляют его убийство, усиливаются благодаря письмам Антипатра и интригам Саломеи и Дорис.

12 — Ирод вместе с Александром и Аристобулом прибывает в Рим, чтобы представить сыновей на суд Октавиана Августа. Тот не признает царевичей виновными и добивается примирения Ирода с сыновьями. По возвращении в Иерусалим Ирод объявляет, что назначает всех трех сыновей — Антипатра, Александра и Аристобула наследниками, но подчеркивает, что полон сил и не собирается уходить на покой. Восстание в Трахоне, начало разбойничьих набегов со стороны Набатеи на Иудею.

70 — завершение строительства Кейсарии. Ограбление могилы царей Давида и Соломона. Интриги Антипатра против Александра и Аристобула. Арест Александра и трех евнухов.

9 — военная операция против разбойников и давших им убежище набатеев. Селлий оговаривает Ирода перед Октавианом Августом, и в отношениях между ними возникает напряженность. Август лишает Ирода титула «друга цезаря».

8 — отправка Николая Дамасского в Рим с дипломатической миссией. Визит Эврикла. Возбуждение следствия против Александра и Аристобула и их сторонников. Суд линча в Иерихоне над этими сторонниками. Последняя, неудачная попытка царя Каппадокии Архелая спасти царевичей.

7 — успешная миссия Николая в Риме. Суд над Александром и Аристобулом, признание их виновными и казнь царевичей.

6 — отказ шести тысяч фарисеев принести присягу Ироду. Казни фарисеев и их сторонников при дворе. Конфликт с братом Ферророй. Отъезд Антипатра в Рим. Смерть Ферроры. Раскрытие заговора Антипатра и изгнание из дворца первой жены Дорис.

5 — суд над Антипатром. Получение письма от Октавиана Августа, разрешающего казнь этого сына. Последнее изменение завещания в пользу сына Архелая.

4 — резкое ухудшение состояния здоровья. Волнения в Иерусалиме, арест и казнь их участников. Казнь Антипатра. Смерть царя Ирода.

Литература

Источники

Ветхий Завет / Синодальный перевод. (Без указания года издания.)

Махзор Охэль Эстер [Молитвенник на Новолетие и День искупления]: Иврит — русский. Изд-во «Ал Тидом». (Без указания года издания.)

Новый Завет / Синодальный перевод. (Без указания года издания.)

Тацит Публий Корнелий. История. Кн. 5. —

Филон Александрийский. Против Флакка: О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа (Против Апиона) / Пер. с греч. О. Л. Левинской, А. В. Вдовиченко. М.: Изд-во Еврейского университета в Москве; Иерусалим: Гешарим, 1994 (5755). (Библиотека Флавиана. Вып. 3.)

Флавий Иосиф. Иудейская война / Пер. с греч. Я. Л. Чертка, с введен, и прим. пер. Репринтное издание: СПб.: Типолитография А. Е. Ландау, 1900. СПб.: Орел, 1991. (Приложение к военно-историческому журналу «Орел».)

Флавий Иосиф. Иудейские древности / Пер. с греч. и прим. Г. Г. Генкеля. М.: Крон-пресс, 1996.

На русском языке

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001.

Белади Л., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1990.

Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей / Пер. с ивр. С. Г. Фруга. Иерусалим: Библ иотека-Алия, 1989.

ВинничукЛ. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.

Волкогонов Д. Ленин: В 2 т. М.: Новости, 1994.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. М.: Новости, 1990.

Грант М. Ирод Великий: Двуликий правитель Иудеи. М.: Центрполиграф, 2003.

Джекобсон Д. Л., Джекобсон А. М. Секреты психиатрии. 2-е изд. М.: Медпресс-информ, 2007.

Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2000.

Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996.

История Древнего Рима / Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1971.

Келлер В. Библия как история. М.: Крон-пресс, 1998.

Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. М.: Бином, 2012.

Машкин Н. А. История Древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1948.

Обухов С. Г. Психиатрия. М.: ГЭОТАР-медиа, 2007.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ, 2000.

На иврите

Баумгартен А. Законность власти Ирода и его потомков как царей Израиля И Евреи и иудаизм в эпоху Второго храма, Мишны и Талмуда: Сборник исследовательских статей памяти Шмуэля Сафри. Иерусалим: Яд Ицхак Бен-Цви, 1993.

Варшавский А., Перец А. Строительство Иродом комплекса на Храмовой горе: Планирование и организация работ// Ирод, царь Иудеи: Сборник статей. Иерусалим: Изд-во Министерства просвещения Израиля, 2013.

Ворбернер М., Рот С. (Бецалель). Народ Израиля: 4000 лет истории. Рамат-Ган; Гиватаим: Масада, 1966.

Кашер А., Вицтум Э. Ирод: Царь преследовавший и преследуемый. Иерусалим: Кетер; Изд-во Хайфского университета, 2007.

Киорн Дж. Ирод и Октавиан // Ирод: Последний путь царя Иудеи. Иерусалим: Изд-во Музея

Израиля, 2013.

Левин И. Л. Земля Израиля как часть Римской империи и Великое восстание // История Земли Израиля: В 9 т. / Под общ. ред. Я. Шавита. Т. 4: Римско-византийский период. Иерусалим: Кетер; Яд Ицхак Бен-Цви, 1998.

Нецер Э. Вместо предисловия // Ирод: Последний путь царя Иудеи. Иерусалим: Изд-во Музея Израиля, 2013.

Пелег-Баакат О. Архитектурный анализ строительной деятельности Ирода И Ирод. Последний путь царя Иудеи. Иерусалим: Изд-во Музея Израиля, 2013.

Файнтох И., раввин. Легенды о царе Ироде и их скрытый смысл // Лекции по Агаде Мишны и Талмуда раввина Иегонатана Файнтоха.

Шалит А. Ирод: Личность и деятельность. Иерусалим: Изд-во Института Бялика, 1960.

Шацман И. Ирод, Мареша и развалины Мадрасы // Ирод, царь Иудеи: Сборник статей. Иерусалим: Изд-во Министерства просвещения Израиля, 2013.

[1] См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 1999.

[2] См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

[3] См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001.

[4] Пиар (англ. PR — сокращение от public relations — связи с общественностью) — деятельность, направленная на формирование общественного мнения о чем-либо (товаре, человеке, компании, событии).

[5] Флавий происходил из почти полностью уничтоженного Иродом рода Хасмонеев, и, таким образом, он не мог симпатизировать Ироду по определению.

[6] Кашер А., Вицтум Э. Ирод: Царь преследовавший и преследуемый. Иерусалим: Кетер; Изд-во Хайфского университета, 2007 (Ивр.).

[7] Шалит А. Ирод: Личность и деятельность. Иерусалим: Изд-во Института Бялика, 1960 (Ивр.).

[8] Джекобсон Д. Л., Джекобсон А. М. Секреты психиатрии. М., 2007.

[9] Обухов С. Г. Психиатрия. М., 2007.

[10] Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. М., 2012.

[11] Истории известны и другие случаи массового обращения в иудаизм целых племен или народов — части древнего населения Абиссинии и Йемена, хазар и т. д. Но инициатива такого обращения исходила уже не от евреев, а от местных вождей и правителей.

[12] Самаритяне — религиозно-этническая группа, сформировавшаяся в VIII–VI веках до н. э.

на территории Самарии. Согласно традиции самаритян, они — часть народа Израиля, потомки колена Иосифа, хранящие верность его подлинному наследию. Еврейская традиция связывает происхождение самаритян с завоеванием Самарии ассирийцами в 722–721 годах до н. э., которое сопровождалось депортацией еврейского населения этого района в глубинные районы Ассирийской империи и расселением на их место «людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Хамата, и из Сфарваима» (II Ц. [4 Цар.] 17: 24). Таким образом, сами самаритяне считали себя евреями, но большинство евреев их таковыми не считали, и их отторжение стало неизбежным. Ко времени завоевания Земли Израиля Александром Македонским (332 год до н. э.) самаритяне уже были вполне сложившейся религиозно-этнической группой, обособленной от евреев. В настоящее время небольшая община самаритян живет в Израиле и близ Шхема в Палестинской автономии.

[13] Гиюр — церемония перехода в иудаизм.

[14] См.: Кашер А., Вицтум Э. Ирод: Царь преследовавший и преследуемый. Иерусалим, 2007 (Ивр.). С. 37–41.

[15] См.: Шацман И. Ирод, Мареша и развалины Мадрасы // Ирод, царь Иудеи: Сборник статей. Иерусалим, 2013 (Ивр.). С. 7—14.

[16] Волкогонов Д. Ленин: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 258.

[17] Белади Л., Краус Т. Сталин. М., 1990. С. 220.

[18] Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996. С. 200–201.

[19] Песах — праздник в честь исхода евреев из Египта. Празднуется неделю. Обычно приходится на март — апрель. В христианской традиции Пасха увязывается с воскресением Христа, распятого, согласно Новому Завету, за два дня до еврейского Песаха.

[20] Гней Помпей (106—48 до н. э.) — древнеримский государственный деятель и полководец, консул Римской республики 70, 55 и 52 годов до н. э.

[21] Психологи спорят, можно ли считать пристрастие к охоте проявлением склонности личности к авторитаризму и насилию. Однако известно, что многие выдающиеся политические лидеры увлекались охотой. Д. А. Волкогонов в своей монографии специально заостряет внимание на этой черте В. И. Ленина. Сталин в бытность свою руководителем СССР выезжал на охоту относительно редко, но много охотился в годы пребывания в ссылке. Заядлыми охотниками были Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев, румынский диктатор Н. Чаушеску и др. Но напомним, что страстными охотниками были и люди, не отличавшиеся диктаторскими замашками, к примеру И. С. Тургенев и М. М. Пришвин.

[22] Грант М. Ирод Великий: Двуликий правитель Иудеи. М., 2003. С. 47.

[23] История Древнего Рима / Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. М., 1971. С. 253.

[24] Келесирия — античное название долины, расположенной между хребтами Ливаном и Антил Иваном; включает необычайно плодородные земли современного Южного Ливана.

[25] В православной традиции — Праздник кущей; обычно приходится на сентябрь или октябрь.

[26] В 72 году Масада осталась последним очагом антиримского восстания в Иудее. Когда после длительной осады римлянам удалось пробить брешь в крепостной стене, защитники крепости убили жен и детей, а затем по жребию — друг друга. Последний из 960 осажденных поджег крепость и покончил с собой. О трагической судьбе защитников крепости стало известно от двух женщин, не захотевших умирать и скрывшихся с детьми в пещере.

[27] Белади Л., Краус Т. Указ. соч. С. 220.

[28] Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1948. С. 301.

[29] В православной традиции — Пятидесятница; приходится обычно на май или июнь.

[30] Волкогонов Д. Ленин. Т. 2. С. 261—262.

[31] Лепта — мелкая монета в Древней Греции.

[32] Царь-клиент — в Древнем Риме официальный титул «дружественного монарха», признающего над собой власть Рима и официально утвержденного Римом в качестве правителя. Все политические шаги такой царь должен был согласовывать с Римом вплоть до текста своего завещания и назначения наследника.

[33] Пятикнижие строго определяет, какие виды животных, птиц и рыб евреям можно есть, а какие нет, запрещает им употреблять в пищу кровь в любом виде, смешивать мясное и молочное и т. д. Эти запреты лежат в основе комплекса еврейских диетарных законов — кашрута. На остальные народы данные запреты, согласно Библии, не распространяются.

[34] Баумгартен А. Законность власти Ирода и его потомков как царей Израиля // Евреи и иудаизм в эпоху Второго храма, Мишны и Талмуда: Сборник исследовательских статей памяти Шмуэля Сафри. Иерусалим, 1993 (Ивр.). С. 34-35.

[35] Ряд древних источников утверждает, что Антонию тогда вообще не удалось взять Самосату и он двинулся дальше, оставив непокоренный город в тылу.

[36] Одно из названий Тивериадского озера, более известного как Галилейское море, или Кинерет.

[37] Возможно, именно здесь следует искать истоки евангельского повествования о бегстве семьи Иисуса в Египет.

[38] Ворбернер М., Рот С. (Бецалель). Народ Израиля: 4000 лет истории. Рамат-Ган; Гиватаим, 1966 (Ивр.). С. 67.

[39] Левин И. Л. Земля Израиля как часть Римской империи и Великое восстание // История Земли Израиля: В 9 т. Т. 4: Римско-византийский период. Иерусалим, 1998. С. 25.

[40] Еврейский обычай предписывает хоронить покойников немедленно, сразу после смерти.

[41] Хайот ха-кодеш — «живые святые создания», группа высших ангелов из видения пророка Иезекииля.

[42] Кидар — наглавник.

[43] Цит. по: Махзор Охэль Эстер [Молитвенник на Новолетие и День искупления]: Иврит — русский. Изд-во «Ал Тидом». (Без указания года издания.) С. 589.

[44] См., напр.: Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 286.

[45] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1957. Т. 5. С. 221.

[46] Там же. С. 300.

[47] Там же. С. 312.

[48] Файнтох И., раввин. Легенды о царе Ироде и их скрытый смысл // Лекции по Агаде Мишны и Талмуда раввина Иегонатана Файнтоха (Ивр.)

[49] История Древнего Рима / Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. С. 258.

[50] Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. Иерусалим, 1989. С. 235.

[51] Само это имя означает «сын бога Косо».

[52] См.: Нецер Э. Вместо предисловия // Ирод: Последний путь царя Иудеи. Иерусалим, 2013 (Ивр.).

[53] Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Указ. соч. С. 236.

[54] См.: Шалит А. Ирод: Личность и деятельность. Иерусалим, 1960 (Ивр.).

[55] См.: Джонсон П. Популярная история евреев. М., 2000.

[56] Территория Храма делилась на несколько секторов. В первый разрешалось заходить всем, независимо от национальности и вероисповедания, во второй — только евреям, в третий — только евреям-мужчинам, в четвертый — только священникам-коэнам. Вход в Святая Святых был разрешен только первосвященнику, и лишь один раз в год — в Судный день. Не так давно археологи нашли табличку, установленную на границе между первым и вторым секторами. Надпись на табличке на иврите, греческом и латыни извещала, что любого не иудея, который пересечет запретную черту, ждет смертная казнь.

[57] См., напр.: Варшавский А., Перец А. Строительство Иродом комплекса на Храмовой горе: Планирование и организация работ // Ирод, царь Иудеи: Сборник статей. Иерусалим, 2013 (Ивр.). С. 58—72; Пелег-Баакат О. Архитектурный анализ строительной деятельности Ирода // Ирод. Последний путь царя Иудеи. Иерусалим, 2013 (Ивр.). С. 118—126.

[58] Тацит Публий Корнелий. История. Кн 5.

[59] См.: Киорн Дж. Ирод и Октавиан // Ирод: Последний путь царя Иудеи. Иерусалим, 2013 (Ивр.). С. 18.

[60] Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. М., 1990. С. 477-478.

[61] См.: Филон Александрийский. Против Флакка: О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О

древности еврейского народа: Против Апиона. М.; Иерусалим, 1994 (5755) (Библиотека Флавиана. Вып. 3).

[62] Кипрские медные рудники были одним из основных месторождений меди в Римской империи и приносили поистине колоссальные дивиденды.

[63] Подтверждение этому мы находим в библейском рассказе о Фамари (Тамар) и Иуде (Иегуде) (Быт. 38:6—25). Арабы придерживаются этих правил и в наши дни.

[64] Келлер В. Библия как история. М., 1998. С. 396—398.

[65] Сокровища могилы Ирода были разграблены, вероятно, в период восстания Бар-Кохбы (131—135 годы н. э.).

[66] Джонсон П. Указ. соч. С. 127—128.

[67] Там же. С. 130.

[68] Грант М. Указ. соч. С. 285.

[69] Там же. С. 279-280.

[70] Грант М. Указ. соч. С. 283.

[71] См.: Волкогонов Д. Ленин. Т. 1. С. 34.

[72] Все даты относятся к периоду до н. э.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch